

Федор Дмитриевич Березин

Война 2010: Украинский фронт

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274822
Война 2010. Украинский фронт: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-31716-5

Аннотация

«Над всей Украиной безоблачное небо...» И в этом небе безнаказанно хозяйничает натовская авиация. А мировая «либеральная» печать помалкивает о начавшемся вторжении. И нет приказов на развертывание систем ПВО. Но есть офицерский долг и боевая техника советского производства. И есть Россия, которая обязательно придет на помощь...

Третья мировая война на пороге! Мировой пожар начнется на Украине. Вооруженный конфликт, вспыхнувший в Крыму, грозит перекинуться на всю Европу. И России не остаться в стороне от решающих событий. Главным фронтом будущей войны станет Украинский фронт!

Содержание

1. Позиция	5
2. Побудка	14
3. Цели	21
4. Звонки	25
5. Гусеницы	31
6. Командная цепь	37
7. Экспертиза	40
8. Лом	44
9. Ритуал	47
10. Равновесие	51
11. ЧП	56
12. Древности	64
13. Динамическая защита	69
14. Железяка	72
15. Бизнес-крах	78
16. Ёлки, палки и индийские моря	84
17. Курс молодого бойца	89
18. Ручки шариковые и шулерские ракеты	93
19. Генералы и маршалы	97
20. Сибирские морозы и человеческий фактор	103
21. Нисхождение больших звезд	112
22. Формула Циолковского и боевые роботы	118
23. Большой бизнес-план	124

24. Полигонные несчастья	130
25. Курортники	134
26. Чудеса небесные и морские	140
27. Простые шпионские дела	145
28. Пустыни большие и поменьше	150
29. Офицерские традиции далеких стран	153
30. Трамбовка пустоты	159
31. Служебный долг	164
32. Маленькие братья по оружию и забота о них	169
33. Аргументация	172
34. Опасное Чёрное море	177
35. Бунтари	181
36. Роковой промах	186
37. Бунт	193
38. Общага	199
39. Телефон, телеграф и...	207
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Федор Березин

Война 2010.

Украинский фронт

*Они стояли. Сомкнуты щиты
И копыя кверху, жилистые руки
Поножи теребят, глаза внизу
Разыскивают цели и опасность
Уж третий день. И смерть уже не ждешь,
Устали нервы. Прележни от лат —
Снимать нельзя – готовность боевая,
Нешуточная, да и трибунал,
Хотя вот он как раз не очень страшен —
Собрание народа, порицанье,
Ну, могут выгнать с города совсем,
Ищи потом жену, кусок землицы,
Рабов, без них ведь никуда —
Рабовладенья век...*

1. Позиция

Танк вышел на позицию годную для стрельбы.

– Ух-ты! – выдохнул в гарнитуру механик-водитель Громов. – Это что же? Чьи они будут, пан майор?

Удивляться было от чего: в зоне непосредственного воздействия стадвадцатипятимиллиметровки находились те-

перь предназначенные на заклание жертвы – толстые, большебрюхие...

– Это зовется «Гэлэкси» – «Галактика», С-5А, – пояснил майор Шмалько, которому конечно же было гораздо лучше видно снаружи, да еще и в полевой бинокль. Через старую советскую оптику ему получалось даже разглядеть «чьи».

– Вот тебе и весь сказ, – произнес он, прижимая к векам совсем не истертый резиновый тубус. – Твою бого-мать! Так ведь я так и ду...

– Что такое? – испуганно поинтересовался наводчик Ладыженский?

– Чьи вы хлопцы будете? Кто вас в бой ведет? – хрипло и неумело пропел Шмалько. – Союзнички, твою бого... Хоть бы флажки с кия стерли. Сучье племя. Ну, нигде без них...

– Ух-ты! Куда ж это он? – снова подал голос механик, которому из-за остановки машины стало теперь весьма интересно любоваться видами.

– Наводись, Ладыженский, не спи! – гаркнул сверху Шмалько. – Цель на десять часов. Бьем вот того – движущегося. Взлетать собрался сволота. – Командир батальона, ныне работающий всего-то за танкового, сплюнул. Из-за сухости во рту столь простое действие вышло не очень: густая слюна повисла на расстегнутом вороте.

– Ой! – сказал вдруг наводчик, с опаской глядя на ожившую лампочку датчика. – Майор, у нас это... Облучение, – он вдохнул воздуха и внезапно закричал: – Наведение

ПТУРС!

– Ориентируешься, – похвалил его Шмалько, уже занырнувший в проушину люка и тоже смотрящий на диодное подмигивание, в то время как руки задраивали вход.

– Дорожка! – распорядился майор уже для механика водителя. Эта простая команда означала, что танк должен двигаться исключительно прямолинейно и не быстрее тридцати пяти километров в час. Все для удобства наведения.

– Так стоим же, пан майор! – несколько удивленно-обиженно отозвался механик.

Майор благоразумно оставил его замечание без внимания, он сосредоточился на воспитании другого члена экипажа.

– Еще не стрельнули твою ПТУРС, дорогой, – пояснял он для замершего в гипнотическом трансе от лицемерия датчика Ладыженского. – Так, покуда, выцеливают на всякий случай. У них тоже, как и у нас, пауза неприятия действительности. Надо бы удерживать инициативу. Давай работай! – рыкнул он и увесисто хрястнул наводчика по плечу, тут же проворно убирая руку, ибо в танке слишком мало места для непредусмотренных инструкциями жестов, и к тому же, живые руки – столь мягки, сравнительно с подвижным железом.

– Дальность восемьсот! Оснастка осколочно-фугасная! – поспешно доложил Ладыженский.

– Огонь! – нежно скомандовал Шмалько, прильнув к ту-

бусу и одновременно переключая кратность увеличения на «один к восьми».

– Может, дым? – спросил снизу водитель Громов, имея в виду искусственную дымовую завесу. Он переживал: танк покоился – уязвимость от ПТУРС серьезно возросла.

– Не надо. Двигай вперед помалу. А дыма сейчас и так... – поморщился майор, но уже даже не от вопроса, а от сотрясения и грохота залпа, и еще от недоговоренности ответа, съеденного шумностью.

Шмалько был прав – впереди уже полыхнуло. Природные затворы человеческих век сработали на вспышку, и в этой ошалевшей яркости темноты, бывший командир батальона пояснил со странным для танкиста знанием дела:

– Семьдесят тонн керосина при полной заправке. Это понятно?

Ответы его не интересовали. Да, теперь уже и не было времени ни на них, ни на новые вопросы – время прессовалось: война и мир – совершенно разные пространственно-временные конгломераты. И все-таки совсем не старый, но столь древний соотносительно солдат, майор продолжил краткую лекцию, делая ее даже не фоном – из-за шума не в шутку ожившей вокруг механики это стало бессмысленно; все эти вызубренные когда-то в академии ТТХ теперь служили просто смазкой, давящимся из тюбика солидолом, позволяющий лихо, без торможения о шипованные зазубрены привычек, вползать в действительность всамделешнему огню на-

стоящей, не игрушечной войны.

– Очень похож на наш «Руслан», Ан-124. Вернее, именно «Руслан» похож на «Гэлэкси» – между ними зазор лет пятнадцать... Вперед, Громов! Оп-па! Дорожка! Цель на три часа. Дальность – тысяча. Видим? Пусть снова осколочный. Хрен ли толку тут в бронебойном?... Наш кончено получше, все ж с учетом опыта сделан. Два мостовых крана по двадцать тысяч кг, герметичный грузовой отсек, сверху пассажирский на... Огонь! О, господи! Ни черта себе! Давай беглый, по всем целям подряд, начиная с правой. Наблюдаешь? А то сейчас все дымом заволокет, ни черта ни найдем, и по «тепловику» не выцелим... Правда, заднее оперение у них чуть по-другому расположено, только поэтому разве что не копия... Опять облучают?! Дергай вперед. Нам бы заряжающего. Быстрее бы дело шло. Так, ты тут управляйся, я их пулеметом рубану. А то пушкой все не успеем.

Для стрельбы из надбашенного зенитного пулемета НС-ВТ майору Шмалько даже не требовалось высовываться наружу. Все получалось делать прямо с рабочего места. Однако стрелку приходилось крутить туловище туда-сюда, ибо кресло крепилось жестко. Уже через считанные секунды майор был весь в поту. Но еще жарче было теперь снаружи. Впереди, может уже по всей территории аэропорта, пылало. На фоне гигантского пламени, ломающихся и крушащихся картоном лайнеров, не уместно смотрелись муравьиные метания маленьких человечков и миниатюрной техники. Среди по-

следней краем сознания просматривалось что-то военизированное. Но имелось ли время заниматься такой мелочью? Из всего, столь недавно мощного, точнее, как оказалось и нехорошо предчувствовалось, бумажно-мощного, батальона, сюда, к месту использования, добралась даже не танковая рота, и даже не танковый взвод – всего один Т-64БВ. Работы у него теперь оказалось выше крыши.

– Командир, вон здание! Обстрелять!

– Не трогать, тут ведь все наше – родное. Да и снарядов не хватит на все. Уже...

– Половину прикончили – восемнадцать штук. Придется подкалиберные и кумулятивные тоже...

– Придется, Ладыженский. Хотя толку в них...

– Может, по кабинам прямо, а, майор?

– Не смейся, боец. Сколько ты уже впулил в молоко? В тот лапоть справа, лишь с третьего раза. Эх... Ладно, не ваша вина, что мы вас ни хрена нормально не выучили – все траву стригли, бордюры драили... Давай бронебойный. Останови, Громов! Упростим Олегу Семеновичу задачу. Мазать начал солдат. Цель на два часа! Дальность тысяча! Огонь!

Прильнувшие к прицелам люди просто так почувствовали, как тяжелая болванка продырявила транспортный самолет километром впереди, и как он просел. Зато вдали, за этой мишенью ввысь снова ударил фонтан пламени.

– Товарищ майор, мы похоже...

– Надо же? Штуки два сразу рубанули. Кому будем рас-

сказывать – не поверят.

В наушниках слышалось, как наводчик Ладыженский хохотнул. А может, это сделал Громов. Не имело значения, им всем внезапно стало весело. Вершилось именно то, для чего когда-то и изобретали сложную штуку под названием боевой танк. Он творил вокруг локальное светопредставление. Причем, совершенно без противодействия. Это веселило тоже. Им выпала честь делать все нехорошее за весь батальон. В коротких паузах, когда механизм автоматического заряжания выбирал маркированные снаряды, майор Шмалько, поливал окружающую авиатехнику из 12,7-миллиметрового НСВТ. Действие тяжелых пуль по отношению к покоящимся на земле самолетам было немногим хуже воздействия снарядов. Тем более, стрельба велась очередями. Причем, сначала увлекшийся майор позорно мазал, ни чуть не хуже призывника-непрофессионала Ладыженского. Тогда он прерывал лекцию о ТТХ, звучавшую примерно следующим образом: «Перед вами, солдатушки, пулемет НСВТ, то есть, пулемет танковый, и по принципам социалистического соревнования и совместного коммунистического труда, созданный аж тремя конструкторами – Никитиным, Соколовым и Волковым...»; и начинал успокаивать себя продолжением прерванного ранее все того же монолога вольной тематики:

– Забыли мы, братцы, зачем нужна армия. Обработывали мазанкой бордюрики, слушали советы всяких «советов ма-

терей». Будто женское дело воевать. Делали из армии передовой детский садик. Вообще-то, если честно, то и его не делали. Все тонули в текучке, в нарядах и хозпоручениях. Никак не могли разгрести всегдашнюю недостачу того и сего. Да и вообще, не успевали призванных одеть-обуть, глядь – их уже следует рядить в парадки и – в положенный отпуск. А там, не успел вернуться – давай готовься к почету дембеля.

Никто, даже он сам, по-прежнему не мог ничего этого слышать. Вокруг рвались даже не керосиновые бочки – целые керосиновые озера. Им, внутри танка, не дано было ощутить, но жар чувствовался за сотни метров. Но конечно, такая песня одностороннего разрушения не могла длиться слишком долго. Теория вероятности и ее антропоморфные следствия, типа законов Паркинсона и прочего, рано или поздно должны были вмешаться. Они все и так потеряли минуты, вылившиеся в праздник огня.

Некоторое время танк маневрировал, обходя зону пожара. Сигнализатор облучения более не мигал, может, в процессе уничтожения лайнеров они ненароком сожгли и этот не обнаруженный визуально ПТУРС? Шмалько откупорил люк и высунулся наружу. Хотелось осмотреться вокруг, без окантовывающих мир перископического прибора наблюдения, и поискать новые цели. Кроме того, сверху работать зенитным пулеметом казалось удобнее. Боекомплект 12,7-миллиметровых патронов был не так уж велик, а точность шла рука об руку с бережливостью.

...И все же,
Суд в демократии не слишком уж суров,
Гораздо хуже взгляды горожан,
Не мегаполис ведь, и нет метро,
Такси иль личного автомобиля,
Где спрятаться возможно за стеклом
Тонированным. Город небольшой —
Столица полиса. И население может,
Его мужская часть, по крайней мере,
Рассесться в стадионе целиком.
Вот трусов-то и нет, и дезертиров тоже...

2. Побудка

Войны всегда наступают неожиданно. Или так... Для любителей орфографии и обостренного, не затертого с младенчества инстинкта языка... Война всегда начинается внезапно. Причем, что интересно, да и несколько странно, на первый взгляд, даже для нападающей стороны. Нижние звенья войскового братства узнают о том, куда и зачем направляются почти в последнюю минуту. Да, с точки зрения готовности к этим самым неожиданностям, такое гораздо хуже. Зато надежно предохраняет от длинных, не заклеенных скотчем языков.

Данный случай не составлял исключения, и кроме всего, относился к другому множеству. Ибо речь сейчас о тех, на кого напали – о жертвах агрессии. Конечно, командир танкового батальона майор Андрей Валентинович Шмалько не удосужился угодить в число непосредственных жертв первого удара. И тем не менее...

Звонок оторвал его от родной, любимой подушки.

– Да! – сказал он, мгновенно пробуждаясь. – Шмалько слушает!

– Это Пасечник! Помните такого, майор! – встречно заорали в трубке.

Шмалько поморщился, еще раз покосился на светящуюся зеленую панель настенных часов.

– Слушаю, Игорь! Чего кричать-то? – Тон был понятен, но фраза дешифровывалась по-другому: «Какого хрена! Полтретьего ночи!». Однако Шмалько прекрасно помнил, кем является Пасечник. Не стоило настраивать против себя такого человека из-за какой-то ночной побудки. Подумаешь... Побудка для военного – это стиль жизни, за такое, в частности, и обещается ранняя пенсия в светлом далеком завтра.

– Что-то случилось, капитан? – спросил Шмалько испугавшись двухсекундной тишины в трубке. Он уже окончательно проснулся, и теперь соображал как следует. Грубить и кричать было совершенно нельзя: требовалось ценить эту деловую дружбу и то, что капитан Пасечник разрешал вести себя фамильярно – именовать по-простому – «Игорь». Рядом на кровати зашевелилась жена.

– Сейчас, Игорек, я перейду к другому телефону, – сказал Шмалько приглушенно, уже разыскивая ногами тапочки под кроватью. Нашелся один. «На фига они мне сдались!», – чуть не ругнулся командир батальона.

– У тебя трубка или простой телефон? – спросил Пасечник издалека.

– В смысле? – не понял Шмалько, и тут же понял. – Нет, проводной пока, а в зале...

– Тогда уж лучше говори отсюда, – подсказал Пасечник. – Так меньше вероятность... – он опять замолчал.

– Что-то случилось? – снова спросил Шмалько, окончательно сбиваясь с толку. В голове уже пестрел, начиная не в

шутку разгоняться, калейдоскоп вариаций на тему ЧП различного уровня разрешения. Ведь Игорь Алексеевич был, как-никак, особистом уровня штаба армии. Вернее, ныне наименование «особист» рассматривалось, как пережиток кошмара тоталитарного прошлого и коллеги Пасечника именовались несколько по-иному, но суть то...

– В том-то и дело, майор, – пояснили в трубке едва слышно. – Случилось. Вы единственный в командном звене батальонов кому я... Кстати, вы еще на должности?

Карусель предчувствий в голове Шмалько сменил вектор вращения, переключившись в перебор вариантов, за что в нынешнее, туманно-смутно-оранжевое время его могли ускоренно снять с занимаемого поста. И ладно должность, главное чтобы из армии не... Он натужено, и даже слащаво хохотнул:

– Часа четыре назад, вроде, еще командовал, Игорь. Или это такая...

– Извини, Андрей, но мне совершенно не до шуток, – очень серьезно сказал Пасечник. – Короче! Слушай внимательно. У нас просто может не хватить времени на долгие объяснения.

– Да, – сказал Шмалько, подтверждая готовность внимать. Не мог же он в самом деле, ляпнуть в гражданскую линию связи что-то типа: «Готов! Диктуйте!». Ведь это смотрелось бы совсем уже нелепо, тем боле на фоне тапочек, которые, автономно действующие ножные пальцы наконец-то нашу-

пали, и даже самостоятельно разобрались на счет право-левой ориентации.

– На нас напали турки, – произнес Пасечник.

– В смысле? – реально не понял командир танкового батальона. – На кого напали?

Калейдоскопу в голове явно не светило быть надежным гироскопом ориентации: он снова изменил спин. Пошел перебор вариаций: какие-то турки-нелегалы напали на офицеров штаба, или даже, некая турецкая банда напала на сам штаб армии в Луганске, или...

– Турция напала на Украину, – со странной отрешенностью растолковал Пасечник.

– То есть...

– Не перебивай, Андрей. Молчи! Нас могу рассоединить в любой момент. Никто сейчас официально войны не объявляет – не тот век. С информацией и у нас самих туго. Есть отдельные... Ну, в общем, наши «оранжевые»... или какие там сейчас?... Они не собираются ничего предпринимать. Армия выведена из игры. Настоящего приказа вам не поступит. Действовать, я имею в виду. Однако точно известно, что на донецком аэродроме уже высажен десант. Настоящий военный десант, без шуток. Хотя может, и банды наемников, даже чеченские боевики какие-нибудь, кто знает? У турок ведь с ними налажено.

– А как же... – не нашелся Шмалько, в полной растерянности переваривая несъедобность сказанного.

– Я же сказал, армия, и ПВО, все и вся, в общем, выведены из игры. Приказа не будет. Все, Андрей, извини. Я не могу говорить. Похоже...

Из трубки пошли неприятные гудки.

– Что там? – спросила жена из темноты. – Опять...

– Да, готовность, – отмахнулся майор Шмалько.

– А чего неожиданно? – поинтересовалась супруга, со знанием дела. – Или все утром начнется?

– Не-а, сейчас, – сказал Шмалько, в действительности все еще находясь в странной прострации, и даже не представляя, что и как предпринимать.

– Чего с вечера-то молчал, Андрюша? – проворчала подруга жизни. – Я бы хоть тормозок...

– Мысль верная, – сказал командир батальона, вскакивая. – Сделай что-то по быстрому. И в термос чего-нибудь.

– По быстрому, – недовольно буркнула жена. – Я что – солдат? – Однако ночник над кроватью она уже зажгла и заспанно зажмурилась на свет.

– Извини, любимая, – мягко подстелил Шмалько, оборачиваясь и наклоняясь, чтобы поцеловать. – Я как-то забылся, закрутился вчера.

От поцелуйчиков жена уклонилась, побрела в ванну.

– Закрутился он, – забрюзжала она уже оттуда, включая воду. – Весь вечер в телевизор пялился, в «DVD-ди» свое нежное.

– Так ведь с антенной что-то, и с кабельным... – пояснил

майор. — Ни новостей, ни... — Он осекся. «Ладно с кабельным, но антенный блок ему ставил старший лейтенант Трубка, а он туфты не гонит. А если и правда...»

— Милая, не злись. Я быстренько-быстренько. Проясню обстановку, готовку и...

— Быстренько он, — передразнила жена. — А томрзозок на что?

— Ну, это на всякий...

Так начинаются войны.

* * *

...Когда посыльный в дом несет приказ,
Бросай соху, чертеж или молитву
И в строй бегом — копье и щит дадут.
А лошадь? Извини. Мы бедная страна,
Хотя две тысячи годков спустя,
С высот образования и прогресса
Распустят слух, и все ему поверят
О центре философии, наук,
Естественных и прочих. Ну, а лошадь —
Та привилегия у варваров. У них
Диктаторы, взимание поборов
С больших пространств помногу и всерьез
И армия — наемники, за деньги,
Да, и чужие есть, и наши —

Греки, за хороший куш не прочь...

3. Цели

Справа, в отдалении, вовсе не на фоне пламени, наконец-то наладивший взаимоотношения с НСВТ Шмалько внезапно заметил движущуюся бронетехнику. На миг у него защемило сердце от полыхнувшей надежды. Действительно, в сторону танка двигались БТР-80, две штуки. Неужели помощь подоспела? Не только он один наконец-то очухался? Однако непривычный окрас сбивал с толку. Кто это? Краснодонский батальон? У них вроде машины простого зеленого, даже зеленочного оттенка? Конечно, в теперешнее время настоящего армейского дефицита, совсем не чете когда-тошнего советского, красят чем придется, но тем не менее...

Оказалось, черед мирных поколений все же не вытравила окончательно инстинкты самосохранения, или там, воинское чутье. Шмалько заметил как снабженная более увесистым, чем у него, аж 14,7-миллиметровым пулеметом приземистая башенка БТР-а внезапно качнулась в его сторону. Был ли смысл стойко ожидать окончания процесса? Майор снова нырнул в темень танковой полости и едва закупорил крышку, когда что-то звякнуло по броне.

– Хорошо стреляют, – отметил Шмалько, прикидывая дистанцию до бронетранспортеров. – Вы это... У них там оказывается наши БТР-ы, может и танки имеются такие же. Не купитесь.

Очередная лекция пропала втуне – никто его не слушал. Ладыженский искал в биноккулярный прицел цели, возился с дальномером. Громов периодически, на дистанции сотни или полторы метров разгонял танк, потом снова по команде «Дорожка!» сбавлял газ до минимума и глазел в перископ. Несколько долгих секунд майор Шмалько размышлял о том, стоит ли ответить враждебным БТР-ам 125-тью миллиметрами? Решил, не стоит. Если они с Ладыженским не всегда попадали с километра в распластанные туши самолетов, то совсем несуразно изводить остатки боеприпасов на небольшие юркие машины.

– Еще рассмешим сволочей, – сказал сам себе Шмалько, начав выискивать БТР-ы через командирский перископический прибор наблюдения. – Конечно, броню они своей пушкой не пробьют, но ведь могут расколотить все навесное оборудование, перископы в том числе. Как потом воевать?

– Полный вперед! – скомандовал он водителю. – Жми, боец Громов! И маневрируй, маневрируй иногда! Давай прямо туда – в дым!

Опять же, могут ведь и ПТУРС-ом рубануть, размышлял Шмалько. Были ли у них на башнях ПТУРС-ы? Вроде нет. Но то, что у них наши «броники» вовсе не значит, что и ПТУРС-ы у них обязательно наши. Может, быть что-то не ракетообразное, и не над башней; торчит где-нибудь сбоку – в этих камуфляжных пятнах не разглядеть сходу, да и времени на осмотр не давалось. Ох, и вляпались же мы! Где мое

родное, положенное по штату мотопехотное прикрытие?

По бочине танка снова что-то хлестнуло.

– Не обращайтесь внимания! – проорал Шмалько успокаивая. – Это дребедень – пулеметчики! Ищите настоящие цели!

– Вот! – подал голос Ладыженский. – Взлетает что ли опять?

– Ага, – подтвердил майор Шмалько. – Дорожка! Броне... А у нас же подкалиберный! Огонь!

Всех качнуло.

– Вроде попал, – несмело предположил наводчик.

– Хрен знает, – пожал плечами Шмалько. – Вроде. Но не горит же гад. Уходит.

Вдали, по взлетной полосе, и правда мчался улепетывающий транспорт.

– Уйдет ведь, пан май...

– Хрен с ним. С этого ракурса снова не попадем. Если б осколочным... Ладно, в догон даже ракеты не всегда... Вперед дерни, Громов! Ищем цели, наводчик. Вот! Нет это вроде наш же «Ан». Хотя... Если аэропорт захвачен, то чьи самолеты?

– А вы как думаете, пан майор?

– Не знаю. Сколько снарядов-то? К чёрту, пощадим. Ищем... Ух ты! Вот сволочь затаилась. Видишь?! Да вот, флажок на киле!

– О! – удивился Ладыженский. – Американский, что ли?

– Здрасьте, приехали! А до этого ты кого колотил? Наво...
В этот момент Т-64БВ тряхнуло по-настоящему.

* * *

...Однако не сейчас – особый случай —
На мушке метрополия – Афины,
И грекам доверять не очень можно,
Пусть лучше месят в пыль армян,
Иль курдов, и готовят расы
Для партизанских войн в двадцатый век.
Так вот, сейчас, в равнине Марафона,
Свои, персидские, гарцуют на конях,
Из луков метят. Да, не нам чета —
Отборные вояки, знают толк
В сражениях, к тому же снаряженье...
Попробуй – лук купи, такой чтоб лоб
Пробил за сто шагов и без пристрелки,
Или доспех навyleт с двадцати...

4. Звонки

Можно было, да и положено по должности, вызвать к дому «УаЗ-ик». Тем не менее, давал ли странный звонок, плюс отключение телевидения, реальный повод для паники? Тем более, если уж паниковать, то тогда тем более не стоило привлекать внимание. Вызов машины – это целая кутерьма. Помимо водителя, будится дежурный по автопарку, дежурный по роте, ответственный по той же роте. В курсе дневальный и естественно дежурный по части. Понятно, большинству из указанных спать ночью вообще-то и не положено, но ведь дело не в прерывании сновидений. Просто, слишком много людей становятся сведущими в том, что командир вот-вот нагрянет. В условиях, когда, по словам Пасечника, армия выведена из игры, лишний шум не нужен. Кроме того, что там идти до того батальона? И как раз будет время покумекать о дальнейшем, без отвлекающего брюзжания благоверной.

Однако, спускаясь по лестнице своей древней «хрущевки», майор Шмалько сделал еще кое-что. Данное действие он надумал еще на своем пятом этаже, но решил не волновать жену очередной выходкой. Тем более у всех баб, и у его супружницы в частности, весьма длинный язык. Не хватало, чтобы по городку пошли странные слухи, если конечно звонок Пасечника является пьяным бредом или граничащим с сумасшествием розыгрышем. Кажется, лейтенант Вожик

не стоял сегодня в наряде, а как раз должен был смениться. Весьма вероятно, что после дежурства он решил отоспаться, а не предпринимать молодецких вылазок по бесхозным женщинам окружающего поселка. Хотя конечно женщины могли заявиться к Вожику и самостоятельно. Все-таки не у каждого холостого лейтенанта в округе наличествовала отдельная, пусть и служебная, квартира. Ладно, посторонних, незнакомых любительниц «военных и здоровенных» командир танкового батальона не слишком побаивался.

Он позвонил один раз. Не хватало поднять шум, дабы еще не уснувшая по новой жена наверху услышала, как он разговаривает с холостяком Вожиком. Потом попробуй объясни, что ты не свернул налево в том же подъезде, а захаживал туда в три ночи по служебным делам. Кстати, о такой возможности проворота мыслей благоверной майор Шмалько подумал, только в момент нажатия кнопки звонка. Он даже невольно глянул вверх, не следит ли бесценная Любаша за ним через пролеты. Наконец в тиши ночи раздались шаркающие шаги. «Тоже в тапочках щеголяет», – констатировал Шмалько, радуясь, что не он один пропитался духом мещанства. Еще до того, как Вожик что-то спросил, майор, прислонившись к самой двери, сказал:

– Лейтенант Вожик, это я, командир батальона майор Шмалько. Открой, пожалуйста, Александр, и не шуми.

– Сейчас, – ответил явно опешивший командир танкового взвода.

– У тебя кто есть? – негромко поинтересовался Шмалько, прикрывая за собой.

– Э-э... – замялся Вожик.

– Спит?

– Может быть, – не определился в точности лейтенант.

– Вот и не буди. Слушай, Александр Миронович, мне бы телефон, а?

– А... Пожалуйста. Ой, нет. Что-то с вечера «мобилка» совсем ни гугу. Но может...

– Попробуй, Алеша. Правда, моя тоже как-то...

– И у вас?

– И у меня.

– Ой, а если я спрошу у...

– Не надо, – догадался Шмалько. Мобильные телефоны действительно не работали у всех встречаемых еще с вечера. Об этом еще много судачили, однако поначалу, спросонья, Шмалько и об таком факторе начисто забыл. «Еще один плюсики к звонку Пасечника, – констатировал командир батальона. – Если действительно война, то связь надо резать в первую голову».

– У тебя простой телефон функционирует? – обратился он к, одетому только в яркие неуставные трусы и такие же тапочки, подчиненному.

– Простой? А у вас, пан майор, и он тоже?

– Точно, – не моргнув глазом соврал Шмалько. – Где?

– На кухне, на кухне у меня.

– Трубка? – поинтересовался Шмалько, вспомнив о предупреждении дивизионного особиста.

– В смысле?... А нет, на проводе. Зачем мне, собственно. Есть сотовый. Я вообще думаю, зачем за него каждый месяц...

– Помолчи! – негромко скомандовал майор. Он достал из кармана засаленный от старости блокнот.

– Попробую дядьку, он у меня в Макеевке, – сказал он сам себе вслух. Обернулся к Вожику и пояснил: – Я тут межгород звякну. Счет придет – принеси мне – оплачу.

– А, ну пожалуйста, – переступил с ноги на ногу командир взвода.

– Иди покуда, оденься, – сказал Шмалько, накручивая диск действительно старинного аппарата.

– А что мы куда-то...

– Чши! – сказал майор прикладывая палец к губам. В трубке были непонятные, прерывистые гудки.

«Вряд ли дядя Яша с тетей Шурой сейчас болтают с кем-то, значит...». Покуда это еще ничего не значило.

– Так, – сказал Шмалько. – Кто у нас в отпуске? Кирпичев? Он как раз из Донецка. Давай-ка... – он отлистал блокнот и снова набрал код города и номер. Гудки повторились.

– Попытаемся «ноль семь», – произнес командир батальона, еще дважды попробовав воспользоваться услугами автоматики.

Однако на «07» реакции не последовало. Вернее, телефон

давал те же однообразные гудки. Шмалько повторил попытку еще и еще. Он сердито бросил трубку и только теперь обратил внимание, что хозяин трубки и телефона-ретро стоит рядом по полной форме.

– Умылся? – спросил Шмалько неизвестно зачем.

– Так ведь... – не сумел найти объяснение лейтенант.

– Иди умойся бегом, – посоветовал Шмалько. – И поодколонься. Женщиной от тебя сильно разит. Нечего солдат приводить в возбудимость фермионами. Да, – сказал он уже через прикрытую дверь ванной. – А свою благоверную ты здесь оставишь. Ключ у неё...

– Все норм..., разбер... – донеслось из-за двери: лейтенант Вожик работал зубной щеткой.

– Хорошо, я жду на улице, – сказал майор Шмалько.

«Может, так вот весь дом перебудить? – прикидывал он, спускаясь вниз. – Или все-таки с объявлением тревоги будет эффектнее?» Вообще, теперь он жалел, что не вызвал машину. Сейчас бы в части уже кое-что шевелилось. Да и время! Если и правда война, то пока он прогуливается, пока звонит... Уж второй атомный век на дворе, скорости ракетные, а он... «Но ведь никакой команды сверху не было, так?», – успокоил он себя. Точнее, попытался.

«Война начинается совершенно нелепо», – подумал он, выходя из подъезда. Он ужаснулся обыденности мысли. Ведь после звонка Пасечника прошло не более двадцати минут. «Нет, меньше – восемнадцать», – зафиксировал он, глянув

на циферблат старого японского «Ориента», подаренного
когда-то отцом.

* * *

...Вот, то-то и оно! Так ведь еще попробуй
Использовать умело, тут тебе, не строй
Фаланги сомкнутой, плечами повести —
Товарищей зацепишь. Все же биться
И погибать, коль выпало, спокойней
В скопление большом людей, друзей,
И даже родственников тещи. Словом,
В могилу общую сойти отменно кучей,
Но и героизм, прелюбопытно проявить в родне.
Ведь после сэкономишь в разговоре
Себя хваля. Тщеславие твое потешит брат,
Кузен иль кто еще, оставшийся в живых сосед,
В конце концов...

5. Гусеницы

То оказался не ПТУРС, вернее, может и ПТУРС, но ухнула все-таки навесная динамическая защита. На танке было закреплено сто семьдесят девять контейнеров с такой вот начинкой, и в данном случае несколько штук сработало одновременно. Так что в передней, а так же частично в боковой плоскости Т-64БВ оказывался достаточно надежно защищен пассивным способом. Но ведь он же еще и активничал.

Не смотря на начавшийся встречный обстрел, танк с бортовым номером «75» продолжал приоритетно уничтожать покоящуюся на аэродроме летающую технику. Внешний наблюдатель принял бы это только лишь за весьма героическую избирательность, однако по-настоящему, это еще и совпадало с наиболее простым решением программы разгрома. Разыскивать предположительно находящиеся на аэродроме военные машины меньшего размера не было никакой возможности. Это стало бы нужно, в случае ожидания скорого подхода дополнительных сил, дабы снизить их потери при нападении, однако никоим образом не сейчас. При дуэли с какими-нибудь безоткатными пушками ставилась на кон вся дальнейшая активность в целом. К тому же, вероятность попадания по таким целям сравнительно с распластанной в десятки метров хрупкостью самолетов различалась просто-таки в десяток раз. И значит, требовалось громить то, что полу-

чается. То есть расходовать боеприпасы самым рациональным образом. Естественно все это имело самое прямое отношение к героизму.

Сейчас Шмалько жалел, что будучи снаружи не позаботился о перезарядке тяжелого пулемета. На теперешний момент он утилизировал только один из трех наличных магазинов – сто патронов. Вылезать из башни сейчас, при обстреле БТР-ами, или еще кем-то, стало бы полным безрассудством. Оставалось успокаивать себя тем, что НСВТ поработал вполне производительно. В смысле, производительность мерялась в случае целей несколько по-другому, не только по выпулянным гильзам, но как помнится, удалось издырять и даже поджечь примерно пять самолетов когда-тошнего вероятного, а ныне как оказалось, не смотря на два десятилетия эйфории, вполне так активного противника.

Ладно, при полной растрате снарядов Шмалько питал надежды в таком же производительном ракурсе использовать и спаренный с пушкой пулемет Калашникова. Судя по дебиту-кредиту боеприпасов данная ситуация должна была очень скоро наступить.

У механика-водителя работы тоже хватало. Вражеские лайнеры все же кучковались не в одном месте. Некоторые стояли в отдалении, и из-за неуверенной, точнее, теперь уже уверенной мазни Ладыженского приходилось гнать вдоль и поперек рулежных дорожек, дабы сблизить ствол и мишень хотя бы метров на восемьсот. Если же получалось ближе, то

еще лучше.

Однажды Шмалько даже саданул из ПКТ по живым людям. Сделал он такое впервые в жизни, как и многое из сегодняшнего, само собой. Некие фигуры, явно военного вида, заведя «семьдесят пятый» чесанули прочь. Уже из-за чуждой формы их стоило попугать, но кроме этого, у них наличествовало еще и стрелковое оружие. Так что в число целей «Калашникова» они попадали однозначно. Кстати, близкий вид этих, в течение некоторого времени даже живых и весьма подвижных, солдат противника, снял с души майора тяжелейший груз неопределенности, все еще обременяющий его в плане принятия решений. Ведь по сути, до последнего момента, он, можно сказать, играл в рулетку. Что с того, если на фюзеляжах разбросанных по аэродрому лайнеров имелись значки ВВС США? Вообще-то, родимая страна ныне как бы уже почти входила в НАТО, так почему бы на местном аэродроме вдруг не оказаться самолетам «главного жандарма планеты»? Им тут, по идее, всегда хлеб-соль. Таким же образом здесь могли выявиться и какие-нибудь бельгийцы с голландцами. Тоже маленькие гордые члены клуба, если припомнить. Так что, принимая решение на первичную стрельбу, Шмалько рисковал очень и очень сильно в дальнейшем об этом пожалеть. Вдруг истерические звонки Пасечника и странные рассказы врезавшегося в них водителя просто идиотский розыгрыш, или послеаварийный стрессовый бред? И тогда пойдешь под воинский трибунал,

с предварительным разжалованием, не как патриот, выступивший против преступного предательства системы, а как полный кретин, начавший применять оружие по собственной неумеренной дури. Короче, простора для размышлений хватало. Другой вопрос, что время не позволяло долго зависать в фазе скорбных раздумий. Но наличие вооруженных вражеских пехотинцев, а не только каких-то далеких неопознанных БМП-80, сняло с души каменьюку.

Правда, недодавленные, с непривычки к такому ремеслу со стороны водителя Громова, вражеские пехотинцы, стали только прологом к наплыву аналогичных, подтверждающих реальность агрессивного вторжения, явлений. Нежданно-негаданно, обогнувший хвост некоего ржавого «Як-40», танк обнаружил перед собой, обложенную каким-то мусором, вместо хотя бы мешков с песком, позицию противотанковой ракетной установки. Не смотря на краткость времени, и узость горизонта событий открывающегося через командирский перископ, Шмалько успел зафиксировать, что сама ракетная труба направлена куда-то в белый свет: возможно, здесь проходил рубеж обороны южного направления. За промелькнувшие доселе напряженные минуты, майор Шмалько уже успел выработать привычку к руководству боем, а уж пуль из пулеметов он выпустил почти столько, сколько удалось выдавить курком прочь из ствола за все время службы, включая курсантские будни. Данное дело было не мудрено, ибо на всей территории родной страны после отделе-

ния от Союза не налицествовало ни единого патронного завода, и потому дефицит сглаживался общим большим запасом только первое время. Потом эйфория кончилась и реальность саданула по темечку пустым мешком. На данную тему, Шмалько тоже мог бы прочитать политически неблагонадежную лекцию, однако сейчас было не до того.

– Громов, вперед! – скомандовал командир батальона. – Дави гадов гусеницами! Согласно устава, – добавил он тише, ибо в боевом уставе действительно налицествовало указание смело использовать для борьбы с врагами и гусеницы тоже. Сам он уже дырявил растерянню мечущийся, облаченный в каски расчет из стыкованного с оружием «калаша».

Он честно упростил задачу покуда еще щепетильного Громова, уничтожил всю пятерку солдат противника еще до наезда танка. Тем не менее Т-64 лихо влетел – вернее, вдавил в аэродромные сорняки – всю позицию ракетчиков.

– Стоп! Тормози! – крикнул Шмалько, когда где-то понизу перестало противно скрести по железу, и еще по чему-то, о чем не хотелось думать в подробностях. – Может, выползти поглядеть с кем же это мы воюем? – посоветовался он вслух с подчиненными, хотя командиру, тем более в боевой обстановке, не пристало демонстрировать неуверенность в чем-то.

Ему не ответили – варились в своем соку.

...Признание, восхищение родни
Медалей слаще, чистый дивиденд
И даже уважение рабов,
Своих, да и чужих одновременно —
Ведь ты и их же спас!
От рабства иноземного, иного,
Ведь там, за морем, говорят,
Рабов не ценят больше медяка,
У нас – дороже все ж, к тому же бьют
Там чаще – знают все, кто побывал
И возвратился. Были, говорят,
Такие казусы в истории полиса...

6. Командная цепь

– Что Интернет тоже? – переспросил майор Шмалько.

– Ну да, – кивнул старший лейтенант Трубка. – Ни черта, товари... пан майор, не выходит соединиться. Звонил вчера провайдерам. Говорят, мы, мол, ни причем – у всех тоже самое.

Для майора Шмалько сообщение не было даже последним гвоздем. Он и так уже решился. Да и сделал довольно много. Во-первых, он поднял обе роты батальона «в ружье». Конечно, до этого он делал попытки разобраться в ситуации. Причем разными способами. Например, он задействовал спец-связь с командованием высших инстанций. Удивительное дело, но это абсолютно ни к чему не привело. Спец-связь просто-напросто не работала, что само по себе являлось чрезвычайным происшествием. Но похоже, в данный момент никому до того и дела не было. Естественно, ещё ранее командир танкового батальона Шмалько попытался прояснить дело с командиром собственной дивизии.

– Не порите чушь, Андрей Валентинович! – непривычно грубо рявкнул на него из телефона временно исполняющий обязанности командира полковник Салов. – Что вы как барышня? Вам доверили должность, возложили обязанности. Чего у вас там не так? Что не спится?... Командир дивизии генерал Хлестков? Он на выезде, пан майор. На сроч-

ном выезде. Если точнее, то в Киеве! Вы удовлетворены?... Нет?! Ну вот когда прибудет, вот и будете выяснять, что к чему... Почему я сам на рабочем месте? Ну, вы наглец, майор Шмалько. Вам погоны не жмут? А то... Все, Андрей Валентинович, давайте успокоимся, уйдемся. Время, понимаю, позднее. Завтра снова Родине служить. И кстати, вам доводили о крупных учениях через полтора месяца? Так вот, надо бы, чтобы максимальное число офицеров отгуляло до этого свой положенный отпуск. Списки готовы? Завтра же, завтра же, пан майор! Не опаздывайте... Ну и что, что оголятся должности? У вас мало сверхсрочников?... Да знаю, что мало. Ну, не идут люди пока, не прочувствовали... Да понятно! Казармы не приспособлены, квартир, общежитий тоже не... Америку мне открыли, Шмалько, да? Ладно, списки завтра. Да успеют, они к учениям возвра... Что значит, не подготовленные? Как это офицер может быть не подготовлен?... А, личный состав. Ну так...

Короче, на это «мочало начинай сначала» потратилась уйма времени. Лучше бы...

* * *

...Однако в настоящую секунду
До славы будущей еще как до Луны,
А между прочим греки,

Точней ученые, что там водились встарь,
Считали расстоянье до Селены
Намного меньше истины. Программу «Аполлон»
Они б не потянули, и бензина,
Иль керосина, водорода, ну,
Того, что по инструкции дано,
Им не хватило б в тютельку, а значит —
Им до Луны еще далече будет
Чем нам сейчас...

7. Экспертиза

Тот, физически мало пострадавший водитель с женой, оказался не прав. Это были не чеченцы.

Экспертиза, конечно, состоялась поверхностная. Все-таки Шмалько являлся не патологоанатомом, а простым никогда не воевавшим майором. Так что подробно осматривать трупы ему было до крайности мерзко. С другой стороны, он надеялся, что следящий за процессом с вершины Т-64 Ладыженский все же тоже не хирург, так что в основном занят отводом глаз в сторону от раздавленных костей, и наблюдать за мимикой начальника ему не столь интересно. К тому же у него задача – перезарядить НСВТ и следить за окрестностями, а не испытывать сладость лицезрения ужастиков вблизи. С Громовым же было вообще проще, его передний перископ никак не давал возможности глянуть назад; хотя конечно наличествовали зеркала. Но получится ли в них разглядеть такую тонкость как мимика?

Тем не менее, Шмалько старался следить за лицом. Он даже перестал давать комментарии происходящему вслух – странной, только вот-вот начавшей вырабатываться привычке. Он с вполне каменным выражением и на деревянных ногах подошел к остаткам огневой точки, ибо танк все же успел удалиться от места на десяток метров. По двум пехотинцам, и правда, прошла гусеница, но все же несколько вскользь,

а одного вдавило и состыковало с такой же плоской, но изломанной ракетной трубой. Но и это было не самое страшное – самым худшим была кровь. Ее было просто-таки по колено. Но должны налицествовать мухи еще не явились, что оказалось благом, ибо Шмалько и так держал контроль над дыханием дабы не вырвать. Он благоразумно отвернулся от изуродованных механикой к тем двоим, кого однозначно угробил собственным указательным пальцем. Они конечно, тоже не были сахаром, ибо пули в «7,62», с близкой дистанции, делают из человека кишмиш, или скорее хлопья. Однако сравнительно с теми, кто попал под удельное давление в 0,92 килограмма на квадратный сантиметр поверхности, эти оказались просто везунчиками. Тем офицерам, кому поручат сопровождать их в родные пенаты, будет полегче, чем первым.

Так что Шмалько вполне так молодцевато осмотрел оба трупа. Погоны были неизвестной марки, эмблемы что-то всколыхнули, но переполненный впечатлениями мозг не ухватил зацепку. Шмалько расстегнул чужеродную пуговицу, резво, как при осмотре подозрительного воина задержанного патрулем в нетрезвом виде, сунулся в нагрудный карман. Вот здесь он чуть не заорал в голос, чудом сдержался, хотя в эту секунду забыл о Ладыженском напрочь. Там, под кителёчком, он вляпался в лужу вязкой горячей крови. Пули угодили в спину, но видимо не продырявили насквозь, и тем не менее выдавили кровь сюда, на грудь. Китель не промок

из-за толстой пачки документов. Шмалько выдернул оттуда руку словно из морозильной камеры. Вся она была красная.

Потом, попозже, майор Шмалько решил, что это все-таки были не документы и фотографии в пачке. Скорее, «Коран». И тем не менее, то были не чечены – турки. Это прояснилось по бумагам извлеченным у второго воина. Правда, Шмалько не решился обыскивать еще и этого. Солдат лежал на боку, сложившись клубком: видимо какая-то из пуль майора угодила в живот. Не стоило снова пачкаться. Да и как потом читать бумаги окунувшиеся в кровь? Но зато у этого отвоевавшегося солдатака наличествовала полевая сумка. В смысле, что-то в этом роде. Странно, что Шмалько не заметил ее сразу, зато теперь она оказалась просто спасением от дальнейших самоистязаний. Не мог же он, в самом деле, вернуться в боевую машину налегке?

Там, в аккуратно застегнутой на молнии сумке наличествовали вожаделенные документы. Правда, прочесть их у Шмалько все едино не получилось бы, не только из-за никуда негодного училищного английского. Там, внутри, все было даже не на английском. Но зато турецкий флаг было почти невозможно спутать ни с чем.

* * *

...И все же не о том мы речь ведем,

Не космос первозданный
Нам интересен в настоящем деле.
Тот воин, что внизу,
В долине кормит лошадь,
Привыкшую, как сам наездник, к бою,
Не знавшую сохи, плугов, телег,
И прочих отвлекающих предметов,
Тот воин отличается от этих,
Тех, что вверху, на входе в горный кряж,
Своим умением воевать, в убийствах,
Централизованных, он знает толк давно...

8. Лом

Все пошло прям таки по В.Суворову – «Аквариум» глава «один». Разве что забор в части снесся напрочь фигурально, не взаправду. Хотя теперь можно было, ибо ворота Шмалько уже собрался выворотить по-настоящему. Но хотелось вместе с КПП и с прапором Бередой, который, как и предвиделось, оказался гнидой, и орал, перебивая шум танкового дизеля, что «без разрешения комдива никак нельзя, тов... пан майор!» Но видимо Шмалько в шлеме и с кулаками на НС-ВТ выглядел донельзя ирреалистично. Потому сразу верилось, когда он, вовсе не напрягая нужных в будущем голосовых связок, жестом показал что будет с воротами, а может и с самим Бередой, жаждущим когда-нибудь вознестись до старшего прапорщика.

Береда явно начисто срезал эту возможность, когда дал отмашку дневальному по парку. Превосходящие силы – есть превосходящие силы, и против лома...

Танк есть большой лом, гипотетически должен остаться последним козырем королей после обмена ядерными подарками. Да, танк есть пришелец из тех самых времен, когда в штабах еще планировались такие штуки. Ныне это страшное животное, должное по тем же планам раскатать то, что сохранится после ракетного молота, вышло на охоту. И теперь можно было все! Сильный задним умом дежурный по КПП

Береда это явно ощутил. А командир батальона Шмалько, для закрепления урока и в некой легкости окончательного сжигания мостов, внезапно остановил свою гору железа прямо на перпендикуляре убравшихся прочь ворот, спрыгнул вниз, и, войдя в будку, выдернул прочь телефонный провод, а затем, во внезапном приступе веселья, вообще сграбастал древний дисковый аппарат.

— А как же я сдам дежурство, пан майор? — бессильно-ошарашено поинтересовался Береда.

В реве десятков танковых моторов, готовящихся самостоятельно покинуть вовсе не многолетнее, а сравнительно недавнее, в связи с разворотом геополитического вектора, место дислокации насовсем, детский лепет осколков гражданской жизни развеселил. Именно так, со сброса плесени позолоты и гломура с календарного маятника, начинаются войны.

* * *

...Однако, что против него сейчас?

Там, поверху, приличная орава,

По боле персов будет, но вообще —

Крестьяне, мишура, так — ополченцы,

Юнцов, зажатых в строй, огромный процент —

Пойдут потом в рабы,

И даже жалко бить

С вершины лошади, с плеча,
Десятками, ведь могут пригодиться
Империи большой когда-нибудь
Их мускулы. Короче, с этой массой проблемы нет,
А вот их командир? Здесь неизвестность полная...

Четвертая власть:

«...да, крупная авария сразу на нескольких узлах связи это очень серьезно. Понимаете, тут все очень сильно взаимосвязано. Там „полетело“ что-то, тут же идет нарастание потока в другом месте, тамошний перебор, увеличивает нагрузку на соседей. Очень большое взаимное перекрытие. Но лучшие специалисты уже занимаются устранением поломок. Очень скоро „междугородка“, да и электронная почта в Донецкой, Луганской, и некоторых районах других областей страны восстановятся...»

9. Ритуал

К несчастью бодрое шествие колонны наличествовало только вначале. Потом вся красивость начала рассыпаться. Сказка действительно не живет долго. Или по нашей русской, либо пусть уж украинской невезучести только другие умеют начинать войны таким Макаром. Обычно против нас... понятное дело.

Вначале дернул куда-то и растаял вдаль передовой «УАЗик» с милицейской мигалкой, выставленный Шмалько вперед, так сказать, в головной дозор, для расчистки трассы. Несколько минут, и даже десятков минут, еще верилось, что руководящий им старший машины майор Маслов просто проявил инициативу и умчал в передовой разведывательный рейд. Окликнуть не получалось, ибо Шмалько, в качестве первого хода начала войны, объявил радио-войну, запретив выходить в эфир до специального разрешения. По идеалистическим планам, этот выход приурочивался к прибытию на позицию боя, а до того требовалось обходиться обычным матом и сигнальными флажками, для тех, кто выучился ими размахивать, в затянувшемся довоенном прошлом. Пропажа легкого авангарда батальонного воспитателя поначалу не ощущалась. Как не странно, Шмалько все же умудрился вывести батальон за территорию части и даже миновать поселок Александровск до нарастания утреннего

авто-потока. Более того, батальон удосужился добраться до трассы «Луганск-Донецк». Здесь, после пятикилометрового с мелочью броска, командир батальона наконец-то тормознул колонну. То было нарушением всех канонов уходящей в советское прошлое привычки. Не торможение, конечно, а как раз столь длинный первичный бросок без остановки. В счастливой беззаботности давних времен, где за отставание не грозило ничего кроме трехэтажного слово-построения с использованием не наличествующих в словаре силлогизмов, любая воинская колонна тормозила около каждого столба, ибо равнялась она на самых медлительных и на вечную трясучку командиров перед призраком ЧП, который, в отличие от коммунизма, бродил не только по Европе, но и по азиатским просторам бывшего СССР. Шмалько одним махом уничтожил эту древнюю традицию, ибо боялся, что его порыв навсегда увязнет и рассосется в этом ритуале.

Оказалось, старый советский опыт подстилки соломки везде и всюду имел право на жизнь. Двух танков не хватало. Оба были замыкающими. Вряд ли, по теории вероятности, поломались сразу оба. Так что имелись ничего теперь не значащие вариации. Или сломался крайний, мигнул затемненными светофильтрами впереди идущему, и тот тоже застопорился, мигнув следующему. Очередной сигнал игнорировали из-за расхлябанности или уж неизвестно отчего. Мог сломаться и предпоследний Т-64БВ. Тогда следующий остановился помочь. Ругать сейчас сержанта командующего

бросивших товарищей машиной не стоило. Это могло привести к срыву намеченной боевой задачи. Впереди было еще более ста километров пути, причем не по пустыне, что было бы даже удобнее, а по до крайности урбанизированной местности. Разумеется, колонна могла оборваться и в середине, и тогда это привело бы к потере двадцати пяти танков одновременно. Но и терять на каждые пять километров по две машины, и это только в начале пути, было тоже невыносимо. Конечно, дабы сейчас у Шмалько наличествовал «УАЗ», то получилось бы отправить его разобраться в ситуации. Но нельзя же посылать в сторону покинутого поселка танк? К тому же, здесь, все еще так близко к месту дислокации, майор очень опасался прибытия вышестоящего начальства. Пока акция не выглядела как открытый бунт. Но если дорогу колонне перекроет командир дивизии на своей «Волге», то, что делать Шмалько? Война, кою он затеял самостоятельно, для прочих все еще выглядела только лишь как умственная конструкция, и не более того. Даже для Шмалько лично она покуда представляла только далеко зашедшую игру, кою хочется довести до конца. Так что если на пути окажется командир, почти все офицеры тут же переподчинятся вышестоящей инстанции.

Значит сейчас, если он все же собирался дойти до донецкого аэродрома, лучше было все-таки терять отдельные танки, чем обесценивать всю задумку на корню. Это уже начинало походило на всамделешную войну.

...Тут Икс, помноженный на Игрек. Не дурак,
То видно из позиции и действий,
Точней бездействий. Третий день подряд
Он не напал. Неясно почему.
Хотя, он в первые часы имел возможность,
К тому же явную, атаковать суда,
Заставить моряков за весла взяться снова
И прочь уйти, пехоту захватив,
Кого успеют, ясно, что не всех.
Не уж-то этот грек, покуда для истории безвестный,
Предусмотрел?...

Четвертая власть:

«...концентрация российский вооруженных сил на границе независимой Украины, конечно же волнует людей. „К чему бы это?“ – спрашивают простые люди, да и мы, пресса, вместе с ними. Может быть пора...»

10. Равновесие

На фоне прочих несчастий, радоваться покуда можно было только одному. Командир дивизии, точнее, его зам – Салов – колонну не преследовал, хотя вообще-то генеральская «Волга» была куда проворнее Т-64БВ, по крайней мере, не на пересеченной местности. А сейчас было именно так. Майор Шмалько, нарушая все писанные и неписанные инструкции мирного времени, пёр своими сорокадвухтонными прямиком по трассе «Луганск-Донецк». На очередной остановке он прошелся в конец колонны и посмотрел, что стало с асфальтом после прохода танков. Мягко говоря, их следы было сложно не заметить. Если бы он был уверен в своей технике и выучке личного состава хоть в такой же мере как полтора часа назад, то сейчас решил бы на сход с дороги и сревание какого-нибудь «угла» по бездорожью, дабы хоть чуть-чуть запутать вероятных преследователей. Естественно, после нанесения такого ущерба транспортным артериям ныне не слишком богатой страны, Шмалько грозило не слабое по времени тюремное заключение. В дисбате столько не дают, да и нет теперь в украинских вооруженных силах дистиплинарных батальонов, в отличие от возрождающей тоталитаризм России. Но сейчас было не время рассуждать о политике и многообразии культур. Стоило радоваться отсутствию погони.

В конце-концов, кроме разбитой трассы, Шмалько наоставлял на дороге преогромное количество меток – брошенные там и тут неисправные танки. Это были те самые гусеничные несчастья из-за которых нестойкая вера майора в удачный исход рейда почти подорвалась. Ныне его толкало вперед только звериное, еще в детстве доводящее обоих родителей до истерик, упорство. Оно же помогало позже в учебе и службе, и в продвижении по служебной лестнице тоже, разумеется. Правда, с папой-мамой отношения так никогда и не восстановились, слишком глубокий след оставила в их душах его детская настырность. По зрелому размышлению, никто здесь не был виноват, и благо, что в их семье имелся еще один ребёнок – младший братишка, ныне учитель математики в гимназии, обласкиваемый «предками» до сей поры. Если привязывать воспоминания к текущему моменту, то, похоже, что в психике папы, и гораздо быстрее капитулировавшей мамы, характер упитанного тогда мальчика Андрея оставил такой же след, как гусеницы его сегодняшнего горе-батальона. Как еще получалось назвать нынешнюю структурную единицу? Он не пропутешествовал еще и половины намеченного пути, а потерял более двух третей покинувших КПП танков. Если бы была война...

В принципе, сейчас и происходила война. Однако она по-прежнему существовала только в убежденности самого командира тающего на глазах батальона. Не было ни бомбардировок с воздуха, ни ракетных обстрелов, ни хотя бы взрывов

и пламени исходящих пеплом городов на горизонте. Танки просто ломались сами по себе. В настоящей тотальной катастрофе техников взводов и рот сейчас бы метелили сапожищами всей казармой. Сыпались самые разнообразные системы: трансмиссии, двигатели, топливопроводы, однажды даже, за просто так, развалилась на ходу гусеница. Это было прямо-таки колдовство. Может, танки и правда стоит освящать попами при спуске с конвейера, как ныне делают в отношении кораблей? Или надо было всего лишь один-два раза провести вот такой вот, или похожий, но настоящий бросок? Древний помещик Суворов был прав на счет своих простых высказываний в «Науке побеждать».

Короче, в настоящий момент у Шмалько сохранилось всего одиннадцать Т-64БВ. Стоило ли с такими силами продолжать движение вперед? Однако и десяток танков – это сила. Ведь в конце-концов, если в Донецке высадились с неба какие-то банды, неужели они приволокли с собой тяжелые танки в достаточном количестве? Как там выразился дружище Игорь Пасечник? «Возможно, там даже чеченские боевики». Неужели у горцев будут на вооружении танки? Хотя вроде и в первой, и даже в последней на нынешнем этапе войне в Чечне они вообще-то наличествовали. Но в любом случае одиннадцать Т-64БВ это... Правда, с учетом почти сотни километров трассы впереди и опыта поломок не стоило... Но вдруг статистический отсев в плане само-поломок уже просеял ряды и все остальные машины дойдут до места с иго-

лочки? Шмалько не был идеалистом, тем более теперь, набравшись опыта. Жалко будет с таким опытом загреметь под трибунал и отсидеть взаперти с урками до возраста пригодного только для каллиграфии мемуаров.

Он снова глянул на остановившуюся на пару минут колонну. В десятый раз охватил взглядом всех железных монстров одновременно. Уже не требовалось тратить время на подсчет, но он все-таки медленно сделал это. Чуда не произошло – танков не прибавилось. Он пронаблюдал оставшийся позади сегмент трассы. Оттуда тоже не отсвечивали угласто-стью обвешанных динамической защитой башен догоняющие, волшебнo само-починившиеся «шестьдесятчетверки». Значит, и на дальних подступах волшебство тоже не сдюжило. Однако и погоня не проглядывалась, и следовательно злые и добрые волшебники нейтрализовали друг дружку. Теперь, пользуя Бритву Оккама, получалось отбросить прочь и тех и других.

– По машинам! – гаркнул Шмалько.

И стоящий рядом заместитель Мотин вздернул красным флажком.

* * *

...Суда уйдут, порадуют глаза,
А слитным шумом весел перепонки

Ушей. Но кто может узнать,
В какую бухту развернут их снова
Начальники? По суше далеко —
Куда угодно – долго и пешком, а по морю?
Все рядом. Ну, а войско – оно одно,
Все тут при Марафоне.
Иль может все же совпадение здесь?
Не озаренье свыше? Трусость в силе?
Бойтся нападать, подмоги ждет
Из Спарты – обещали
Прислать...

Четвертая власть:

«...привела к сбоям мобильной связи с некоторыми местностями. Как утверждают ученые, столь мощной вспышки на Солнце не наблюдалось очень давно. Да, к сожалению, мы все еще зависим от стихии, а техника порой очень чувствительна к таким вещам. Однако в ближайшее время спутниковая связь будет восстановлена...»

11. ЧП

И все-таки какое-то волшебство ощущалось. И уж непонятно было хорошее или дурное. Теория Эйнштейна явно имеет куда более общий смысл. Ведь с одной стороны, лучшим волшебством сейчас, в отношении глобальной сути, стало бы превращение невиданной еще воочию войны в дурную, пьяную шутку капитана-особиста Пасечника. За такое, пожалуй... Однако в тюрягу все-таки не хотелось. Так что, относительно тайных желаний Шмалько, все как раз настраивалось в положительном плане. Ведь они начали получать сигналы оттуда, с местности на которой что-то происходило, и если это была не война, то... Но что еще это могло быть? Эпидемия из фантастических фильмов, с блокадой провинившегося по вирусным параметрам города? Поток машин непосредственно со стороны Донецка был много меньше того, что двигался в параллель растаявшему батальону. С натяжкой, но можно было предположить, что непосредственно из Донецка во встречном потоке транспорта не наличествовало вообще никого, ведь Шмалько не имел ни возможности, ни времени допрашивать всех встречающих: «кто? откуда?» Трасса соединяла кучу городов, а Донбасс это самое плотное, в плане демографии, образование Украины. Народу в нем больше, чем в столичной Киевской области. Потому, встречные легковушки и грузовики могли быть откуда угод-

но. В конце-концов, кто им мешал вообще предварительно обогнуть априорно оккупированный центр области? Но конечно до определенного момента все это являлось лишь предположением, основанным на предварительном допущении-привязке.

Однако двадцать минут назад они получили неожиданное подтверждение. Это случилось очень вовремя, ибо майор Шмалько уже давненько ощущал себя в роли Колумба, с ужасом наблюдающего, как на вверенных кораблях назревает бунт против дальнейшего движения на запад. Сходство усиливалось тем, что и сейчас они перемещались в ту же сторону. Кстати, может, именно поэтому их до сей поры не нагнало командование дивизии? Ведь по весьма витиевато обсуждаемых ныне на командных совещаниях задачах, в случае часа «X» – ну, эдакой гипотетической войны неизвестно с кем, ибо Украина, – понятно коню – придерживается мирного существования со всеми народами, а уж с соседями в «пэршу чэргу» – дивизия должна была все же почему-то разворачивать вектор выдвижения на восток. Может, штабисты-преследователи, опросив оставшихся в боксах, у еще до выезда поломавшихся танков, офицеров, а так же у все еще не пришедших в себя после шока опорожнения вверенного хозяйства прапоров-кладовщиков НЗ, и узнав про намерение «свихнувшегося» командира батальона развернуться в боевой порядок, решили, что он по негласно подразумеваемой инструкции, выдвинул колонну против России? Сейчас

было даже весело представить этот воистину сумасшедший новый блицкриг, начатый уже не с польского плацдарма, а сразу в Ростовскую область. Пожалуй, покуда бы русские, по своей природной привычке долго-долго запрягать, очухались, удалось бы смять пару-тройку оплотов нервирующей оба народа таможни. Так что, может, его танки, вопреки очевидности меток движения, ловят сейчас на границе, или уже в России? Ибо в самом-то деле, зачем отправившемуся в настоящий бой Т-64БВ придерживаться дорог и проходить таможню? Имея широкую гусеницу и высокий клиренс он способен... Сейчас было не время читать самому себе лекции о танковых ТТХ.

Значит, двадцать минут назад – к сожалению, в результате очередного ЧП – танкисты-путешественники получили подтверждение подозрительной убежденности Шмалько. В данном чрезвычайном происшествии танки батальона были вообще-то не виновны. «Жигуль» врезался в колонну самостоятельно, со встречной. Главное, врезался не в передовой танк, что стало бы логичней, а пятый по счету. Бросило его на колонну абсолютно неожиданно. С нервишками у водителя было явно не слишком в норме. Жертв, слава богу, не случилось. И кстати, сразу же тормознувший колонну Шмалько, был намерен продолжать движение и далее в любом случае, даже в случае трупов: сейчас было совсем не время дожидаться гаишников с рулеткой и протоколом. Тем не менее, требовалось все-таки глянуть, что там и как.

Передняя боковина «девятки» была всмятку. Благо жена (предположительно жена) успела прижаться к мужу-водителю, и ее не пришибло выгнувшейся панелью и вплющенной в нутро дверцей. К моменту подхода Шмалько, офицеры уже помогли пассажирам выбраться. К ужасу – точнее, теперь уже к облегчению Шмалько – там имелись еще и двое детей.

– Что, танки не видите? – без толку, с досадой спросил майор, лишь бы не молчать. Он совсем не ждал ответа, предполагал, что водила в шоке. Но тот неожиданно и очень активно отозвался.

– О господи! Конечно, вижу. И как я рад вас видеть, товарищи! Как рад.

– Шок? – покосился на старшего лейтенанта Вожики Шмалько, как будто тот был врач.

– У вас бы тоже, офицер, был шок, – глянул на него пассажир. Левою рукою он держал поданный кем-то платок, потому как с подбородка капала кровь – что-то он там рассек при ударе. Правая рука подозрительно болталась: про себя Шмалько предположил – перелом.

– Конечно, был бы, – ответил Шмалько. – Надо же додуматься, врезать в танк со встречной. Перепили с вечера что ли?

– В Донецке сейчас не до пьянок, товарищ майор, – почему-то очень громко произнес пострадавший. – Там...

– Как мы рады вас видеть! – неожиданно подала голос жена. – Как рады! – она была в слезах.

– С чего бы? – хмыкнул старлей Вожик, но Шмалько тут же на него цыкнул, ибо вдруг почувствовал облегчение – тут были живые свидетели, а не голос из телефона.

– Дяденька, вы их всех убьете? – совсем серьезно, повзрослому спросила девочка лет десяти.

– Кого? – вытаращился майор Мотин.

– Их. Врагов, – пояснила девочка.

– Они на наших глазах убили милиционера и еще многих, прямо из автоматов, – растолковала женщина. На ней самой не имелось ни одной царапины.

– Где? – спросил Шмалько, холодея.

– Как, где? – вскинулась женщина, все еще обнимающая маленького, примерно пятилетнего мальчика. – В Донецке! Ведь вы разве не туда? И где вы были раньше? Где вы все были раньше?

– А много их там?... Ну, этих? – спросил майор?

– Не знаю, – покачал головой водитель. – Мы только нескольких видели, и еще несколько машин. Бронированных. Таких, ну вы-то знаете, как в фильмах американских. И откуда они у этих чеченцев.

– Они чеченцы?

– Да, сразу видно, «азеры», – кивнул водитель. – А вы что, не в курсе? Вы до сих пор не в курсе?

– Да нет, мы...

– Они уже больше суток там убивают, насилуют, а вы...

– Успокойтесь, – поднял руку Шмалько. – Мы именно ту-

да и следуем, мы их...

– Что-то вас немного, – окинул взглядом колонну водитель. – Или с других мест тоже... А где самолеты? Где пушки и...

– Вы выбрались из самого города? – перебил Шмалько. – Просто выехать? – Он конечно имел в виду «въехать».

– Нет, все главные трассы эти чечены сразу перекрыли, а сейчас может и...

– Знаете, – перебила жена, – мы нашли... ну, попались нам... две машины. Совсем сгоревшие. А там... – она покосилась на детей и замолчала.

– Наверно снарядом влупили, – сказал водитель, зачем-то в сердцах выкидывая не слишком грязный платок. – Руки, ноги, все разнесло вокруг.

– Мы боялись, что нас тоже, когда пересечем какую-то границу... – объяснила жена.

– Вы там танки видели? – спросил Шмалько.

– Я? Нет. Но ведь из чего-то они... Хотя, вдруг, пушкой? Или там... А, вертолет! Могли ведь и с вертолета, да, товарищ майор?

«Вертолет – это плохо», – подумал Шмалько.

– Ладно, – сказал он завершая. – Все живы, слава богу. Вы ведь сами врезались, так? Мы, пожалуй...

– Да, товарищи офицеры, конечно, – закивал водитель. – Давайте! Врежьте, им как следует.

– Постараемся, – уверил командир батальона. – Да, еще!

Вы не знаете, они прибыли в самолетах? В смысле, они ору-
дуют с аэродрома Донецк?

– Не знаем мы, – виновато пожала плечами женщина. – С
Запоревальской мы, далеко от...

– Другой край от аэродрома, – пояснил муж.

– Я знаю, знаю, – отмахнулся Шмалько.

– Знаете? – переспросил мужчина, и глаза его почему-то
изменили цвет с зеленоватого на голубой. – Вы там...

Шмалько было уже некогда.

– По машинам! – скомандовал он несколько охрипшим
голосом. А заместитель Алексей Мотин тут же дублировал
команду флажками. В столь маленьком остатке подразделе-
ния это было, наверное, лишнее.

* * *

...Поймешь их греков как?

То горло режут, деревеньки жгут

Друг другу каждый год по эстафете,

А тут – подмогу шлют, и, кстати, очень спешно.

Но все же, не дурак —

Закрыл лучший проход

К подъему годный, в этой крутизне,

Для конницы. И даже если войско

Пойдет по берегу, болотом напрямик,

Что б город сокрушить лихим наскоком,

Ударить может в тыл, иль фланг снести,
А сам огородился —
Растительность порублена в навал
И скалы – каменистый бурелом —
Подпорка с флангов...

12. Древности

Похоже, последние пятнадцать минут сравнились, и даже превосшли, по эффективности обучения всю предыдущую танковую службу экипажа «75-го». После позиции ПТУРС-а, Т-64БВ сумел превратить в дымящуюся консервную банку снова появившуюся в поле видимости БТР-80. Правда, сделал он это почти последним снарядом, так что удача вскоре должна была иссякнуть, ибо ныне в резерве осталось всего-то два подкалиберных. Кроме того, теперь внезапно выяснилось, что и за предыдущее везение в сокрушении агрессора все же было заплачено весьма солидно. Удача всегда берет свою мзду, если и не с тебя лично, то с кого-нибудь другого: молись дабы не с близкого. Сейчас квитанция в получении счета пришла в танковую кабину посредством древнего русского изобретения – радиосвязи.

– Пальма «семь-пять», я – Пальма «один-пять», прием.

Майор Шмалько подкрутил настройку передатчика.

– Пальма «один-пять», я Пальма «семь-пять». Где вы находитесь? Я Пальма «семь-пять», прием.

– Пальма «семь-пять», я – Пальма «один-пять». Мы починились. Две единицы. Движемся в указанный вами сектор. Вернее... Я – Пальма «один-пять», прием.

– Пальма «один-пять», я Пальма «семь-пять». Понял. Починились. Две единицы. Что у вас еще? Докладывайте быст-

рее. Очень сильные помехи. К тому же...

– Пальма «семь-пять», я – Пальма «один-пять». Мы подверглись атаке. Находимся под обстрелом боевого вертолета. Как поняли? Я – Пальма «один-пять», прием.

«Вот оно, – констатировал майор Шмалько. – Вот они эти вертолеты. Точнее...»

– Пальма «один-пять», я Пальма «семь-пять». Какой тип? Тип атакующей машины? Можете...

– Пальма «семь-пять», я – Пальма «один-пять». «Ирокез». Явно «У-Аш-один» – «Ирокез». Я – Пальма «один-пять», прием.

«Здрасьте, прихали, – сказал себе майор Шмалько. – Седая древность Вьетнама. Доперестраивались, козлы. Доразоружались. Вьетнам пришел сюда».

– Пальма «один-пять», я Пальма «семь-пять», – сказал он в гарнитуру. – Понял вас. Держитесь там. Увеличьте скорость. Действуйте решительней, Алексей. Пальма «семь-пять», прием.

– Пальма «семь-пять», я – Пальма «один-пять». Попытались отогнать его НСВТ, но... Короче, он вначале работал пулеметами, но сейчас ушел вдаль. Может... Точно! ПТУРС-ы, мать твою! Или может все-таки НУРС-ы?

– Пальма «один-пять», я Пальма «семь-пять». Понял вас. Не отвлекаю пока.

Шмалько отключил передачу, и оставил работу радиостанции исключительно на прием. Не хватало, чтобы Р-173

задавили помехами. Он и так заметил, что в процессе диалога интенсивность радио-фона начала скачкообразно нарастать.

– Что там, пан майор? – спросил по внутренней связи Ладыженский. – Наши починились? – Он явно из-за шума не слышал самого главного. – Хоть бы быстрее сюда дошли. А то снарядов... Сами ж видите. Да и в ПКТ тоже...

– Помехами давят суки, – сказал Шмалько. – А ведь «глушилка» у них находится где-то здесь, так ведь, Ладыженский? Здесь они высадились, значит здесь и главная база. Раздавить бы ее на фик. Остальным бы потом куда проще было.

– А что, можно эту радио-штуку по звуку найти, что ли? – спросил Ладыженский. Уровень образования сегодняшнего поколения выпускников был мягко говоря...

– У нас нет такого оборудованья, Ладыженский, – пояснил майор. – Так, я наверх. Наши там какие-то вертолеты наблюдали. Буду бдить.

– Осторожно там, пан майор, чтоб не подстрелили, – озабочился подчиненный.

– И цели поищу, заодно, – разъяснил Шмалько уже сверху. – Надо ж нам наши подкалиберки куда-то уложить.

Но это он, похоже, размечтался. Потому как не успел он выдать механику очередные ориентиры на движение: «Ну-ка, Громов, давай-ка обойдем это зданьице с левого боку», как в небе действительно реализовался вертолет «Иро-

кез». Может быть, тот же самый, что досаждал или уже... — не хотелось верить — группе майора Мотина.

— Ну, здравствуй древность человеческой технологии, — сказал Шмалько. — Фирма «Белл» собственной персоной. Куда от вас денешься — шестнадцать тысяч наштамповали. Конечно, братья-вьетнамцы не могли переколошматить всех — патронов не хватало.

Руки его в это время уже работали. Он ощупывал ба-
шенный НСВТ на предмет запаса своих собственных две-
надцати-с-мелочью-миллиметровых. В отношении быстрой
подвижной цели их было до жути мало.

* * *

...Местности рельеф

Использовать с умом большое дело,

Иль может то инстинкт? И та же трусость?

Но даже если трусость, то с мозгами —

Не взять фалангу в клещи из коней

Теперь. И шахматы, индийская игра,

Не помогают — случай нетипичный.

А время тикает, из Спарты легион

Бредет сюда, ускоренным броском.

И говорят, ребятки с этой Спарты

Покруче будут местных мужичков,

Что на холме. У них отбор —

Селекция научной медицины.

Младенцев хилых, вроде бы, они

Со скал бросают в пропасть, и при том

Отец присутствует, обязан быть по чину...

Четвертая власть:

«...последние дни Донбасс бурлит от негодования по поводу происходящих в Киеве событий. Только в областном центре анти-натовский митинг собрал около пятидесяти тысяч человек. Снова на площади Ленина в Донецке стоят палатки. Тоже происходит и по другим крупным городам области. Донбасс требует всеукраинского референдума по поводу вступления или не вступления в военный блок...»

13. Динамическая защита

Теперь они чувствовали себя попросту голыми. Понятное дело. Или тебе окружают, досаждая угластостью и давя гиподинамией, сорок две тонны слоеного железа, или, как сейчас, лишь потная, прилипающая одежда, свежий ветерок в лицо, и чёрные «берцы»: ищут, и тут же теряют в новом поиске, твердую оболочку Земли. Свой «75-й» они попросту предали. Бросили с распахнутыми люками прямо на вражеской территории. Или не совсем на вражеской. Потому как перед бегством Шмалько сообразил, где тут край аэродромной территории, и велел Громову раскатать танком забор из бетонных плит. Логичней было потратить время на слом препятствия, которое иначе пришлось бы преодолевать в полной амуниции, тратя несколько секунд; слишком длинных супротив работающего в повышенном темпе шестиствольного пулемета.

И конечно поначалу, до втягивания в беговой темп, мучили сомнения. Геройство смотренных ранее американских боевиков вообще-то призывало потягаться с их же летающей продукцией в меткости попаданий. Пулемет и броня против пулемета и подвижности – это же будет так честно! Вполне может быть, что если бы не предварительный разговор с заместителем Мотиным, Шмалько бы решился. Получается, своим не увиденным командиром батальона, но рельеф-

но представимым воображением, боем, майор Алексей Мотин спасал его теперь. Сделал все на редкость по уставу, защищая собой командира. У них там было два танка и следовательно два НСВТ. И куча патронов, поскольку до другого противника они не успели – однако...

Конечно, по зрелому, плохо доступному в быстром беге, размышлению, «Ирокез» наверняка был на аэродроме не в единственном числе. К несчастью, или может быть уже к счастью, все сомнения быстро рассеялись. Когда позади разразилась непривычная какофония, майор Шмалько обернулся.

Их Т-64БВ обиженно и шумно умирал под пуле-снарядным смерчем. Вначале грудами рвалась последняя линия обороны – динамическая защита, затем танк начал визжать – двенадцати и более миллиметровые сердечники рикошетировали от брони. Майор представил себя на этой броне, под этим ливнем. Он споткнулся, наверняка бы упал, если бы породнившийся с ним за этот час экипаж не подхватил. Требовалось сматываться, покуда было время. Не верилось, что те, в УН-1, не наблюдали их бегства. Или, может, оттуда сверху обзор был непредставимо шире, и другие события отвлекали? В конце-концов, их танк растребушил целый муравейник. Мало ли, сколько народу суетились теперь на территории аэропорта.

Но надеяться на чудеса совершенно не стоило. Если они и были, то уж сейчас все вышли. Им требовалось побыстрее затеряться в скопище городских предместий. Не дать воз-

возможности вертолетчикам довести свое искусство стрельбы до окончательного совершенства, отработав еще и по двуголм мишеням. Воистину правильно, что когда-то в училище курсанта Шмалько заставляли много и долго бегать. Они, молокососы в погонах, еще ворчали, что, мол, лучше бы поучили чему-то стоящему, допустим, конг-фу с карате.

Какой толк был бы сейчас от боевой стойки «кошка» или даже от лихого удара «йоко-гери-ка-суми»?

* * *

...Так что альтернатива есть одна,
Точнее две: бить греков по частям,
Иль сматывать удила, и бойцов,
Родных, а значит даже тех,
Что на холме,
Беречь для будущего размноженья,
Иль войн других, не греческих. Что делать?
Как быть? Или не быть?
Отдать победу этому отребью? Крестьянам,
Фермерам и прочей шалупени,
Иль счастья попытать в бою?
И что сказать царю? вот в чем вопрос...

14. Железяка

Почему-то, эти разбросанные по местности тяжелые сложные железяки ныне считались древней рухлядью. Может, сие произошло не «почему-то», а просто «по чьему-то» мнению? Ибо если подойти и обсудить проблему без административно-силового давления, то, наверное, мнения бы очень многих специалистов разделились бы; и может даже не поровну. Ведь к проблеме можно подходить двояко. Можно превозносить достоинства, а можно подчеркивать и раздувать недостатки. Тоже ведь путь? Такой путь, или точнее, тупик, любят обхаживать критики прогресса. Эти чинуши наличествовали во всякие времена. «Чего это у братьев Райт полетело? Да и не полетело совсем – так, подпрыгнуло. Идиотская штуковина, совершенно ненужная. Вот имеется паровоз, и хватит. Пора уж призадуматься, остановиться». И здесь сейчас нечто сходное, но все-таки не совсем. Здесь эти чинуши переменили позицию. Ну что это за железяка? Она же совсем древняя, в шестидесятых разрабатывалась. Всем воплощенным идеям считай уж по полтиннику. Мы передовая страна, демократического выбора, мы уж почти в благостную Европу приняты, а тут такое посмешище. Да сейчас даже цели для сей штуковины другого уровня. Ну, а обслуживание? Это ж каменный век! Одно жидкостное топливо чего стоит. Так ведь еще окислитель! Между прочим (на уш-

ко), экологически вредная дрянь. Смерть природе, убийство почвенного слоя и возможные акции всеми уважаемого общества «Гринпис». А размерчик? Тут же прямо гигантомания! Воплощенный в техническом решении порок всей системы тоталитаризма. А посмотрите, какая на холмике большущая штуковина! Не видно, не? Ну так, она ж покрашена под цвет местности. Тридцать шесть тонн железа. Ее только разобрать, да с места сдвинуть – двадцать четыре часа только лишь по нормативу. А так... Э-эх! А еще между прочим, учтите такую хитрую вещицу как многоканальность. Знаете, тут ее не наличествует вообще. То есть, всего одна цель в сопровождении, а уж коли собьют, тогда следующая. Но даст ли настоящий противник время для переноса огня? Короче, пора, пора на слом. А офицериков? Пристроим, пристроим как-нибудь. Он сколько в новом рыночно-магазинном хозяйстве охранников требуется. Народ-то у нас вороватый, вы же в курсе? А что раньше не воровали, так то потому, что в магазинах ничегошеньки и не было – сплошной социалистический дефицит.

Естественно, с точки зрения нормального рационализма, вся эта аргументация не стоит выеденного яйца. Да, все верно. В данной конструкции применено жидкое топливо и окислитель. Кстати, только во второй – конечной ступени. Первая, как и положено в любой новизне – пороховой ускоритель – четыре штуки, на три с половиной секунды горения. И разумеется, твердое топливо, да еще, допустим, кон-

тейнерное хранилище и дегустация предполетных свойств без вскрытия мембраны – вещь изумительная. Но ведь данная штукавина уже имеется, а ту твердотопливную надобно покупать, или разрабатывать. Что кстати, в связи с объявкой деиндустриализации перед вступлением в клан европейцев, уже никак не получится. Разучились! И конечно, какая-нибудь новомодная фазированная антенная решетка изначально превосходит обычную вертящуюся локационную станцию. Но разве сейчас этих самых ФАР уже имеется достаточное количество? Их, между прочим, за валюту следует покупать, а нефти у нас за годы «самостийности» все как-то не накопили. К тому же, тут кто-то кричал о многоканальности. Внимание, передаю привет от дедушек-бабушек! В далекой тоталитаршине шестидесятых все уже предусмотрено. Наличествует автоматизированная кабина управления и целераспределения. И тогда в максимуме, при пяти огневых дивизионах – пятиканальное воздействие по врагу. Ракетки, хоть и жидкостные, но сверхзвуковые. И бьем супостата пятерками с вероятностью 0,98. При расходе две ракеты на одну цель. Учитывая запас созданный на позиции и способность к автоматической перезарядке, получаем: данная группа дивизионов обязуется обработать – в плане перемолотить в мелкий лом – сорок пять целей. Вам мало? Но ведь наша группа не собирается воевать в одиночку со всем миром. Есть и другие системы, кои будут, где требуется, помогать.

О чем тут еще балакали? Ракета тяжела и громоздка? Ра-

зумеется, не «Стингер». Но ведь она поражает цели на сорок тысяч метров в высоту и на дальность двести пятьдесят с мелочью км. Кстати, относительно высоты. Не смотря на то, что с шестидесятых миновал геологический период, ни один реальный боевой самолет так высоко еще не забирался. И между прочим, о целях. Львиная доля летающей техники коя стоит на вооружении, все оттуда же, из шестидесятых. Есть кое-что поновее, но ведь и наше чудо совершенствовалоьсь. Последний раз, как помниться, в восьмидесятых.

И главное, эта штукавина уже существует в реальности и боеготова, а наличествующих передовых комплексов с ФАР и твердотопливными, упрятанными в контейнеры ракетами никак не хватает прикрыть все возможные мишени для авиации. А, мы живем в другие, безопасные времена? Ну-ну.

Тут, разумеется, некоторые умники, спохватятся и вспомнят про самый козырный туз. А знаете, именно из этой расхваленной москальской штукавины завалили однажды мирный гражданский лайнер, летящий из передовой демократии под небом Палестины, зовущейся Израиль. И вот именно тогда, сложные железяки становятся древней и в окончательном случае ненужной рухлядью.

А значит через некоторое время, на всей территории страны остается только несколько комплексов противовоздушной обороны С-200. Почему не разобран конкретно этот? Во-первых, он не считается стопроцентно боевым, ибо находится на территории номинально закрытого ныне полигона, а

во-вторых, возможно, он оставлен для грядущих совместных учений с добрососедским блоком НАТО. Ведь надо же странам передовой демократии где-то и как-то учиться преодолевать аналогичные препятствия, все еще встречающиеся в неких азиатских территориях. Ведь рано или поздно, но предстоит вытравливать эту азиатчину с нежного европейского тела. Нельзя же, в самом деле, терпеть ее столько десятилетий кряду.

* * *

...У нас не демократия – царизм,
Пирамидальная шинковка по калибрам
Структуры управления страной.
Там, в кабинете ростом с целый дом,
Вельможа, развалившийся в коврах,
Не очень-то поймет про бурелом,
Непроходимый лошадыю. На карте
Все плоско, гравитации разбег,
К тому ж примененный в пологом возвышенье
Противника, не очень и заметен,
Но зато,
Он сильно ощути́м для головы,
Которая покоится на шее,
Не столь уверенно,
А значит, без потерь,

Причем довольно крупных
Для страховки,
Достойно объяснить никак нельзя
Причину поражения...

15. Бизнес-крах

Каково? Каково это, когда тебя внезапно выдергивают с устойчивости? Когда совсем неожиданно отрывают от любимой работы, коей ты всегда и всецело отдаешься без остатка? Так отдаешься, что просто некогда расслабиться, некогда прильнуть к кальяну, вдохнуть. Да просто выпасться, и то некогда. Тем более, работенка-то столь специфична, что именно ночь-то и крадет без остатка. И если разобраться, то это все куда больше чем работа. Это попросту дело, большое интересное дело. Бизнес! И вот каково это – вдруг, совершенно без предупреждения, берут под рученьки: «Исхан Хаккин ваша фамилия-имя? За нами пройдемте, пожалуйста!» Что? как? почему? Никаких прямых пояснений, ответов. Только уклончиво так: «Нет, нет, не в полицию. В другое ведомство». Что еще за ведомство? Налоговое управление? Ничего не ясно. И лихорадочно так вспоминаешь, где последнее время засветился. С иностранками? Так вроде не поступало новых последнее время. Может, кто сбежал из старых? Так кажется, на месте все. Или уже не на месте? Так что их пересчитывать каждую минуту? И вообще, утром были все в наличии, и новые и старые, и даже престарые. Короче, полная непонятка.

Ведут, в машину сажают. Рыпнуться бы куда-нибудь, хоть на квартал оторваться, позвонить кому-то из «паши», преду-

предить о беспределе. «А адвокату можно?» Смеются, плечиками подпирают, по обе стороны двери машинные блокируют. Чего нельзя-то, разве мы не граничащая с Европой страна? Но вслух как-то неудобно произнести. Спешно та-суются в голове лица недавних клиентов, в диапазоне хотя бы недель двух. Вроде ж не было скандальных. Да и обиженных, вроде. А если кто сам почему-то не справился, так кто ж, понимаешь, виноват? И вообще, если были стычки – да и не стычки вообще, а так, пару слов и отваливает – так то с совсем несерьезными, не «беями», и уж, тем паче, не «паши». Последних он всегда за три перекрестка видит, даже через затемненное стекло; не успеет дверка открыться, уже кланяется, придерживает. Бизнес на этом держится. Да и не зазорно перед «паши». Сам когда-нибудь, как дело разовьется, расцветет, будешь «паши». Может, тогда и отоспишься? Или наоборот?

Ладно, то все мечты, а машинка-то куда-то рулит и никто ничего не поясняет. Сейчас вывезут за город и разберут на запчасти. Ведь есть такой бизнес, еще более крутой, чем у него, – продажа органов. Вдруг? Да, но чем он особо ценен? Неужели нельзя найти кого попроще? Да он сам бы кого-нибудь, в смысле, какую-нибудь предоставил. Только намекните! Уж как-нибудь ущерб бы компенсировал. В конце-концов опять решается – разбитным таким манером, дабы не заподозрили, что в панике, и штаны полны до краев – поинтересоваться по новой: «Мы куда, все ж, уважаемые беи?» Но

смеются опять, шутят так своеобразно: «В армию, дорогой бей». «В армию?», – он оценивает юмор. «А в армию, хитрец бей! А что, у нас разве солдатиков не хватает?» Смеются, плечиками тугими жмут, аж в на заднем сиденье совсем тесно становится. «Скоро уж», – говорят. Он совсем в недоумении. Снова перебирается в покуда целой (может и не надолго) черепушке недавняя клиентура. Но ведь, правда, все довольны оставались. Это ж сразу видно по всем параметрам. У Исхана глаз наметанный.

Тут, наконец, подвозят. Нет, ни к какому ни к учреждению-зданию. Стоит, двери нараспашку другой «форд», причем зеленого (!) цвета. Пока у Исхана от удивления рот тоже нараспашку, два дюжих молодчика передают его под локотки двум таким же дюжим сержантам. Взаимные кивки, и вот первый «форд» уже растворяется в потоке. Исхан Хаккин снова на заднем сиденье, только эти военные уже не улыбаются, а на его вопрос: «Что такое, почему?», свысока так посмотрели и молчок. Только на пятый раз, тот, что слева, все ж дернул веком, как от тика, да как гахнет локотком в солнечное сплетение: «Сиди смирно, Сопля! В армии вопросы задают исключительно старшие по званию». Исхан сам, вроде, умеет и локотками, и другими способами, но тут перевес явно не на его стороне. Он молча, умело, восстанавливает дыхалочку. Но не получается, тот, что посиживает с другого боку, видимо, для уравнивания мира, тоже тычет локотком, но дает пояснения: «Уклонялся, собака? Сколько

лет „косил“?» Дело дрянь: тут могут и забить.

На призывном пункте суета, но его пропускают, в смысле, проводят, без всякой очереди. Всякие молокососы с вещичками смотрят вокруг затравлено, а дорогу уступают сходу, жмутся к стеночкам.

– Исхан Хаккин? – потом адрес, то сё. Это уже в чистеньком кабинете с двумя вентиляторами, один на сейфе сверху, другой на штативе возле стола – оба, понятно, направлены не на Исхана.

Аллах неистощим на чудеса и проказы. Его дело – не то что не очень полная, а совсем тонюсенькая, и подозрительно новая папка – уже открыта. Там фото, как положено, и вообще-то можно даже не спрашивать, кто – и так видно. Но Исхан отвечает: под грудной клеткой точно будет синяк.

– А куда меня? – после еще нескольких вопросов, решает спросить Исхан, тем более что из двух сержантов сопровождения в комнате, сзади всего один.

Вообще-то он имел в виду другое, но офицер, с вихрящимися под встречными потоками ветра явно свыше меры длинными от уставных волосами, понимает по-своему:

– В пехоту, конечно. А ты что, разве танкист, или вертолетчик? Что-то по твоей карточке учета не наблюдается. И ловкий же бестия, – это уже для стоячей глыбы – сержанта сзади, – смотри, сколько лет уклонялся, волянил. Наверное, жандармов подкармливал.

– Так вроде ж, я уже по возрасту... – вставляет Исхан.

– У нас в Турции, рекрут, комплектование по призыву. Не знал? Каждый мужчина, если он мужчина, обязан отслужить.

– Э-э... А сколько? – спрашивает Исхан.

– Восемнадцать месяцев, – почти любезно поясняет офицер.

– Восемнадцать месяцев! – не в шутку ужасается Исхан. – Так у меня ж дело! Бизнес! Э-э не...

– Рот заткни, гниль морская, – зловеще негромко говорят из-за спины, с нависающей над сидящим позиции. Эвфемизм весьма странный, совсем вроде не к месту. Или это эпитафия когда-тошнему гражданскому приволью?

* * *

...Правда, это —

Уже перестраховка. Кто поверит,
Что этот сброд, торчащий промеж скал,
Способен будет выдержать атаку
Направленную в лоб? Под градом стрел
Он дрогнет и помчится,
Бросая снаряжение, обоз,
А так же раненых, с убитыми на пару,
Назад в Афины так, что сорок две,
Что с мелочью километровых меток,
Преодолеет без труда, с рекордом,
Чем удивит в последствие века,

На все тысячелетия подряд
Заняв первое место по секундам...

16. Ёлки, палки и индийские моря

Когда-то в большой, ныне легендарной только в плане негатива, стране – Советском Союзе, неврастенические правители которого спали и видели как бы быстрее превратить окружающий мир в неугасимое ядерное пепелище, наличествовало целых три полигона для зенитно-ракетной техники. Как-то они тут поскромничали, видимо в связи с издержками. Ибо действительно, если главное дело армии наподдать врагу по полной, то на кой черт ей еще и обороняться? То ли дело, основной и отдельный вид вооруженных сил – Войска Стратегического Назначения! Не требуются им никакие полигоны. Точнее полигонов у них в просторах родной страны видимо-невидимо. Однако те полигоны не просят никакого особого оборудования и обустройства. Посмотрел маршал в карту масштаба 1 к 20 миллионов – нет мегаполисов. Открыл карту масштабности 1 к 2-м миллионам – опять нету городов. Достал из сейфа карту 1 к 500 тысяч, надел очки – неточки больших населенных пунктов. Поднял телефон, потребовал карту 1 к 100 тысячам – оп-па-па! – опять нету поселков городского типа. Распечатал следующую – 1 к 10 тысяч – ни деревни, ни хрена. А уж 1 к 5 тысяч развернул по полу – ни единого хуторка, или хоть заселенного сарайчика. Над аэрофотосъемочной простыней лупой пепелящей повел как лазером – ничего нет. Только елки горделиво прут в стра-

тосферные выси, углекислоту из-за зелёности круглый год переваривая. Поднял еще одну телефонную трубину: «Так мол и так, создан для дела защиты Отечества новый, с иголочки (кедро-шишечной), полигон!» «Опробовать!» – повелевают оттуда. «Так точно! Есть!» – кивает маршал, у коего на погонах звезда размера что поставь, что положи. Утихомирил одну трубочку, брякнул по другой: «Соедините-ка меня... Ага, эдакий сякой, готовь тебе полигон. Давай уж, заре навстречу!» «А всегда готов!» – скажет где-то «N-ске» генерал, у коего на каждом погоне звезда со звездой говорит, и даже краешками лучиков кое-где уж соприкасается от малости пространства.

И гукнет под другим «N-ском» Саратовской области, откинута пиропатроном крышечки и взовьются ввысь быстროногие «эс-эс-ы» всяких марок. Пройдут они без помарок ионосферы и все прочие сферы по баллистическим, да как шмякнут туда куда веле... А это мы сейчас вот проверим. Мясорубит воздух над соснами некий премудрый «Ту» с великофокусной фотокамерой. И?... Нет, тут вам не антинародный царский режим! Не ждите Подкаменно-Тунгусской бесхозяйственности, с разбазариванием народного добра. Только две срубленные ёлки-палки упали, как раз нужно-спланированные, в пределах квадратурности круга ста на сто километров круго-вероятного отклонения. Кому что ясно-непонятно?

Кому-то не очень. И вообще, пусть и две елки, но задар-

ма не в лесосплав срублены. Есть ли это правильно-верно по-ленински, и как Ильич нынешний зачитал? Не есть, ни как не есть! Подать снова маршала широзвездного, а лучше даже адмирала широко-штано-полосного, обгорелого шей в вечном дне Нептуна в экваториальном патрулировании. Звякнет старинным звоном над лучшим вертолетоносцем мира «Москва» колокол, раздобытый где-то в тихоокеанском походе, с отлитой по кромке надписью – «Порт-Артур 1895». Смахнет звездастый адмирал с палубы всяческую мелочь «Кашек» 25-й марки, расстелится по ней мелкозернистая спутниковая фотокарта океана Индийского. «Вот тут – есть у нас какой островок? Есть! А вот тут? Нету? И без облачности тоже нету? Вот и ладушки. Шифруй дорожкой. Координаты акватории: градус по широте – N, градус по долготе – тоже N. Плюс минус три-пять градусов туда-сюда на круговое вероятное».

И вот наблюдаем. Сверху из мезосфер-хромосфер сюда в гидросферу «плюх!» и еще «плюх!», и сразу много «плюхов», ибо есть теперь у нашенских «эс-эс таких-то» такая же как и у империалистов многоголовость орбитальных «автобусов». И оттуда, из скучающей дали больших московских звезд, что над Кремлем рубинеют, а так же на погонах чудо золоченой вышивки демонстрируют: «Как плюхи? Плюхнули? Там где надо было плюхнуть или?». И отсюда, с этой экватороплавучей «Москвы»: «Никаких „или“! Где надобно, там и сделали „плюхи“. Служу Советскому Союзу! Ка-25 все

заснял видел. А также все секретное количество прочих палубных „Ка“ все видели-слышали, и слух у пилотов проверен медкомиссией прямо тут перед вылетом». Понятно! В смысле, кому что снова ясно-непонятно? А, есть таковые некие...

Значит, думаете, что те «плюхи» и все, что есть внутри наших «эс-эс таких-то»? Конечно, сравнительно с будущим «плюхом» населенной когда-то станции «Мир» – это вовсе даже и не «плюх», а так – «плюшики». Ну что же, думаете, у нас там в мезосферах-за-стратосферах только такие плюхи живут? Щас, показнём вам Кракатау 1800-какого-то там! Вспомните, родную аризонскую дыру. Где у нас, что тут... Новая Земля? Карту 1 к... Что, даже сосенок, сосёночек нету? А где же...? Климат такой, что повымерзли? Ну, и не будет ущерба хозяйству. Всех «челюскинцев» предупредили! Вот и... Ого! Нет, ОГО-ГО! Теперь все поверили? Вот и ладно. Подать сюда швей-искусниц! Новые звезды, по боле тех прошленьких исшить к завтраму! Что?! А, выходной рабоче-крестьянский праздник?! Ну, тогда к после-празднику. Вот и договорились. Служу Советскому Союзу!

Короче, с полигонами для МБР всё предусмотрено. А вот с ПВО...

* * *

...Иль смежный вариант:

Устав, под стрелами врагов,
Терять пехоту, этот их мудрец,
Что царствует на холмике, и нынче
На голову из амфоры налил
Оливкового масла от ожогов, не выдержит,
Скомандует бросок. И тут
Все мужички, с пузцом гражданской жизни,
От силы метров двести пробежав,
Задохнутся, а главное, что строй,
Отнивелированный в статике стоянья,
Рассыплется, и параллель шеренг
Прорехами проестся. И тогда
Ударит снизу, медленно вздымаясь,
Волна пехоты с Азии...

17. Курс молодого бойца

Оказывается, армия это не только аккуратно вывешенные на стульчик генеральские и полковничьи кителя, как Исхан Хаккин думал ранее. Тут не так шикарно, но по-своему круто. Правда, это он понял попозже. Ведь вначале он был попросту в панике. Попросту напуган как девица, которую только что доставили с парохода, только что разлучили с подругами – в смысле, это она о них так думала – и коя почему-то рассчитывала на другой прием, даже другое занятие – это особо смешно – и на другие чаевые. А тут ее, понимаешь, сразу по полному циклу. Ох, любил Исхан Хаккин такие мгновения. Вот, кстати, на счет женского пола в армии оказалась тоска смертная. А ведь Исхан Хаккин привык, могли бы учесть его специфику. Но плачь тут, в пехоте (давешний офицерик с призывного пункта не наврал ни на йоту), не принимался вообще. Жаловаться тоже некому. Исхан Хаккин сделал несколько попыток, хотя уж после спешного призыва знал, что смысла никакого, только неприятности. Теоретически можно было поработывать какие-то варианты бегства. Но, извините, куда? Его выловили вообще не по адресу, где он хоть как-то значился. То есть, выследили как полагается. Видимо, какая-то полицейская харя сдала за пол лиры. Вот же придурок, подошел бы к нему, как бей к бею, порешали б на счет скидочки, договорились. Нет же...

Один раз Исхана Хаккина даже побили. Не, не сильно, в его жизни, особенно в сопливой молодости, бывало много хуже. Побил сержант. Точнее, бил один сержант, а держали еще двое. Разделение обязанностей. Аллах милостив, ибо в бизнесе Исхана Хаккина тоже бывало держали двое, но потом всегда менялись, и иногда таким образом по несколько раз. Столь приятные моменты былого часто скрашивали Исхану Хаккину тяжелые вечера, особенно, когда спать не разрешали, заставляли непонятно чего сторожить. Но ему-то как раз ничего, он привык трудиться ночь напролет. Вот как раз не прикемарить днем, вот такое было тяжело.

Зато что радовало, это как другие мучаются. Сопливым салагам было тяжело по-настоящему. Нет, кто поздоровше – попадались и такие – те хоть всякие полосы препятствий вытягивали не умирая, а кто послабже... Исхан Хаккин сам на той, явно изобретенной неверными, полосе, чуть не отправился на встречу с пророком Мухаммедом досрочно. Выжил с трудом. Да, оказывается, за последние годы он отрастил солидный животик. Но все равно, ой радовало, когда другие вокруг стонали. Некоторые салажата и в самом деле пускали слезу. Исхан Хаккин прямо таки возбуждался от созерцания, так сильно это напоминало былые прелести.

Но живот животом, а вышло, что на счет некоторых вещей он вполне на уровне. Все ж возраст, опыт жизни. Задобрить-то сержанта дорогого было нечем в материально-ощутимом плане, зато умелый словесный подход – тоже большое

дело. Кроме того, руки у Иохана были крепки. Как-то для интереса, когда чуть освоился с местными порядками, побил одного салаженка. Но перестарался явно. Благо все же не травмировал. Тем не менее, кто-то настучал – как иначе. Вот тогда Иохана Хаккина чуток и побуцали. Зато давешний салаженек с тех пор обходил стороной, стал Иохана Хаккина бояться до жути. Иохан даже подумывал, а не поймать ли того салаженка в безлюдном месте и довершить процесс несколько в другом направлении. Однако, как на такое посмотрит ближайшее командование? Видимо, покуда стоило потерпеть с инстинктами. Было тяжело.

Потом дали оружие. В далекой гражданской жизни Иохан носил с собой небольшой «кольт», ну и ножик, понятно. Но ножик, то так, для бизнеса, иногда с новыми сотрудниками как бы проблемы, а тесак достаешь, и сразу все на мази. Аж противно, что быстро. А на счет «колты» так. Большой конечно же внушительней, достанешь, так сразу уважение. Но его хуже прятать. Ну а здесь, а пехоте, выдали нечто тяжелое – М-14 поначалу. Великий пророк! Целых 7,62 миллиметра, вес 4 кг. Во натащались, хотя в первые деньки выдавали без патрон. Учить ружейные приемы. Во тягомотина!

Потом стреляли. Иохан Хаккин, очень удивился. Он попал все в молоко. И второй раз, со ста метров, результат идентичный. Сержант не поверил своим глазам. Решил про-ревизировать, не сбит ли целик с мушкой: положил все в яблочко. Глянул на Иохана Хаккина как на совершеннейшее

барахло. К вечеру тот уже ожидал зуботычину, даже разми-
нал живот, дабы хоть как-то сгладить грядущие тычки. Но
вот именно в тот вечер все и переменилось.

* * *

...Разгром

Для греков неминуем. Ну, а после
Преследованье, скальпы на ремень,
Иль в седла (если их уже
Изобрели). Похоже, Марафон
На этот раз не станет начинаньем
Последующих стайерских забегов —
Ведь лошади быстрее, к тому же стрелы...
И пленные в табун... Грядут проблемы
С их переправкой в Персию. Но ладно,
То не стратегов дело, а вот время
Не в нашу пользу — надо начинать...

18. Ручки шариковые и шулерские ракеты

С ПВО, понимаешь, есть своя специфика. Если «эс-эс-ы» где врыты, оттуда и пуляются, то с зенитно-ракетными комплексами так нельзя. Потому как в океаны индийские они не достреливают, в магнитосферы тоже не могут, потому все что выпуляли, то тут же в близости и возвернется, да еще с добавочным сколько-то там «G», в зависимости от высоты возврата. Так что же их тогда, надо...? Именно так! Надобно волочь туда, где никто не обитает. Можно и среди сосен-кедров. Хотя... Попробуем, кто против. Дело новое, перспективное, лишь бы за китайскую границу не залетали. У нас что тут, янковский «Бомарк-М», что на восемьсот км улепетывает? Так и тот с вооружения американцами снят. У нас не так далеко. Леса много, проволоки тоже не хило. Огородим, надпись «Не влезай – убьет!» с черепочком присовокупим и...

А вот нюанс, теперь что же, всем надо раз в год, или там раз в два, из землицы, бетона выкапываться и туда значит? Не, мы, товарищ маршал, добро-то народное, сберегательное и в облигациях, чтим. Мы там посадим специальных обученных храбрых офицеров вместе с зенитно-ракетной утварью. А уж солдатиков им будут в эшелонах раз в неделю и все

новых завозить. И офицерики необстрелянных туда же. А бравым инструкторам стрельб мы дадим только шариковые ручки со стержнями, фотопленку опломбированную и секретные учебники малотиражного выпуска, дабы только они все ведали, и могли со знанием дела всяких прибывших для экзаменов опросить и обучить, а кого и выпороть... Так прямо и...? Не, фигурально. У нас же не крепостное право? Оно ведь до нас еще отменено, и нами по новой не назначалось. И значит, для сбоя риски прицелов у буржуйских спутников, мы те места обучения назовем «учебный центр такой-то» и «сякой-то». Там прибывающие командированные будут не только в палатках проживать, но еще и ракеты с собой привозить. Кои тоже, в целях экономии народного состояния, дабы армия и флот в свои ежегодные семнадцать с половиной миллионов рубликов общих затрат, отоваренных съездом, укладывались, будем выбирать постарее, с ресурсом почти выработанным. Вот там ракеты, в смысле, привезенные «изделия № такие-то», будут на местные пусковые укладываться и в цели пуляться. А цели-то те будут тоже имитационные, но летучие, из похожих «изделий № эдаких» сотворены. – А вот если не попадут? – А вот если не попадут, товарищ маршал Советского Союза, коему служу, то тогда уж офицер-инструктор возьмет ручечку со стержнем и начертит в дневнике цифру «2», а дабы неповадно было... – Что, родителей вызовет? – Не, речь же не о солдатиках, о полковниках-майорах. Их тогда с должностей кувырк, ибо им из-

вините и вагон-теплушку бесплатно путешествовать, и тебе палатку под звездами народную, и консерву в паек, и ракету свою собственную (это что шулеру со своими картами прибывать), а еще им и ракурс цели известен, и время почти точь-в-точь, ибо негоже технику без дела сутками напролет гонять в режиме наивысшей готовности, а они при этом в «молоко»! Да это же...

Вот так и порешим. Значит, сделаем два «учебных центра» в двух различных природных зонах. Одну, например, вот тут... Подать карту масштаба 1 к... Вот, под большим городом Читой, но не слишком близко. Пойдет? А еще один, так допустим... Сюда масштаб 1 к... Вот он, голубчик! Большой, желтый в окрасе Казахстан! В смысле, Казахская Советская Социалистическая Рес... – Служу Советскому Союзу! Ура! Ура! У... – Тут, значит, тоже огородим. Проволоку три, четыре, пять и более эшелонов подать! А надо вначале... Понятненько. Так, ЖД-войска, строиться! А вот возьмите-ка в руки шпалы, крепи и насыпи, и... ать-два... отсюда и сюда. Ну, и мосты-туннели по дороге тоже, значит... – Служу Советскому... – Вольно, приступайте. Устали уж вас лучшими «белобитетчиками» каждую весну-осень отоваривать.

* * *

...Они стояли. Сомкнуты щиты
И копья книзу за врагом следя
Направлены, как будто карабины,
Хотя до карабинов, и других
Чудес, им размножаться поколений сто,
А может, девяносто, но похоже
Сейчас – какое-то из будущих знамений
Вдруг снизошло. Хотя готов поспорить,
Там нострадамусы не очень-то водились,
А больше все крестьяне, от сохи —
Не от станков с программным управлением —
Покрепче будут, да и нервов нить
Толщее, с палец, или что-то вроде,
Но здесь не буду я держать пари...

19. Генералы и маршалы

– Хайруллах-бей, вы конечно понимаете почему я хочу переговорить с вами наедине?

– Могу только догадываться, уважаемый Карабекир-паши.

– Именно ваши подразделения, генерал, будут находиться на самом пределе зоны действия нашей боевой авиации с аэродромов метрополии.

– Но ведь, вроде бы, мы собираемся обойтись без нее?

– Да, Хайруллах, на втором этапе мы планируем сосредоточить все действия ударных самолетов на Крыме. На вас сил просто может не хватить.

– Вы опасаетесь за первую фазу, Карабекир-паши, так я понял?

– Да, очень опасаюсь. Очень. Конечно, я верю нашим заокеанским союзникам, генерал Хайруллах. Они обещали помочь. Они очень уверены в своих новых «глушилках». Если Аллах повернется к нам ликом, то русская авиация будет выведена из игры надолго. Тогда мы успеем. И тогда вы успеете.

– Я верю в успех, Карабекир-паши.

– Не сомневаюсь, Хайруллах. Еще одна трудность вашей миссии, что в отличие от тех, кто будет действовать на полуострове, вы будете оперировать лишь на временно захваченной территории. Это, думаю, понятно. Мы никак не смо-

жем взять под контроль эту местность навсегда. Никто, даже милые союзники, нам такое не позволят. И понятно почему. Украина – это их собственный трофей, большой трофей. Но и прихватить Крым, пусть и в закамуфлированном виде какой-нибудь Татарской Республики, а то и Ханства, тоже великолепно. Тогда наш туристский бизнес будет практически контролировать все южные курорты этого региона. Тем более с учетом непрекращающейся партизанской войны на границах Грузии, которой мы, кстати, тоже несколько подсобим, русские курорты Кавказа придут в окончательное запустение. Но то дела бизнесменов – не наши, Хайруллах-бей, – командующий всей ударной группировки маршал сухопутных войск Карабекир заговорчески подмигнул своему подчиненному.

Было понятно, что господа бизнесмены будут щедры и не забудут армейский героев, которые преподнесут им подарок на блюдечке. Что ж, дополнительный стимул, проходящий по другому, совсем не армейскому ведомству – это очень даже неплохо. Но вообще-то тут не имелось чего-то необычайного – в турецком общественном устройстве армия традиционно играла очень большую, ничем не заменимую роль.

– Что меня еще волнует, Хайруллах, да и вас, естественно, – маршал-сухопутчик закурил, – так то, что именно ваш фланг будет расположен ближе всего к русской границе. Мало ли... Вдруг эти неверные серьезно обидятся после нашей акции и... Конечно, союзники, да и прочие члены альянса,

с которого мы номинально и по совпадению именно сейчас вышли, – Карабекир-бей снова подмигнул, – не оставят нас в беде. Но... Вы же сами понимаете, что между всяким решением и действием всегда наличествует некоторый зазор. Вот он-то меня и волнует. Успеют ли, в случае чего, вверенные вам силы убраться с дороги сходящихся наковален без потерь? По крайней мере без таких, кои обнулят выигрыш всей партии? Да и вообще, это никоим образом не должно выглядеть бегством. Плановый уход, вот как это обязано представляться.

– Я понимаю свою ответственность, Карабекир-паши, – кивнул командующий недавно тайно сформированным экспедиционным корпусом. – Мы постараемся управиться с порученными нам функциями как можно оперативнее. Надеюсь, транспортная авиация и флот нас не подведут.

– Многое будет зависеть от нас самих, генерал-майор Хайруллах. Мы уже обсуждали. Конечно, наши всегдашние заокеанские друзья, обеспечили нас новыми «Гэлэкси» по долгосрочном кредиту, да еще и дают некоторое количество просто займы. Тоже касается и флота. Однако учитывая наши собственные цели, кои не стоит разглашать даже союзникам, емкостей наших судов и самолетов может не хватить. Поэтому, Хайруллах-бей, вы сами должны будете добыть дополнительный транспорт на месте.

– Можно спросить, маршал? Вы до конца верите в эту невероятность по поводу нейтрализации армии и флота вра-

га их же командованием?

– Скорее, политическими лидерами, – поправил начальник. – Хочется принять за истину, Хайруллах, ой хочется. Это сильно сэкономит нам силы и время. Последнего у нас особенно в обрез. Происходящее не удастся скрывать долго. Как только маскировать от мирового сообщества и прессы станет окончательно нельзя, в дело войдет следующий этап плана. Нам придется потесниться перед серьезными игроками.

– Так вы верите, что это не уловка, Карабекир-паша?

– Это никак не может являться уловкой, генерал Хайруллах. Все эти «оранжевые» – или какие там у них нынче? – лидеры на хорошем крючке Дядюшки Сэма. Им никак не сорваться. Они должны отрабатывать обещанное своим патронам. Но мы ведь с вами обсуждали, что подстраховаться требуется. Конечно, славянские армии – это такие аморфные, несамостоятельные структуры, не чета, к примеру, нам. Но шайтан их знает? Вдруг какие-нибудь командные цепи внезапно взъерепенятся? Вам даны общие инструкции, Хайруллах-бей. Они специально не подробны. Там, на месте, вам будет виднее, что и как. И я думаю, у вас будет некоторый зазор для развертывания, пока сдерживающие факторы – эти политические оковы, если использовать поэтическое сравнение, будут в силе. А уж там мощь пойдет на мощь. Но если вы будете уже десантированы, рекогносцированы, развернуты и готовы, то запросто расправитесь со всякими незапланиро-

ванными акциями. Более того, вам вообще не нужно ждать этих акций. Как только накопятся достаточные силы, вы сами нанесете удары по опасным участкам.

— А наши союзники не будут против, Карабекир-паша?

— Вы что политик, генерал? Дела с союзниками пусть улаживают дипломаты. Ваше дело успешно воевать. Да и куда наши союзники денутся, если уж ступят в дерьмо вместе с нами? Им останется только прикрывать нас и далее, так ведь?

— Уверен, что так, уважаемый Карабекир-паша.

— Правильно, Хайруллах. И не разочаруйте меня, пожалуйста. Я в вас уверен на все сто. И Аллах будет с нами, генерал.

— Спасибо за напутствие, дорогой Карабекир-паша. Этот разговор разогнал во мне последние сомнения и вдохновил.

— Вот и хорошо, Хайруллах. Готовьтесь к большим делам.

И маршал с генерал-майором расстались. Дальше они собирались общаться только через зашифрованную телефонную связь.

* * *

...Они стояли. Пот стекал с бровей —
Тогда обычно воевали днем,
Ведь не было прожекторов в запасе,

И даже спичек, что уж говорить
О всяких выкрутасах снаряженья
Пехоты на Фолклендских островах.
И так, вся сцена освещалась со звезды
Подвешенной в зенит иль где-то рядом
И в этом свете, спектром идентичным тому,
Что жжет нам лысины сейчас,
Фигуры занимали положение – сходились...

20. Сибирские морозы и человеческий фактор

С Читой получилось как-то не очень. И не конкретно в длинной зиме дело. Стрельбы и проверки зимой назначались лишь как исключение из правил. Потому как, все знают, в русскую зиму воюет только дурак. Или русский. Впрочем, и финны тоже, оказывается... Не будем о грустном! Кроме того, зима это вопрос выживания, куда в это время еще в палатках полеживать? Если и ракета куда надо попадет, а кто-то в палатке отморозит органы, или наоборот, в целях «сугрева» полив в костер солярки, сотворит из лагеря скопище горелых вигвамов, как иллюстрацию к прошлому веку – «Белые уже в Дакоте», так командира части все едино с должности снимут и отправят дослуживать в климат типа этой же Читы, только чтобы случайно данная область не считалась по официальным бумагам отнесенной к тяжелому климату, за который положено выслугу год за два и денежно-пайковую компенсацию в придачу.

Так что, лучше уж летом. И солдатикам приятней. Из палатки вышел – ягодку сорвал, вот тебе и витамины в довольствии забытые. Опять же, свежий лесной воздух. Пусть подышит, покуда в город не возвратился на вредное поточное производство. К тому же, будет потом всю жизнь рассказать,

как судьба, в процессе стойкого несения службы, однажды даже в тайгу забросила для выполнения задачи, поставленной Правительством и лично Леонидом Ильичем...

Да, но что же тогда с Читинским учебным центром не так? А вот что. В современной армии, еще не до-развившейся до кибер-войн с использованием «терминаторов», по большому счету есть всего два фактора определяющих победу и поражение – люди и техника. На счет людей... Тут есть некие нюансы, но после скольких-то лет притирки, «учебный центр» в таежном Забайкалье читинской области воспитал просто чудо-богатырей. В смысле, офицеров-инструкторов высшей пробы, по крайней мере, в плане выживаемости в тяжелых для нормального человека, не «терминатора», условиях климата. Когда эти крепкие, удивительные люди прибывали в свою очередь подучиться куда-нибудь в Подмоскowie, в какие-нибудь Петушки или там, в славный город Владимир, тогда местные дискотеки, рестораны и женские общежития становились эпицентрами сейсмической и прочей активности. Прибывали эти чудо-богатыри на учебу зимой, что само собой понятно, ибо их собственные «учебные центры – полигоны» раскручивались на полную катушку летом. Однако что для избалованных москвичей и владимирцев является зимой, то для ребяташек из тайги считается пусть и не малым месяцем, но уж не далее чем октябрем. В шинелях им жарковато, форменные ботинки для них что тапочки, после вечности истертых валенок и фетровых сапог, а женщин они

в своих лесах вообще мало видели, а если кого и наблюдали, так их всех по именам-отчествам знает весь раскинутый вширь, до китайской границы, гарнизон. Так что обычно, через положенное у млекопитающих время после учебного процесса, в Подмоскowie и окрестностях Владимира наблюдался всплеск рождаемости, радующий акушеров и терапевтов крепостью и активностью младенчиков: Советский Союз, в отличие от некоторых сегодняшних государств-новообразований, занимался демографией серьезно, а не с помощью каких-то долларо-эквивалентных компенсаций. Конечно, иногда в том деле наблюдались кратковременные локальные сбои. Например, крепкий на вид офицер-ракетчик с широким красным лицом, мог временно оказаться даже в военном госпитале, со странным диагнозом – «полное половое истощение». Однако не проходило и трех-четырех суток этого невиданного в тайге больничного, как все положенные лейтенанту, или же, там, капитану, функции восстанавливались; причем восстанавливались преотлично, ибо через положенное у приматов время среди персонала военного госпиталя так же наблюдался всплеск рождаемости, беспокоящий хирургов, проктологов и прочих врачей паразитирующих на отклонениях здоровья, невиданной эталонностью новорожденных в плане отсутствия хоть каких-то патологий.

И еще бы было не так! Зимой прополку офицеров-ракетчиков на стойкость делал мороз, летом – всякая местная нечисть, типа клеща и гнуса, и это только в плане природных

факторов. На счет них все было просто. В СССР, как практичной, не витающей в облаках державе, преимущественное право при поступлении в училище всегда имели выходцы из деревни. Что с того, если эти ребята бывали поначалу несколько наивны и их легко облапошивали по мелочи сослуживцы-горожане? Со временем, леса, степи и пустыни – ставили все на свое место. Потом городские лысеющие старлеи только дивились, узнавая в приехавшем с проверкой полковнике генштаба туповатого когда-то сокурсника. Однако отбор производило не только природное ОТК. Существовали еще и другие фильтры. Допустим, труд от зари до зари с парой выходных в месяц на отсыпание. «Ничего, у офицеров пенсия ранняя, – говаривали седеющие комбаты, годков тридцати пяти отроду, – так что потом отоспитесь!»

А еще были всяческие вредоносные факторы. Ну там, окислители ракетные, или даже локаторное излучение, от которого, по слухам, случается белокровие – это все бретельки. Самый серьезный проверочный механизм – спирт. Представляете, на какую-нибудь дуру-антенну его могут выдать литров эдак пять или шесть («больше ему не съесть», как говаривал писатель Корней Чуковский), причем, это только в месяц. А вокруг тайга, конца-края не видать даже с вершины высотомера ПРВ-17, водруженного поверх сопки. Солдатиков в увольнение пускать некуда, но ничего, у них есть «Ленинская комната» в коей можно бесплатно полистать чудо-журнал «Коммунист вооруженных сил», так же «Агита-

тор армии и флота», а в воскресенье с утра получить в столовой на ритуальное съедение два положенных яйца, а вечером кино «Семь невест ефрейтора Сбруева», для просвещения о гражданской жизни. Но солдатикам-то что? Они еще молоды, почти со школьной скамьи, а вот молодому, чуть старше них офицеру? Ему тоже некуда в увольнение, хоть у него и свободный выход. До большой Читы, в коей вблизи вокзала предусмотрительно размещена пара вместительных ресторанов, на электричке никак в выходной туда-сюда обернуться не успеть. Следовательно...

Устраиваем ресторан на дому, то бишь, в месте постоянной дислокации. За всю историю, никто из приезжих комиссий никогда не лазал на сопку, не вскрывал технические шкафы, не откручивал кристрон с магнетроном, и не заглядывал в отсоединенный волновод, дабы убедиться, достойно ли блестит посеребренное нутро, то бишь, попадал ли туда хоть единожды в жизни, отпускаемый народных хозяйством на военные нужды, протирачный спирт. Значит основное, ради чего люди ходят в ресторан предусмотрительно работающий до одиннадцати нуль-нуль вечера, у нас наличествует. Теперь... Ну уж на счет закуски – просто смешно. Во-первых, на совсем уж бедственный вечер всегда имеется паек – шесть кг первоклассной вырезки, и еще море консерв с прочим ежемесячно. Так ведь еще и тайга! Она сама кормит неленивого. Покуда дежурство несешь, выскочил на пять минуток в нужник, а заодно проверил силки. Так что... В об-

щем, почти все имеется. Ну, а с кем потанцевать... Нет, никаких гомосексуальных притязаний у парней из деревни никогда не наблюдалось, к тому же всякое эдакое дермецо выявлено еще на первом курсе и отправлено пинком под зад в демократию гражданской жизни. И значит... И значит просто пьем в таком количестве, чтобы танцы-обжиманцы плавно перетекли в фазу сна. Ну, а утром труба зовет, в колоно-ширенгу стройся и «учиться военному делу настоящим образом».

Это конечно зимой. Летом кроме бесценной технической жидкости есть еще и прибывшие для сдачи экзаменов офицеры с зачетками. Возраст уже не школьный, люди все опытные. Если не сдал экзамен – светит в летёхах и старлеях ходить до пенсии. Следовательно, наличествует штука именуемая в толковом словаре терминами: «взятка», «мзда», «подмазка», «дача (устаревшее)», «барашек в бумажке», «бакшиш (устар)», «хабар», «хабара» и т. д. И значит чудо-офицеры наши будут тогда: «взяточниками», «лихоимцами», «мздоимцами (устар)» и т. п. Извините, но денег у чудо-богатырей и у самих невпроворот. У них кроме окладов, еще надбавки: «за отдаленность», «за боевое дежурство», «за звание», «за должность» и далее по перечню. А потому деньгами их никак не взять. И значит только...

У нас не какие-нибудь платные капиталистические учебные заведения будущего. Каждый солдат-офицер друг-другу – соцсоревнование. И значит, почему бы не подучив при-

бывшего коллегу тому и сему из секретного полигоновского учебника, не принять в качестве сувенира какую-нибудь хитрую, невиданную бутылочку «Ванна-Таллин», доброго молдавского винца или там, бочкового грузинского коньячку? (Все в зависимости от того, из каких краев прибыла данная войсковая часть). Каждый советский человек другому брат и сестра, а национальности должны дружить и обмениваться подарками для познания обычаев братских народов. Кто-то скажет, а что же встречно получил приезжий капитан от коллеги инструктора в обмен на рижский бальзам? Неужели непонятно – что? А знания, великие знания военного дела, почерпнутые из невиданного другими секретного учебника, а так же зимнего коротания дней над функциональными схемами электронных блоков! Попахивает неким стяжательством, скажут несведущие (в смысле, сведущие, но с недалеким умом). Но какой же тут «хабар» и прочее по списку? Где то молдавское виноградное чудо и артефактное в читинской области «Ванно-Таллин»? Нет его, как не было. А кто же остался в выигрыше? Ну, гадаем на счет «три». Раз, два... Все правильно, обороноспособность нашей великой Родины. Ибо извините, но тут не просто учебный центр, тут полигон. А полигон, в отличие от рисования мелочком по доске, есть штука взаимодействующая с реальным миром. В формулу Циолковского хоть сколько рижского бальзама лей-залейся, а ракета полетит только в соответствии с ней. Так что ежели боевая, привезенная прибывшей частью раке-

та не поразит реальную, движущуюся в соответствии с той же формулой, цель, грош цена всем прочим достижениям на поприще экзаменационного всезнайства. Ибо когда империалисты с маоистами нападут, никто у вас о свойствах «двойных волноводных тройников» интересоваться не будет. Будут реальные цели-носители, умно отлеживающие их локаторы и чующие отраженный сигнал боевые ракеты, ну и какая-то там вероятность «0,9 с чем-то», а более ничего.

Так что в плане человеческого фактора все на Читинском «учебном центре – полигоне» было на «Ура!».

* * *

...Весь театр боя,
По крайней мере в апогейный миг,
Занял примерно стадион, иль три,
Ну, может, с половиною, от силы.
Однако в сей момент он растянулся шире,
С тенденцией прессовки. Для показа,
Ну, схемной зарисовки – не живой
Картины боя, разумеется, довольно
Обычного тетрадного листа. Тем более,
Сражение велось в единой плоскости,
И даже на рельеф не надо скидок – там,
Где не могла пробраться конница,
Галопом иль рысцой, бой и не шёл,

Так, кое-где, торчали
Людишки с луками, на всякий вариант,
К тому же – с двух сторон,
Довольно пунктуальные ребята
Вели планирование боя наперед...

21. Нисхождение больших звезд

Повторение – мать учения. Исхан Хаккин снова зажат промеж двумя громилами и его везут на армейском джипе в неизвестном направлении. К чему бы это? В прошлый раз его вот так же лихо извлекли из красивой – теперь только плакать во сне – гражданской жизни и окунули в армейско-пехотное дерьмо. Что будет на этот раз? В какое новое измерение его доставят эти безъязыкие ифриты в форме? Великий Аллах! Знать бы загодя, так можно было бы молить на коленях сержанта, да и редко являющегося первого лейтенанта тоже, лишь бы куда его больше не отдавали. А если, снова всплыл случай с тем рядовым, только ныне уже на более высоком уровне? Но подумашь, побил чуток? Лицо и не трогал практически; никаких особых следов – у Исхана Хаккина такая операция отработана четко. Больше он с ним, вроде бы, ничего не сделал. А что подумал, так мысли еще читать не научились, даже в армии. Или уже научились?

Исхан косится на сопровождающих. По этим не скажешь, что телепаты. Тут даже с трудом верится, что понимают человеческую речь. Вообще, какого шайтана им надо? Он же даже присягу Республике принял, как положено: разве можно было подумать о подобном казусе всего месяц назад? Куда теперь деваться от службы? Уж лучше отдать положенные восемнадцать (теперь уже меньше, глядя на саложат, он тоже

начал тайно делать метки учета времени), чем попасть в натуральную тюрягу, да еще и военную. Рассказывают, опытные ребята при уголовном залете предпочитают проситься на границу с курдами, чем в десбат. Исхан Хаккин не желает ни туда, ни туда. Но кто теперь, после присяги спрашивает?

Наконец, добрались. Кстати, не очень-то и далеко – явно не Курдистан. Но место, все едино, глухое. А вдруг его тут под деревцами закопают живьем? Не дай Пророк, еще придется под прикладами самому выкапывать себе последнее убежище: грунт нехороший, каменистый; изотрешь руки в кровь. Или просто побьют? Такое было бы проще, можно даже согласиться, если б спросили. Его ведут между пихтами по какой-то тропке. Непонятно, специально запутывают, или сами сбились, но кажется они подозрительно часто поворачивают влево. Ладно, они плутают, а жизнь покуда длится.

Снова проезжая дорога. В смысле, виднеется за деревьями. Другая, или та же самая – неясно. В просеке стоит толстомордый новенький «Хаммер». Зачем такая парадность, всего-то для тихих похорон рядового? Стоящий рядом с дверью человек в камуфляже, с М-16А2 (Исхан уже чуток разбирается) наперевес, распахивает дверь. Исхан Хаккин сбит с толку – оттуда никто не выходит. Оказывается все наоборот, это ему надо забираться внутрь. Все и правда, сложно, но подзатыльника ему не дают. Такое поведение конвоиров даже обнадеживает.

За Исханом закрывают. Он один на заднем сиденье. Про-

сто еще одно чудо – никого из сопровождающих рядом. Исхан Хаккин непроизвольно и шумно вздыхает.

– Здравствуй, дорогой, – говорят с переднего сиденья. Голос, кажется знакомый. Говорят очень миролюбиво, так что с ответом можно не торопиться.

Исхан приглядывается к рассматривающему его человеку. Да это же...

– Генерал? Хайруллах-бей, это вы?! – Исхан не уверен, но настроить зрачки не выходит – вероятно, в собственных глазах небывалое явление – слезы. – О, Аллах ко мне справедлив.

– Да, я, я. Успокойся, Исхан Хаккин, – кивает ему генерал сухопутных войск турецкой армии. В голове у Исхана проносится несколько картин досрочного увольнения, причем с почетом и с записью всех недобранных месяцев в учетную карточку. Ведь о нем все-таки вспомнили, нашли! Ох, недаром он когда-то кланялся и умело посмеивался седобородым шуткам. А главное, правильно поставил бизнес. Так поставил, что без него теперь все развалилось. Конечно, потому и вспомнили, что ныне некуда податься, славно покутить. Ясное дело, кто он тут, в армии? Стрелок-мазила? Какой от него толк пехотному полку? А там, на месте, он обеспечивал утомившимся от трудов офицерам достойную разгрузку. Порой, даже сержантам. Что они не люди? Такса с них поменьше, и услуги, ясное дело, пожиже, но все равно! Ладно, теперь все будет «тип-топ». Исхан Хаккин так увлекается,

что едва не пропускает вопрос. Он даже на мгновение замирает, сканируя небольшой отдел краткосрочной памяти.

– Как тебе армия, Исхан? – генерал подмигивает. Наверняка, это у него юмор такой – военный.

Исхан Хаккин порывается ответить прямо, как есть: «Да вот, господин генерал-майор, – (теперь Хаккин понимает в тонкостях созвездий погон досконально, и ему почему-то подозревается, будто раньше у господина генерала было на одну звезду менее), – надоело до жути, сбежал бы хоть сейчас», но что-то останавливает – не «бегство», а такой разворот еще не начатого диспута. Будучи в армии, Исхан познал кое-какую из неизвестных ему ранее сторон жизни. Оказывается все без исключения военные, даже какой-нибудь спившийся, навсегда застрявший в звании первого лейтенанта импотент, ужасно горды своей принадлежностью к вооруженным силам. По недавним взглядам Исхана Хаккина было бы чем гордиться, но разве можно сейчас сделать намек на такое отношение к службе, тет-а-тет генералу, у коего за плечами годков так двадцать пять – тридцать службистики? Вовремя выручает природная сметка:

– Внушает уважение, – отзывается Исхан Хаккин. – Но свое дело вспоминаю. Волнуюсь, как оно там? Ведь все уже, наверное...

– Там все в ажуре, Исхан. Буквально намерднi, в выходные проверял, – Хайруллах-бей подмигивает.

Исхан Хаккин сбит с толку. Если «все в ажуре», тогда ка-

кого шайтана...

– Это хорошо, – говорит он, улыбаясь прямо-таки лучезарно.

– Так что в армии нравится, да? – встречно маскирует улыбку в длинных усах генерал. – Я рад. А то все же волновался. Ведь это я тебя сюда направил, Исхан Хаккин.

Исхан пытается переварить информацию. Получается плохо – наличествует несварение.

* * *

...Еще, понятно всем наверняка,
Что истребители по небу не летали,
А сверху не висел командный пункт,
С дисплеями, оседланный тарелкой
Локатора загоризонтной РЛС.
Все чисто наверху, вот только
Стрелы – собаки подлые,
Пока идет вдали, в вершине,
В переломной крутизне,
Как будто наблюдаема вполне
И даже медленна – а здесь, вблизи,
Серпом срубает жизнь, хотя не сразу,
Вначале, режет насквозь
Тот панцирный доспех,
Хваленый сотню раз когда-то раньше,

Вдалеке натурального хозяйства
И мирного труда...

22. Формула Циолковского и боевые роботы

В Читинском «учебном центре» подвела все-таки техника. Ага! – потрут шаловливые ручки поборники демократических ценностей антирусского окраса. Вот не дано «homo soveticusu» делать качественную технику, просто генетически не дано. То ли дело на Западе, что ни ракета, то «цаца». А расквартированному в середине Азии Ваньке – ему только сосны рубить, да и то, опять же умудрится срубить неаккуратно, со щепками. То ли дело лесоруб Североамериканских Штатов – любо-дорого смотреть, как топориком машет, ни одной зубочистки дровинушек мимо кармана не уронит, и сам топорик у него блестит, переливается, потому что трудится в условиях свободного предпринимательства, не отягощенного никаким планированием.

Однако на полигоне под Читой техника подвела как раз из-за крайне высокой надежности. Ну и еще оттого, что формула Константина Циолковского действует одинаково непреклонно как в присутствии, так и в полном отсутствии рыночной экономики. Допустим, если ракетная техника внезапно теряет обтекаемость, то тут же гасится скорость, и есть тяга или нет, но нормального управляемого полета более никак не выйдет. Но в мире присутствует еще и закон сохране-

ния массы и энергии. Вот все это в совокупности и действует, когда два быстро летящих предмета – мишень-ракета и пушенная в нее ракета-перехватчик входят во взаимное сближение. Нет, подло напиханные в нутро устройства не дают им по настоящему совокупиться и обняться до смерти. Радио-взрыватель разрывает перехватчик на части, так что в цель барабанят уже только загодя наструганные поражающие элементы, а также конструктивные сегменты ракетного планера. Сама ракета-мишень заблаговременно лишена основной части собственного БЧ, предусмотрительно подмененного свинцовыми плитами, дабы не нарушать остойчивость и просчитанные аэродинамические параметры, так что поддержать действие своим собственным салютом не способна. Ну разве что где-то в корпусе осталось килограммчика два динамита, для осуществления самоликвидации. Это на случай, если не одна из посланных на перехват ракет не поразит цель. Такое бывает, а то, как бы в войсках проводились селекционные работы по отбору самых удачливо-везучих командиров батарей?

Так вот, когда это короткое светопредставление завершается, где-то в высоте над тайгой внезапно образуется очень много неухоженного, гнutoго алюминия. То, что он в раскаленном состоянии значения не имеет, ибо в процессе дальнейшего движения сквозь воздух в дело включается термодинамика, то есть устанавливается некая равновесность температур. К тому же одновременно, в случае применения

твердотопливных движков, сверху осыпается большое количество невзорвавшихся частиц пороха. А при жидкостном ракетном толкателе с небес плещет топливо с окислителем, причем порой целыми тоннами. Однако покуда все эти детские чудеса имитации планетарных столкновений происходили в высотах приличных, ибо вообще-то из добытых разведкой наставлений следовало, что подлые империалисты тоже ведают о законах сохранения, формулах великого калужанина и прочем. Так что их реактивные, ядерные носители должны, в случае наступления часа «Ч», двигаться на больших высотах, пользуясь разряженностью тамошнего воздуха, а так же надеясь запускать свои «СРЭМ-ы» с наиболее удобной, богоподобной позиции. Но в какой-то момент, подлый враг, наблюдая со спутников, а так же слушая доклады неустойчивых элементов, купленных за обернутые целлофаном брезентовые штаны, узнал о достижениях читинских чудо-сибиряков на почве боевой выучки прибывающих частей.

И тогда буржуйские конструкторы изобрели принципиально новую штуковину – ALKM. Эта воздушная тварь обязалась по инструкции летать низко-низко, иногда даже ниже сосен, над спокойным половодьем российских рек. И потому, стремясь держать боеготовность воздушного щита на прежнем уровне, в программы ракетных мишеней ввели новые алгоритмы, имитирующие эти самые натовские ALKM-ы и прочие разновидности летающей дряни. Как следствие, теперь цели и перехватчики встречались друг с дружкой над

самыми верхушками сосен. И что же теперь? А то, что с этого момента выплескивающаяся горючка, раскаленный металл и порох начали вызывать в окружающей местности экологические бедствия – пожары. И что же следовало, из-за елочек и белок прекратить весенне-летние тренировки расчетов? Уж извинтите, но лучше пусть в пламени гибнут ёжики, ягоды и грибы. Двадцатикилометровый ядерный гриб над населенным мегаполисом гораздо худшее зрелище. К тому же, после запускается термодинамическая карусель огненного смерча. Читинские чудеса в сравнении с ним, просто спичечные фокусы.

Так что надежность созданной советскими инженерами техники работала теперь не только против американского военно-промышленного комплекса, но и против родимой природы. Это конечно раздражало, но поскольку ставки слишком велики, то вполне так терпелось, да и тайга достаточно протяженная штука, и разве что космонавты способны объять ее в иллюминаторе целиком.

Но беды, как известно, ходят гуськом. Однажды сверхнадежность социалистической техники сработала против людей. В процессе плановый учений некая N-ская в/ч поразила особую цель-имитатор. Данная цель-имитатор отличалась от простых ракетных болванок тем, что представляла из себя как бы маленький самолет, и потому могла управляться с земли посредством радиокомандной методики. Поскольку после подрыва зенитной начинки, с целью-имитатором

по прозвищу «ЛА-жка» связь полностью потерялось, то был сделан вывод о поражении. Локаторы выключились, и, по случаю попадания, в кружки плеснуло не положенные официально, но требуемые психике фронтовые сто-двести и более грамм.

Однако явно превосходящая всяческие натовские стандарты живучести «ЛА», потеряв связь с землей-мамой, приобрела кошмарную жутковатость ожившей куклы-марионетки. Может, посредством неведомого пространно-временного континуума с ней связались империалистические роботы из «грядущего далёко» однополярного мира? Может быть. Но только от встряски произведенного рядом зенитного подрыва, в самолете-мишени отключился самоликвидатор и теперь ее срок жизни обусловил только запас сохранившегося в баках топлива. Этот запас был достаточно велик. Самое главное, чудесно управляемый сам собою летательный аппарат совершил маневр-разворот, прочь от опасной территории полигона, и отправился в самостоятельное путешествие над соснами.

* * *

...Так вот,
Для полной имитации в бумаге,
Достаточно немного наклонить, тот стол,

На коем затаилась
Та схема боя. Персы лезут вверх,
Точнее движутся, подъем не слишком крут.
Но то пехота – медленный кулак.
Его задача мазать по стене
И в сопли растирать размокший уголь —
Жалкие остатки
Кремня, алмазную крупу
Фаланги греков. А катализатор?
Тот самый, что обязан разложить
там, наверху стоящую преграду из человек.
Да, он впереди —
Гарцуют на конях стрелки —
Непобедимая армада...

23. Большой бизнес-план

Кондиционер включен в машине явно не только для комфорта. Это аппарат глушение по звуковому каналу. Сопровождающие Хайруллах-бея лица стоят спиной к дверям, но они наверняка обернутся, если Исхан Хаккин примется сейчас убивать генерала. Голыми руками он ничего не успеет. Хайруллах-бей явно об этом знает, а потому продолжает вещать спокойно и размеренно.

– Ты, наверное думаешь, Исхан, зачем такой-сякой генерал, которого я всегда за деньги, но, мне почему-то кажется, с душой, ранее обслуживал, сделал такую гадость? – Звания генерал-лейтенант в турецкой пехоте за просто так явно не присваивают: Хайруллах-бей читает мысли с листа. – Но твой мозг зашорен, Исхан, ой зашорен. Кстати, учти, официально мы с тобой тут не виделись. Мы вообще никогда не виделись. Будешь трюнькать языком, и правда прослужишь весь срок, да еще не здесь, а где похуже. В патрулирование прокурдских территорий жаждешь? Вот то ж! Так усек, что мы не виделись?

– Так точно, Хайруллах-бей, – Исхан уже почти взял себя в руки.

– И значит, я о зашоренности. Ты вот думаешь, из-за узости обзора, что все как всегда было, так всегда и будет длиться вперед? Ошибаешься, Исхан. Во-первых, жизнь не стоит

на месте – глобально меняется. А во-вторых, есть кое-какие вещи не плавающие на поверхности. Кое-где прогнозирует будущее, и оно, поверь, очень непохоже на нынешнее настоящее.

Исхан Хаккин слушает в пол уха. Ладно, генерал напускает тумана – почему бы имея свободные уши не пофилософствовать. Непонятно другое – зачем? По крайней мере, если во всем плохом ковырять до чего-то хорошего, то сейчас выковыряны две вещи: скорее всего, Исхана здесь не закопают и, может даже, не поколотят, а во-вторых, совершенно негаданно, удалось узнать, кто виновен в случившемся повороте судьбы.

– Так вот, Исхан Хаккин, если не будешь дураком и соплей, то все мелочи текущей действительности, вполне так, выдержишь. После ты поможешь мне, а я помогу тебе. – Исхан спешно выныривает из посторонних грез – он чуть не убаюкался под гудение «кондишина» и лекцию генерала – концентрирует внимание. – Кроме того, Исхан, хотя тебе на это наплевать, но мы с тобой поможем Родине. Понимаешь о чем я? Ни шайтана не понимаешь? Сейчас поясню. Ты у нас кто по профессии, да и призванию, Исхан, а?

Исхан Хаккин спешно думает, как бы такое сформулировать: «маэстро сервисных услуг», «мелкий бизнесмен сферы развлечений», «организатор...»... Перебрать все вариации не получается, генеральский мозг работает быстрее, без всяких простальзываний-экивоков.

– Ты у нас сутенер, Исхан, правильно? Возражений нет? Вот и исходим из такого расклада. Однако именно в таком качестве ты мне и нужен. Скажешь, редкая профессия? Таких спецов Стамбул полон доверху. Однако у меня к тебе личная симпатия, да и хочу я тебе сполна оплатить за дополнительный сервис. Не всякий умеет как ты.

– Спасибо, Хайруллах-бей, за оценку моих скромных... – кивает Исхан потому что сейчас так надо.

– Не стоит пока, оставь на грядущее, – отмахивается генерал. – Так вот, таких как ты много, но я выбрал тебя. Будешь на главной роли. Твой бизнес, который сейчас как бы накрылся – то были сущие мелочи, по сравнению с тем, что я тебе предложу. Но, конечно учти, моя доля будет по более твоей, так уж распорядился Аллах. – Исхан Хаккин наводит уши – речь, вроде бы, и правда, пошла о бизнесе. – Вот представь себе не десяток-другой девиц, как у тебя было до этого, а, допустим, тысячу, или даже десять тысяч? Да что там десять, бери двадцать, тридцать? Масштаб чувствуешь? Конечно, это, считай, целая индустрия. Но меня мало интересует ежедневная мышинная возня. Я хочу хапнуть – грубоватое слово, но пойдет – сразу и всё. Мы просто перепродадим всю эту кагалу. Конечно, тебе как любителя-специалиста, может, интересует и постоянный бизнес. Это, пожалуйста. Оставишь себе сотенку, а то и две. Это мелочи, потом обсудим. Теперь учти, все эти девочки будут в самом соку и к тому же белые, да и не целованные, наверное, в большин-

стве. Как перспективки?

Исхан несколько ошарашен. У генерала приступ легкого помешательства на почве... Однако вести себя следует осторожно. Он аккуратно, как марсоход в чужом мире, с удаленными на сто миллионов километров техниками, зондирует грунт:

– А кто же сделает такие поставки, господин генерал? Вы наладили связи с московской мафией? Может, они преувеличивают? Десять тысяч – это... За какой срок? Пять-семь лет?

– Каких «пять-семь лет», дорогуша Исхан? – генерал распаляется, почти подпрыгивает в своем кресле. – Сразу! Понимаешь, сразу?! И никаких посредников, дорогой Исхан. Мы сами будем делать поставки. Мы сами будем брать и поставлять. Причем сразу, за несколько дней всю партию. Может, потом даже еще. Но не будем загадывать чрезмерно. – Хайруллах-бей вытягивает руку и почти любовно треплет Исхана за плечо. – Теперь, Исхан Хаккин, ты спросишь, а кто купит всю эту партию? И я тебе такое сейчас поясню. Ты вообще новостями в стране интересуешься хоть чуть-чуть? Ты о катастрофе в заливе Анталья слыхивал? Так вот, турецкий бизнес всего южного побережья нашей милой Турции на мели. А ты ведаешь, сколько всего для туристов там настроили только за прошедший год? Сколько туда вложили средств? Да банкиры некоторые скоро начнут кидаться в окна. Они все банкроты, все кто поставил на туризм! Теперь понял?

Если мы предложим им десять тысяч молодых белых женщин, то... Они заплатят любые суммы, – генерал Хайруллах совсем распаляется, совершенно внезапно он начинает хохотать, причем, хохотать так, что охранник, отгороженный бронированным стеклом, оборачивается и смотрит, все ли в порядке с начальством. – Так вот, мальчик мой. Кроме всего прочего этим мы еще и спасаем Родину. Ясно? Мы спасаем всю туристскую индустрию. Любители голых попок кинутся сюда со всего мира, так ведь? (Ты ведь и сам бы кинулся, если бы был с большими деньгами, так? Я уж тебя знаю, баловник-затейник Исхан). Подумаешь, какие-нибудь аквапарки покуда по-пустуют. А может, и не по-пустуют? Старые дяденьки у которых уже... Они там со своими девочками на водных горках покатаются, правильно? Короче, согласен участвовать в таком бизнесе, Исхан Хаккин? Или поедешь к курдам, а? – генерал все еще похохатывает.

– Конечно. Буду донельзя признателен, – лепечет Исхан, но сам чувствует – выглядит это не слишком бодро. Он находитесь, и вставляет вопрос по делу: – Послушайте, уважаемый Хайруллах-бей, а где мы возьмем всех этих девочек?

– А вот это, Исхан, покуда секрет. Большой, толстый секрет. О нем ни-ни, – грозит пальчиком генерал Хайруллах. – Но чтобы добраться до этих девочек, Исхан, тебе требуется сейчас быть в армии. Такое понятно? Пока служи, не нарушай серьезно дисциплину. Не чеши языком, кто ты есть, и в чем твое призвание. Сопи в две дырочки, учи «Ме-шестна-

дцать» и прочее. Никому не тренькай, что я, генерал-лейтенант Хайрулах-паша, твой протееже. Чуток потерпи. Скоро, очень скоро, застучит наш барабан, и труба нас с тобой позовет.

* * *

...И прямо с седел,
Сидя и на вскид метают...
Нет, не только стрелы,
И дротики, и даже каменюки,
В пращу запихнутые верною рукой.
Хотя здесь риск – ведь греки в высоте,
А значит сила тяжести за греков,
К тому ж, ногами на земле удобней
Метать копье, и более того – земля своя.
Нет, мистики здесь нет —
В альтернативе дело, вот смотрите:
Земля своя, к тому же небольшая,
Для отступления маневра вроде нет,
И вот стоим, куда еще деваться?
Нам быть или не быть?...

24. Полигонные несчастья

Быть может, эта самая «ЛА-жка» после воздушного удара и пырнувших ее осколков получила некоторое сотрясение ума? и теперь решила проверить состояние ПВО Союза ССР по-настоящему? Очень похоже на то. Или после пережитого катаклизма она настолько вошла в роль имитатора, что полностью перевоплотилась во вражескую ALKM? Вот эта версия еще более вероятна, ибо самолет-мишень отравилась прямым не куда-нибудь в пространство большой дружелюбной, но малонаселенной Монголии, и не в еще более большое, но враждебное, и к тому же густо заселенное, пространство Китайской Народной Республики. Она двинулась к самой важной и масштабной цели находящейся в ее «зоне поражения», то есть, возможностей бортовой энергосистемы. Она полетела в столицу области – город Читу.

Естественно, там никто не ожидал ее прибытия. Даже в далеком «учебном центре» о ней давно уж забыли, ибо шла она с дозвуковой скоростью, и с момента ее предполагаемого уничтожения миновало более часа. Время было предутреннее, ибо ученья длились ночь напролет, и именно их апофеозом явился запуск ракет. Теперь удачливые приезжие стрелки-отличники в номинации «рядовой-сержант» завалились баиньки без задних ног, а в номинации «прапорщики-офицеры» уже распечатывали третью флягу с чем-то веселым.

Лишь смочившие усы учителя-инструкторы все еще работали. Они уже сдали в проявку опечатанные контейнеры с фото-контролем, а теперь получив под расписку пленки обратно, смотрели фильмоскопные слайды, изучая на какой-секунде кто, где и как сделал что-то правильно или неправильно, то есть, в соответствии или не в соответствии с ритуалом боевой работы.

Утро было уже в разгаре. Советский Союз терпеть не мог разгильдяйства и тунеядства, так что все взрослое население уже входило в рабочие помещения, студенты усаживались в аудитории, детвора побольше вставала при входе учителя, а совсем малышня в детских садиках и яслях уже получала манную кашку. Именно на один из таких садиков и спланировал имитатор натовского бомбоносителя.

В нем почти не имелось взрывчатки, разве что в несработавшем самоликвидаторе, совсем не осталось топлива, ибо последние двадцать километров он тянул чисто за счет аэродинамики конструкции, и сам он весил не так уж много. Но он двигался гораздо быстрее, чем любой автомобиль, а инерция за счет спуска сверху оказалась просто чудовищной. К тому же, он попал очень точно, как во времени – часом ранее он бы разбомбил только стульчики и расписанные шкафчики, – так и по месту – именно в помещение, в котором происходил приём пищи. Впрочем, пострадали и все соседние – самолет-мишень развалил треть здания. Похоже, садистские школьные анекдотики и купретики тех времен имели под со-

бой некую реальную основу. Ибо в этой части изделия архитектуры не выжил никто.

Данное происшествие поставило читинский «учебный центр» в очень неловкое положение. Понятно, кого-то сняли – как же иначе? Но ведь по большому счету, виноваты были не люди и даже не полумразумное железо. Само место было оказывается не слишком удачно – для дела имитации войны даже данная таежная глушь оказалась слишком плотно заселена. И наверное теория вероятности тоже приложила шаловливую, невидимую руку. Ведь никто не знает, сколько всяческих самоходных мишеней за эти годы тоже не ликвидировались, а продолжили полет. Просто падали они где-то в безлюдье леса. Но кто бы мог их там разыскать? Для этого потребовалась бы не одна и не две дивизии полевых разведчиков.

В общем, для полигона требовалась какая-то более гладкая местность, причем, совершенно без лесов и главное – городов. И таковая на территории страны, имеющей в распоряжении двадцать два миллиона квадратных километров, нашлась.

* * *

...Ну, вот чужак...

Он сразу инициативу захватил,

Ввязался в бой, но если в самом деле,
Невероятное, и что-то вдруг не так?
Но кто ж ему мешает? Развернуть
Расклад по новой,
Плюнуть на тот план, что черт попутал,
Взять другую папку и вскрыть пакет?
По-моему, никто.
Агрессор в преимуществе всегда:
Один шажок вперед, вдруг скрипнула доска,
Два шага в тыл, а можно и все три —
И снова ждем удачного пасьянса
Или команды сверху от того,
Кто там, на коврике в огромном кабинете,
Советуется с богом, иль жрецом...

25. Курортники

Его и еще нескольких командос забросили на эту территорию за полгода до дня «Ч». Правда, в первые месяцы никто из них и понятия не имел для чего, по большому счету, это сделано. Наверное, с точки зрения командования, так было правильнее. В самом деле, даже в генералитете на момент заброски не все ведали, на когда точно спланирована операция. За такой срок могло случиться вообще все что угодно. Вплоть до смены политического вектора, если уж на то пошло. В конце-концов, на тот момент, его страна еще даже не вышла из НАТО. Вдруг бы с этим процессом случился какой-то казус? И что тогда, объявлять войну как представитель блока, то есть, по сути, от имени блока? За такое, очень серьезные дяди могли надавать по шапке. Ну и самое главное. Весьма опасно выкладывать будущие планы людям, забрасываемым в тыл потенциального противника. Мало ли что может случиться за полугодие. Человек – животное с гибкой психикой, за такой промежуток времени его можно не только просто перевербовать, а перевербовать даже в идейном смысле.

Реджеба Хатади за это время никто перевербовывать не пытался. А вот, один из членов группы, некто Айшен, тот как-то потихонечку сползал к космополитизму. По крайней мере, когда Хатади далеко не в первый раз уловил в его

разглагольствований фразы типа: «А чего, здесь в Донецке вполне-таки неплохо. Я б вообще тут остался. Окрутил бы тут какую-нибудь красотку – если по серьезному, с окольцовкой, то проблем тут вообще никаких нет, даже с шестнадцатилетками – наплодил бы детишек, подал бы на гражданство, а там... Земля тут оценена не так уж и дорого. Калым здесь платить не надо – того, что накопил раньше, более чем хватит. Построю дом...». Хатади сообщил в центр, что «брат» Айшен ненадежен. Он быстро исчез. Поскольку он ничего о будущей миссии не знал, то, возможно, на родине его даже не выгнали из армии – было бы глупо терять над ним контроль. Так что вполне может быть, он сейчас прозябает где-нибудь в погранотряде на границе с курдами. Ничего, он тут в Донецке вдоволь наотдыхался.

Нет, конечно, они не сидели тут без дела. Но то, чем они занимались, могло считаться курортом, сравнительно с периодом интенсивных тренировок. Правда, сама работа носила несколько унижительный характер. Для самоуспокоения Реджеб Хатади засчитывал ее как разведывательное прикрытие, тем более это полностью соответствовало реальности. А когда-никогда, с подобострастного разрешения начальника строительной бригады, тоже, естественно, турка, им разрешали на работу не ходить. Иногда такое продолжалось неделю и более. Само собой понятно, что Реджеб и другие из группы не валялись все это время на матрасах в строительных вагончиках. Они занимались делом. Изучали город и

окрестности. В этом не было ничего опасного. У них наличествовали все необходимые справки из милиции. К тому же, с любым работником правопорядка в этой стране получалось запросто и полюбовно решить любые вопросы с помощью пятидесятидолларовой купюры. Но больших Реджеб с собой и не носил – это бы наоборот привлекло внимание. Полицейские – в местном просторечии – «менты» – могли бы заподозрить жареное. Конечно, где им было докумекать, что турецкий строитель Реджеб Хатади – лейтенант десанта, присланный сюда для серьезной миссии, а не только для наклейки обоев в коттеджах.

Так что группа проводила рекогносцировку спокойно и не торопясь. Это очень нравилось Хатади, никогда и нигде он не трудился так размеренно и вяло. Осматривались подходы к намеченным ранее целям: управлению внутренних дел, районным милицейским участкам, воинским частям, штабам и военкоматам. А так же, к зданиям администраций всяческого уровня. Выбирались самые удачные точки для снайперского, гранатометного, минометного и пушечного обстрела. Намечались другие объекты разнообразного свойства. Например, в каком месте центральной площади города разместить «Подавитель». Конечно и всевозможные другие площади, помимо имени Ленина, тоже осматривались. Ведь только дилетант может полностью полагаться на карту, тем более купленную в ларьке. Кстати, подобные карты тоже скупались. Кое-какие даже переправлялись на роди-

ну. Понятно, что есть всяческие «джи-пи-эс», спутниковый мониторинг и прочее, но лишняя информация разведке совершенно не мешает. Ну и еще в процессе всего этого дела, братья по службе совершенствовались в языке. Причем не только в русском, который в Донецке конечно же превалировал, да попросту и не имел альтернатив, но еще и в украинском. Кое-где в области он все-таки использовался. Так что подчиненные Реджеба Хатади без дела не сидели.

Конечно, с некоторой стороны, группа с подготовкой класса «альфа», от столь неспешного темпа жизни, где до жути серьезный для кого-то труд по навеске пластиковых потолков воспринимался как вид активного отдыха, могла в конце-концов заскучать. Как выразились бы истинные украинцы – «обрыдло», то есть, надоело. Может быть, именно поэтому однажды им поставили весьма нетривиальную задачу. Требовалось убить одного военного, полковника МВД. Чем-то он не угодил кому-то в далекой Турции. Возможно, он имел лишь потенциальную опасность. Для Реджеба Хатади эти мелочи значения не имели. Его интересовал исключительно процесс. Конечно, про себя Хатади отметил, что агентурная разведка в верхних эшелонах тоже не дремлет. Такая мысль веселила.

Им передали фотографии, место службы, адрес. Остальное стало делом техники. Задача была даже проще, чем могло показаться на первый взгляд. Тут не требовалось делать какое-то сложное похищение, с полным уничтожением

улик. Рекомендовалось совершить все наиболее грубым способом, дабы имитировать простое уголовное мероприятие. Мол, шёл полковник по жизни прямо, но, к прискорбию, однажды оказался не в том месте и не в то время. Если все сделать правдоподобно, то никто и не прикинет вариацию, чтобы было, если бы полковник N пошел вечером со службы не по этой, а по другой дорожке. Задание не представляло сложности еще и потому, что Реджеб Хатади уже знал нравы и классификацию большинства тутошней милиции. Он не думал, что военная прокуратура, или там, дознаватели, особо отличаются, в правильную сторону.

Полковник N получил несколько ударов обломком кирпича (с другой стройки, не с Реджеба), был ограблен, но документы не тронули. Нашли его только утром, да и то случайные прохожие, совсем не милиция-полиция. Все так и прошло, до жути пресно. Если по чести, то Реджеб Хатади волновался и оставался на стреме не более недели после операции. Затем его привычно глубокий, но короткий сон вошел в обычную норму.

А большая жирная Украина, между прочим награжденная природой самыми красивыми в мире женщинами в наибольшем количестве, также спокойно дрыхла, не обращая никакого внимания на роящихся вокруг нее насекомых, а так же на скопление тучек. Похоже, во сне она уже перенеслась в царство будущего несостоявшегося коммунизма, по крайней мере, в плане международного права и безопасности. Конеч-

но, это было ее личное демократически-либеральное дело — сонные грезы, никоим образом не связанные с реальностью.

* * *

...Однако план уже трещит по швам —
Они стоят. Щиты сомкнуты в ряд
И нет движенья, стоны не слышны,
Хотя ведь мрут наверное от ран?
Кулак пехоты подступает к цели
Пора б в бросок, разогнанный кулак,
К тому же облаченный в кружева
Кольчуг, щитов и прочего железа,
Совсем с ладонью сравнивать нельзя.
Однако чертов скат, пробежка на подъем
К тому ж, людей обвешанных железом,
При всей профессиональной прыти, будет
Не лучший выход — в положение пат...

26. Чудеса небесные и морские

Ракету «Даль» разрешалось возить по парадом на Красной площади. Пусть у военного атташе отвалится нижняя, как и положено, по-американски ухоженная челюсть. Если данный мистер угодил на должность не только за счет папаши миллионера и дядюшки в Конгрессе, примерная дальность полета и профиль использования изделия отпечатается у него в мозгу еще здесь же, в почетном первом ряду зрителей. Опытный кэгебист-физиогномик с биноклем отметит его реакцию и доложит вечерним рапортом. Он не уловит первопричину, или умно не проговорится о догадке, ибо в военных ведомствах СССР не стоит совать нос даже в соседний опечатанный кабинет, – о ней подумают те, кому следует. Используя дедукцию и материалистическое учение о классовой борьбе, вышестоящие стратеги контрразведки поймут, что атташе блеску заглотнул и сейчас строчит золотопёрой наливной ручкой срочное фельдъегерское послание в Лэнгли: «Подтверждено наличие у Советов противосамолетной ракеты сверхбольшой дальности, явно сравнимой с нашим „Бомарк-2“. В случае размещения ПВО-дивизионов этого типа на линии полярного круга план „Большое копьё“ становится абсолютно абстрактной бумажкой». Имеется в виду одновременная атака Империи Зла более чем тысячей стратегических бомбардировщиков единовременно.

Спрашивается, какого лешего хитрому, прикидывающемуся хмурым, с трудом читающим дураком и собирателем люкс-авто, дядюшке Брежневу выдавать потенциальному агрессору свои тайны? А вот именно потому! Не побьем, так хоть в штаны наложат. Ракета «Даль» – плечо очистки неба – четыреста километров – получила отставку при приеме на работу, по защите воздушных рубежей Непобедимого и Могучего. Слишком немобильна, слишком сложна требуемая инфраструктура. Где-где, а в ЦК КПСС денежки считать умеют. Но затраты на разработку надо как-то, пусть косвенно, окупить. Если заокеанские ястребы потратятся на конструкцию новых финтифлюшек оснастки на свои Б-52, это вполне адекватная поливка бальзама на душу. Однако главные конструкторы получили внушение, поерзали на ковре, заламывая шапку, и теперь снова закатали рукава в своих, чудом не отобранных институтах. Надо бы сделать что-то чуть меньшее, но тоже ничего.

И вот он, продукт неусыпных мыслей изобретателей, а так же их язв, геморроев, тиков, инсультов на взлете и прочих факторов выкашивающих поколение не хуже чем немецким MG-42 предыдущее. С-200 – «Ангара» – новый неразменный рубль противовоздушной обороны пятнадцати свободных республик. Не продается даже европейскому соцлагерю, хоть слюни у ручных министров-попрошайек, окончивших московские академии Генштаба с отличием, свисают до стоящей торчком шерсти самаркандского ковра в кабинете

маршала на Арбате. Всем стоять, бояться! Эта штуковина готова к гиперзвуковым войнам следующего века. Конвейер запущен, и две, или там четыре тысячи пусковых вскоре перекроют небо Союза. Товарищи ученые, доценты с кандидатами не зря лускают икру осетрины с самого большого озера планеты, запатентованного как внутренне море СССР. Это компенсирует их бессонницы и тики, а кому мало икры, качает спинные мышцы, сопротивляясь весу орденов навинченных на пиджаки спереди.

Да кстати, о море. Кто-то неграмотный тычет в карту и утверждает, будто с данным озером соприкасается еще и Иран. Наивный! Он не ведает, что когда с ракурса Астрахани в сторону Красноводска начинает разгон «Каспийский Монстр», боевые джонки всяческих падишахов гребут в ближайшую бухту и всем экипажем забредают в ближайшую чайхану, обкуриться опиумом с горя за унижение, ибо экспериментальный экраноплан – продукт недосыпания уже конструкторов другого – военно-морского – профиля – может случайно промахнуться мимо Красноводска, а разворачиваясь по большой дуге обратно, состричь мачты у всех рыболовецких флотилий в акватории Бендер-Шаха или Пехлеви. Да, он вообще-то и по берегу может. Он рулит по глади Каспийского озера столь стремительно, что застигнутый врасплох американский спутник-шпион не успевает регулировать фокус для четкой съемки. АНБ потом вечно приходится доплачивать «Диснею» за карандашную ретушь, дабы вы-

глядело пореалистичней и поубедительней; возможно у них контракт на постоянной основе – у мультипликаторов карманы ломятся.

И значит С-200. Дальность боя скромнее чему у «Дали», но 180 км отдай и не вякай. К тому же имеется перспектива, ЗРК создан с потенциалом генетического запаса. После «Ангары» следует марка «Вега». Здесь еще шестьдесят сверху. В плане дальности. По высоте поражения, тут своя сложная песня. Однако командиры эскадрильи «Чёрных дроздов» – SR-71 компании «Локхид» – теперь командированы в Японию, разыскивать выживших с войны камикадзе для комплектации экипажей. Конечно, есть альтернатива – снять с вооружения или хотя бы законсервировать до лучших времен. Это, до каких? Когда «двухсотку» расставят еще и в соцлагере, потеснив «Аваксы»? Нет, до следующих, когда ее все же начнут продавать друзьям-арабам, а там израильский Мосад умудрится слямзить что-то для разбора по винтику и выявления среди деталей ахиллесовой пяты. Техническая разведка США – АНБ – начисто продула пари конкуренту – Центральному развед-управлению. Те сработали без всяких десятиmillionнодолларовых спутников, просто распределяя стотысячные пачки по карманам кандидатов ЦК. Разумеется, мальчиков приходилось курировать с пеленочек (величайшее изобретение индустриальной культуры – памперс – еще не покинул стены своего КБ): заграничные туры, обмен талантливой молодежью, голубь мира – это же наш совместный

символ любви!

Однако эти нюансы выявятся после. Сейчас конструкторам надо найти удобное место, для доводки «двухсотки» до ума. Если запустить прямо тут же, в огороженном забором КБ... Но ведь только ускорители падают километра за четыре. Значит... Разворачиваем плоскость Меркатора...

* * *

...Однако раз пошла такая пьянка,
Как говорится, то кромсай к столу
Последний огурец. К тому же
Время – дикие века, воюют без резервов
И в лесу, поблизости, или допустим в нише,
Что под скалой, нет скрытого полка,
Все здесь на поле. Господи, футбол —
И тот хитрее будет. Дикари,
Или скорей наивные ребятки.
Нет тактики тотального удара,
Стратегия «двух с половиной войн»
Еще не родилась. И значит?
План до конца ведем, подходим ближе...

27. Простые шпионские дела

Между относительно сложными делами, имеющими определенную степень риска, случались задания весьма простые. Простые иногда подразумевали выезды по области, беглую рекогносцировку каких-то воинских частей, на предмет расположения КПП, а так же подходов и подъездов к ним с иных позиций. Лет за двадцать пять до того, за столь нездоровое любопытство, в этой же местности получилось бы запросто схлопотать десять лет строгого режима за шпионаж: страна, имеющая долгосрочные цели, не забывала себя защищать. Однако то нехорошее для шпионов и опасное для предателей тотальное прошлое кануло в историю. Еще бы нет, и в этой и в соседних странах-осколках шпионы и предатели встали у власти, так что первое, что они сделали, это обеспечили себе-подобным комфортные условия проживания. Ну что, в самом деле, могла в отношении Реджеба Хатади сделать нынешняя власть? Обратив внимание на его неславянскую наружность, его могли отозвать в сторону ребятишки в форме, или без таковой, но с какими-то ломинированными удостоверениями, и попросить продемонстрировать документ. Вообще-то по официально демократическим нормам местного законодательства, Реджеб Хатади мог бы просто возмутиться и ничего не показывать, ибо поскольку номинально он не нарушал никакого общественного порядка, то и останавли-

ливать его было незачем. А помимо, в этой вольготной для всяческого криминала стране, никто не вводил комендантских практик, и вольные как ветер местные граждане были совершенно не обязаны носить с собой паспорта. Именно в таком роде мог бы ответить представителям закона Реджеб Хатади и был бы номинально прав. Тем не менее, кроме словесного словоблудия конституционных бумажек, он прекрасно ведал реальное положение дел. Похоже, его мудрая страна, выбрала момент для тутошней операции идеально. Через несколько лет, пойдя все своим чередом, на здешней территории установится полицейская диктатура, и тогда деятельность групп, подобных группе Хатади, станет попросту невозможна.

Так вот, поскольку Реджеб Хатади имел дела с реальностью, то на всяческие обращения местных властей, он реагировал заискивающей улыбочкой, подобострастным извлечением на свет божий востребованных пропечатанных бумаг, а на уточняющий вопрос: «А что вы здесь, в Амвросьевке делаете, если трудитесь в Донецке?», он всегда с искусственно усиленным южно-кавказским акцентом – ибо смешная речь настраивает стражей правопорядка на веселый лад, а к тому же явно демонстрирует, кто из собеседников неопасный дурачок – разъяснял: «Понимаешь, уважаемый. Тут дэвушка-жэнщина. Полюбил, как увидел глазом. Может, жена будет. Не могу найти дом, ныкак не могу. Подскажи, дорогой-уважаемый!» И даже подсказывали. Особенно успешно,

когда из рук в руки переходила десятидолларовая бумажка. А порой, угадывая притязания полиции-милиции сходу, Реджеб Хатади и не доставал паспорт и прочее, дабы не засвечиваться зазря, а сразу вкладывал в жадную руку что требуется, и шел далее своей дорогой, краем глаза отмечая военное КПП, количество девиц перед ним и номер войсковой части, выведенный краской на воротах. В этой стране все получалось так запросто!

Прочие задачи были совсем смешные. Например, пройтись по институтским и училищным общагам. Определиться имеются ли среди них чисто женские, или хотя бы выявить какие этажи преимущественно для девиц. Отметить семейные, как понял Реджеб Хатади, именно на предмет малой заинтересованности оными со стороны родного заморского командования. Данное дело не представляло уже совершенно никакой сложности. Вольготной походкой он прохаживался по всем этажам, заглядывал в туалеты. Порой для этого приходилось выстоять очередь, причем нагло влезающие вперед юнцы уверенно заявляли, что мол «Петруха мне занял раньше». Способный переломать им шею ударом сдвоенных пальцев Хатади вяло и безразлично кивал, наконец, попадал в нужник, осматривал из окна (часто для этого приходилось вставать на подоконник, ибо окна до половины мазались белой краской) подходы к зданию, возвышение над местностью и торчащие напротив высотки: порой они тоже представляли из себя общаги, так что осмотр имел двойную функцию.

Естественно, иногда в размещенных по центру города, и еще, по странной случайности, не выкупленных большим бизнесом, студенческих жилищах наличествовали вахтерши. Тогда приходилось просто засовывать руку в карман и извлекать оттуда что-нибудь интересное. Как ни странно, но здесь, как раз долларовые бумажки могли сослужить плохую службу – насторожить и обозлить состарившихся вместе со своими обшарпанными стульями привратниц. Гораздо лучше срабатывала шоколадка среднего формата. Но кое-где, все равно приходилось способствовать круговороту долларов и гривен, видимо данные вахтерши уже прошли новейшую школу жизни, и были совершенно подготовлены переключать со своими стульями из охранников студенческого жилья, в охранительниц борделей. Реджеб Хатади прикидывал, что возможно в новых обстоятельствах, им даже не придется переезжать. В самом деле, неужели по приходу сюда турецкой армии, этому городу еще будут нужны какие-то студентки-филологи? А вот использовать их по другому, куда более утилитарному и древнему назначению представлялось вполне перспективным. Конечно, не будучи посвященным в точные планы командования, получалось строить какие угодно гипотезы. Но ведь Реджеб Хатади не любил болтать, а потому не обсуждал с подчиненными свои догадки, так что любые гипотезы и предположения оставались его внутренним, никому не ведомым делом.

...Но они стоят! Щиты сомкнув,
Надвинув шлемы туго, и копья —
Наконечники блестят, в отличие от глаз —
Те шурятся, в бессилии считают
Персидские рады, а может,
Молят Зевса,
Чтоб стрел поток отвел куда-то вдаль?
Помиловал пока, до честной бойни,
Что на мечях. Но может, что-то ждут?
Знамения или прихода Спарты?
Но глупость, времени
Действительно уж нет —
Пора кому-то начинать атаку:
Трусливый грек? Надежд на это нет
Штаны накакал полные, иль там —
Доспехи, ну,
Что тут, изобрели до, сей поры.
А перс? Но им бы подойти еще чуть-чуть,
Ведь горка все же, да и долго
Шли, до того...

28. Пустыни большие и поменьше

Если бы когда-то в сороковых Красная Армия все же упредила Германский Вермахт в нападении, то после завоевания Европы наверняка бы развернула свои триста дивизий в странствие на юг – в Африку и Азию. К прискорбию, надо констатировать, что обе Америки остались бы вне сферы великого танкового похода, по крайней мере, до нового образования Беринговой суши. Тем не менее, речь сейчас не о Новой Англии и прочих «канадах». Просто в результате Великого похода в состав социалистического мира однозначно угодила бы пустыня Сахара. На счет ее грядущего превращения в бананово-яблоневый оазис, после похорон века модерна, верится с трудом, ибо этими же яблонями планировали засадить и Марс тоже: «Не желаете ли яблочки марсианские, свежее-мороженные, породы Фобос? Пол кило – сто тысяч рубликов; сами понимаете, доставка покуда дороговата; марсианская целина, скафандры... но вот скоро...» Оставим детализацию фантастам и вернемся на родимую.

Со всей определенностью гарантирую, что на первом этапе, кроме семипалатинцев, Сахару отвоевали бы и ПВОшники тоже. Ибо... Ну сами посудите. Установив полигон по центру, удалось бы метать ракеты вкруговую, на любую дальность. Пожалуй, в серию пошел бы и отвергнутый когда-то ЗРК «Даль»: «Эх! королевство маловато – развернуться мне

негде!»

Однако согласимся, и обещанный Вермахтом Советский Союз был тоже не мал, и в нем получалось найти значительные участки местности не занятые воспламеняющейся тайгой и нужным совхозам чернозёмом. Упрощенный аналог Сахары... Да, Турменистан всем хорош, песка много, однако напрямую граничит вовсе не с социалистическим Ираном, на рассматриваемое время, вовсе даже враждебным и проанглийским. Испытывать вблизи него нечто по-настоящему новое... А вдруг, возьмет и улетит куда не надо? Была охота делать подарки империализму. К тому же и оттуда вовсе недалеко, попросту «случайно», удастся засылать всяческие U-2 и прочие гадости. Уж лучше... Все правильно, Казахская Советская Социалистическая – самое то. Да и простор здесь, простор!

* * *

...Однако в новый миг,
Там, в греческих рядах, что ждали стоя,
Команда разнеслась... И строй
Пошел, точнее, рванулся
Четкостью рядов.
Бросок по склону вниз, понятно дураку,
Имеет преимущество, к тому ж
Число у греков более. Читатель,

Не верь легендам сочиненным позже,
Дабы украсить явь,
Оливковыми круглыми венками
Нам застелить неясности и снизить
Потенциал правдивости на шаг,
Дабы не только грамотный в войне
Усек – величие свершившегося чуда...

29. Офицерские традиции далеких стран

Сказать, что у майора Забияки никогда не мелькали мысли по поводу заговора против существующей власти, стало бы явным обманом. К этому его обязывала не только фамилия, но сама принадлежность к офицерскому корпусу. Ну, кто не слышал как там-то и там-то – обычно в Африке и несколько реже в Центральной Америке – рано или поздно происходит армейский переворот? И совсем не «как правило», во главе этого маскарадного шоу стоит какой-нибудь генерал. Тоже диво! Генералы совершают перевороты даже у нас, вспомнить случай с Дудаевым, например. Гораздо интереснее, если пируэт с опрокидом власти делает никому доселе неизвестный капитанишка. Но вообще-то майор Забияка вовсе не страдал комплексом Наполеона. Так же не собирался он водружать на себя и королевские привилегии. В тутошнем климате королей отроду не водилось – судя по нынешним учебникам пластичной до ненаучности науки истории, на власть в здешней территориальной целостности могли претендовать только гетманы. Ни сам Николай Васильевич Забияка и никто из его не слишком далеко в прошлое отслеженных предков гетманами не значился. К тому же, командир инструкторской группы майор Забияка был вполне

адекватным реалистом и потому если когда и задумывался о перевороте, то не в виде реального планирования, а так, в качестве мечты. Ведь действительно, в настоящее время обстоятельства доставали любого нормального человека и без всяких гетманщины. А военные, как известно, отличаются от прочих «гражданских шпаков» только лишь возможностью иногда подержаться за настоящее оружие. Хотя разумеется, люди мало сведущие в военном деле, точнее, совершенно не сведущие, могут подумать, что применить оное оружие против чего-нибудь можно запросто. Конечно, нет ничего принципиально мешающего употребить, к примеру, пистолет. Да и то, нынешние големы госструктур давно списали отдельную человеческую особь из разряда здравомыслящих, разумных существ. Неких братьев по разуму ищут теперь только отдельные энтузиасты, да и то не с помощью телескопов – их им не доверяют – а посредством ковыряния в газетах, журналах. Так вот, просто так получить в руки оружие, у офицера еще и не выйдет. Надо, как минимум, заступить на дежурство, да и то, тебе выдадут лишь две положенные обоймы. Что серьезное можно сотворить пистолетом ПМ? Попугать попутчиков по судьбе, тянувших такую же офицерскую лямку? Или пристрелить особо непослушного солдата? Смысл? Убить кого-то действительно важного никак не выйдет. Для эксперимента, попробуй, доберись до президентского дворца. Тревогу поднимут раньше, чем ты покинешь родимое КПП. Может, тогда дело решит сверхнадеж-

ная штукавина – АКМ? Но в чем принципиальная разница? Прицельная дальность чуть выше, но если палить в автоматическом режиме, то патроны кончатся еще проворней чем у «Макарова».

Как на счет более серьезных и больших военных предметов? Однажды в Южном Вьетнаме, во времена той самой большой войны, один пилот этой же южно-вьетнамской армии зашел в пикировании на сайгонский дворец собственного же южно-вьетнамского президента. Причем заход получился весьма удачным – бомбами снесло половину здания, ибо «Фантом» весьма бомбо-подъемная машина: восемь тонн – за так. Но что толку? Правитель, как назло, оказался в другом крыле дворца. Теперь, судя по детективам, дворец, по крайней мере, американского демократического избранника прикрыт группировкой ПВО. Но ведь у майора Забияки не имелось даже самолета. И к тому же, чтобы он с ним делал, если бы странным образом таковой добыл? Это Шварценеггер летает на чем попало – в Голливуде все допустимо, а в реальности, для управления самолетом требуется все-таки быть летчиком. Правда, у майора Забияки наличествовали в распоряжение штукавины более быстрые, чем истребитель – изделия нормировки 5В28. Однако попробуй, употреби их в одиночестве.

Конечно, рассказывают, что мол когда-то, в доисторические времена Союза ССР, один скучающий часовой умудрился нечто таковое совершить. Пусковые установки зенит-

но-ракетных комплексов стоят обычно по окружности вокруг какой-нибудь кабины управления. Без команды питание на них не подается, и потому их вполне получается вертеть по азимуту вручную хоть куда. Вот тот, инкогнито прорвавшийся в офицерские байки, часовой и повертел их немного туда-сюда. Никаких измерительных приборов – панорам с визирами – у него не наличествовало, так что действовал он на глаз. Каждую последующую ракету, находящуюся в режиме отмены готовности в горизонтальном положении, он навел на соседнюю. Конечно, там имелись всяческие мешающие делу земляные обваловки, но все же они не прикрывали пусковую установку полностью, так что надежда на исполнение акции у злоумышленника тлела хорошим бикфордовым шнурком. Наверное, в недалеком еще детстве, этот вооруженный по случаю караульной службы юноша весьма любил расставлять костяшки домино особым образом. Тогда они выкристаллизовывают различные композиции, и когда толкнешь крайнюю, то происходит грандиозное зрелище цепной реакции, а как следствие возникает новый, теперь уже статичный узор. В этот раз костяшками у него служили боевые ракеты. Их, к его сожалению, в боевом дивизионе мирного времени располагающем шестью пусковыми установками наличествовало всего-то четыре штуки. Тем не менее, дабы замкнуть процесс накоротко, он навел все ракеты последовательно, паровозиком, минуя пустые ПУ. Затем он отошел на некоторую дистанцию, снял

предохранитель «Калашникова» и пальнул в твердотопливный ускоритель первой ракеты. Рассказывают, что по «принципу домино» ему удалось запустить три изделия из четырех. Наверное, врут.

Но все-таки конечно, использовать оружие как-нибудь попридурочному вполне-таки возможно. Однако какое отношение это имеет к государственному перевороту?

С другой стороны, командир инструкторской группы государственного, по нынешнему «дэжавного» – полигона – это не какой-нибудь солдат-срочник. Знаний и умений куда по более, а главное, в распоряжении не какой-то ПМ или АКМ, и даже не «сладкая парочка» – спаренная пусковая установка «Джигит». Номинально, во владении майора украинского ПВО находился ЗРК С-200Д – дальность действия более двухсот пятидесяти километров. Однако правительство Украины располагалось в Киеве, то есть гораздо дальше этой зоны поражения; причем, оно не парило в воздухе, разве что иногда. И значит, даже при желании, дабы таковое возникло всерьез, майор Николай Васильевич Забияка, все едино, не сумел бы произвести хоть что-то серьезное наличествующим у него оружием.

Даже обидно – понимаешь? – то ли дело на далекой демократической планете Тратай, на которой у президента на шее висит динамитный механизм, а у каждого гражданина наличествует кнопка, и если – понимаешь? – что-то где-то у нас порой, то...

...Ведь что дурак ответит коль ему
Расскажут правду
Через поколение, а то все три,
Иль даже девяносто?
А, греков больше было, скажет он,
Тогда понятно, где ж тут героизм —
Толпой громить всегда приятно, вроде,
И даже безопаснее, к тому ж,
В таких условиях и с форою – профан,
Любой, расправится легко
С любым противником,
А что там эти персы?
Ведь азиаты, дикости костяк, орда вандалов,
Что с них взять еще?
Кроме войны числом, а не уменьем?
Вандалов, знают все,
Прикончить надо кучей, причем большой,
В веках запечатлев свой подвиг золотом...

30. Трамбовка пустоты

Итак, берем в руки иголку и тычем в карту.

Пустыня? Пока нет, но преобразуем помаленьку. А покада только полупустыня – Бетпак-Дала. Вполне подходящее пространство даже для «двухсотого». Его штатное изделие 5B28 вспарывает тысячу метров этого пространства за секунду. А пространство, как известно, – основное богатство Казахстана. Вся прелесть его в том, что сколько не летай – никуда оно не девается: еще не наступили времена плача об озоновых дырах. Вообще Казахстан, в плане наземной плоскости натянутой на глобус Лобачевского изгиба Земли, представляет из себя проходно-непроходную территорию. Проходную, в том плане, что ее быстрее хочется преодолеть, дабы добраться хоть до чего-то путного, типа оазиса цивилизации. А непроходную, в плане того, что до возникновения железных дорог, и пройти-то ее было проблематично. С переделкой этого природного ковра полупустынь, окантованного, где горами, а где морями, в часть Советского Союза – Казахскую ССР, покада мало что изменилось. Разве что эти пустые емкости бескрайности начали набивать хотя бы чем-нибудь. Обычно тем, что быстрее попадется под руку. Теперь эта советская республика, еще не под завязку, но набита лагерями строгого и не строгого режима – дань далекому прошлому человечества – рабовладельческому строю, а так же поклоном бу-

душей экспансии homo sapiens-а в звездные дали – одним космодромом и одним ядерным полигоном. Тем не менее, бутыль вовсе не переполнен – пространства еще пруд пруди. Создание в Бетпак-Дала полигона ПВО – просто дополнительное радостное бульканье заливки чего-то нужного в нечто подвластное, но покуда ненужное.

Местные аборигены совсем не против. То, что их спрашивают, или не спрашивают, отношения к делу не имеет. Теперь скучными доселе ночами, в коих бестолково хорошо наблюдаемы только ненужные наземному кочевнику неизмеримо удаленные солнечные шары, получается за бесплатно рассматривать, как одни мечущие жар звезды сталкиваются с другими. Правда, собирать осколки звезд не разрешено. То привилегия людей в красивой зеленой одежде, а за нарушение вполне можно угодить в те самые, используемые в поклонении древности территории. Кроме того, от присутствия русских есть прямая выгода. Когда кое-кто из безмерно уважаемых баев-офицеров вырывается на день-два из своих изобильных сгущенным молоком, северными красавицами и прочим счастьем резерваций, что-нибудь из прелестей далекой евроцивилизации может перепасть и встречным погонщикам верблюдов. Допустим, пустая, но солидольно-энзэ-шная солдатская фляжка, или алюминиевая миска с нуля. Русско-советские командиры не шпрэхают на местном наречии, но зато свято почитают обычаи кочевников. Еще они обожают охотиться, и палят из АКМ-мов по сайгакам,

занесенным кем-то неграмотным, никогда не наблюдающим бесконечности стад вблизи, в Красную книгу. К жалости погонщиков боевых патронов им не вручают, но зато по безбрежности русской широты, могут отвалить мяса и плеснуть из фляжки обжигающе-преlestного напитка – спирта технического. Непонятно, почему расчувствовавшиеся офицеры жалуются, что в их полигонных государствах не продают обыкновенной пшеничной водки? Спирт гораздо круче, валит с ног в один миг, и к тому же – снова по слухам, и обрonnenным на обще-советском языке фразам – выдается офицерской братии за просто так. Эти русские военные – очень чудные люди, и вероятно больны склерозом. Палят в пустое небо бесценное – по совсем уже бредовым рассказам – стоящее миллионы рублей железо, напичканное количеством пороха достаточным для глушения абсолютно всей рыбы в Балхаше, затем носятся по степи, разыскивая разлетевшиеся на солидную площадь обломки, и выдирая из них некие сверхценные, совсекретные блоки: за кои, опять же по слухам, могут переместить на жительство даже не в казахстанские, а в совсем уж холодные калымские пансионаты. Как будто нельзя было аккуратно и без суеты вынуть нужное из железяки еще до того как отправить ее взрываться в верхотуре.

Смех с этими русскими. Бормочут у костра, растолковывают местным по складам, что готовятся отражать воздушные налеты каких-то американцев. Где эти американцы?

Бредят, что они даже на Луне. Совсем уж хохотно. Долетели туда на ракетах! Почти все верблюжьи пастухи в своей стадоводческой жизни натыкались на эти самые ракеты, еще до нахождения их офицерскими патрульными. Людей внутри не встречалось ни единожды. Тем более анекдотично – прямо московский журнал «Крокодил», что вроде бы на ракете они и вернулись назад. Как ту ракету после стыковки с Землей собрать? Тем более с Луной? Вон она – какая бугристая! Даже без офицерского бинокля получается рассмотреть.

Короче, со всех ракурсов жизненного предназначения, нет лучшего места на планете для ракетно-ПВО-шного полигона, чем родимый Советский Казахстан. Это с целиной прокололись, а с ракетными пусками мы первые парни в Солнечной системе. Где вы братья по коммунизму из прочих пространств Млечного Пути? Приезжайте сюда, популяем что-нибудь разом, назло антиподному империализму.

* * *

...Однако в том и суть,
Что здесь обратная картина
Волоколамского шоссе, точнее легенды,
Сочиненной, правда,
Уже теперь, в лихие времена
Фашистского нашествия в Союз
Республик, тех, что делят вечно,

До сей поры, наследство из бумаг,
А так же танков. Но,
Мы отвлеклись. Правдивая картина
Хоть вовсе доказать это нельзя,
Поскольку в шифрах генов человека нельзя читать,
То, что случилось там, под звон мечей,
А так же ломку копий,
Имела ракурс несколько иной...

31. Служебный долг

Оказывается наивность, привившаяся в доисторическом советском детстве, сохраняла твердые позиции вплоть до сегодняшней поры, ибо узнав о посадке в Крыму иностранных военных самолетов, майор Забияка в течение целого часа уверенно ожидал указаний от вышестоящего командования. Только по истечении этих самых шестидесяти минут, он наконец тряхнул головой, взбалтывая бурлящую там кашу, и покинув подземное убежище направился на территорию соседнего инструкторского филиала, к своему другу капитану Логачеву.

– Здравия желаю, Витя! – сказал он, вваливаясь в кабину наведения комплекса, после преодоления двух километров протоптанной через кустарник и дыры в колючей проволоке тропы.

– Ты чего гуляешь, Николай Васильевич? – спросил его Логачев. – А вдруг, тревогу объявят? Будешь на спринтера сдавать? Что не знаешь, что твори...

– Выйди сюда, дивизионный командующий, побеседуем, – кивнул ему Забияка и шагнул из кабины назад.

Офицеры спустились вниз по штатной приставной лесенке, затем по созданным хап-способом деревянным ступеням и наконец распахнули деревянную дверь, вписанную в самодельные ворота, а потом поднялись вверх по так же хап-спо-

собом сооруженным бетонным ступеням подземного убежища. Логачев достал сигареты, предложил Забияке. Оба не торопясь закурили.

– Значит, тревоги ждешь, Витя? – спросил командир инструкторской группы комплекса С-200Д.

– Ну, да, – не слишком уверенно отозвался командир инструкторской группы комплекса С-125. – Ведь сам понимаешь...

– Что понимаю-то?

– Но ведь говорят, что на аэродроме какие-то транспорты чужие. Да и вообще, я вот лично наблюдал, что-то летает.

– Ты что, станцию включал? – вскинулся Забияка.

– Нет, я визуально видел. Вот там, с северной стороны. Честно не понял, что за марка. Но явно истребитель, – объяснил Логачев.

– Хорошо, что не включался, – кивнул Забияка.

– А разве нель...

– «Восемнадцатую» тоже не включал?

– Приданные средства разведки? Нет! Там вчера Гильманов разобрал половину системы охлаждения. Представляешь, Коля, там пчелы... точнее, осы... устроили чудовищных размеров гнездо. Повылетало столько... Фильм ужасов.

– Понятненько, Виктор Степанович, не заботитесь о введенной правительством технике, да?

– Мне ее, между прочим, не нынешнее «господарство» вручало. Эти клоу...

– Короче, хорошо, что не включался, Витя, – Забияка бросил окурок и с силой вдавил его в почву. – Теперь слушай сюда. Болтать некогда. Думаю... И даже уверен, приказа о боевой готовности мы не дождемся.

– Да, а чего?

– Не прикидывайся совсем уж наивным, Витя. В верхах сплошное предательство. Связывался по телефону с Нартовым. Сказал, ничего не предпринимать, ждать указаний, продолжать плановые занятия. И особо подчеркну, никакой повышенной готовности не объявлять. Как тебе?

– Да я в курсе, он же это самое по «громкой» доводил.

– Знаю.

– Так чего тогда звонил?

– Да, не верилось как-то. А связи, между прочим, по «мобилям»-то и нет. Как думаешь, они на всей Украине ее задавили?

– Хрен ли ее там давить, Коля.

– А что уж совсем два пальца?

– Да не с каждым же телефоном возюкаться, правильно? Достаточно задавить станции. А может спутник отсечь, честно говоря, я до конца не в курсе как такое сделать.

– Ладно, это не по нашей части – стыковки «мобилок» восстанавливать. Давай лучше обсудим то, что по нашей.

– В смысле, Коля?

– Ты, правда, не врубаешься, или решил прикинуться современным призывником-дебилом, а, Витя? Тебе не идет, ты

хоть и военный-здоровенный, но...

– Чего кипятишься, а, пан майор? Чего не так?

– Слушай, Виктор, мы с тобой тертые калачи. Я тебе говорю, происходит какая-то хрень. Страну снова кидают.

– Разве впервой, Коля? Мы уж...

– В том-то и дело, что не впервой! – майор Забияка снова бросил окурок под ноги и нервно оглянулся вокруг. – Вот потому я и спрашиваю, сколько можно? Какова цель нашей службы в ПВО, а?

– Ну вот, ты в большом смысле, что ли...

– Ясная хрень, в большом! В нормальном! Так какова?

– Издеваешься над младшим по званию, да, майор Забияка? – прищурился командир инструкторской группы комплекса ближнего действия.

– Ладно, стесняешься вспомнить банальщину. Тогда я оглашу, – Забияка извлек новую сигарету.

– Чего-то ты частишь... – попытался поддеть Логачев, но тут же смолк под взглядом товарища.

– Не сбивай, – процедил Забияка втягивая дым. – Наша с тобой задача, Виктор Степанович, обеспечить мирное небо нашей Родины. Так?! Если какая-то сволота из в верхах стоящих кресел не жаждет выполнять свой долг, значит, придется нам справляться самим.

– В смысле, Коля? Ты что решил поднять бунт? Арестовать Нартова и...?

– Уймись, я что тебе – правосудие, особый отдел и прочее

в одном лице? Мы просто попытаемся выполнить свой долг.

– Но каким обра...

– Что значит «каким образом»? В нашем с тобой подчинении мощнейшая техника. У моего «С-двести-Д» дальность поражения двести пятьдесят пять километров, по крайней мере, по некоторым видам целей? Разве нет?

– Ну так, то у твоего? А вот у моего...

– Каждому фрукту свой месяц, Витя. Ты должен будешь прикрыть мои боевые порядки.

И тогда у капитана Логачева отвисла челюсть.

* * *

...Да, греков было больше изначально,
Однако конница у них наперечет,
И главное, в фаланге ополченцы,
А те, в кого они
Врезались под шумок визжащих стрел
Имели мастерство в войне по боле.
И значит, подвиг все же на лицо.
И он вот в том...
Когда... они стоят, под градом стрел
И умирают стоя, и на щите
И с верою в глазах, прищуренных
Чего-то ожидают...

32. Маленькие братья по оружию и забота о них

И все-таки большому, распростертому по Азии, Союзу ССР никак не получалось обойтись лишь двумя полигонами. И кстати, тут виновато не обилие незаселенной местности, а политика. Понимаете, в мире существует социализм двух видов. Это естественно, не принимая во внимания всяческие ревизионистские отклонения от правильного курса. Кои вообще-то социализмом вроде бы считаются, но как-то говорить о них в таком духе очень даже нехорошо. Короче, существует социализм для внешнего, а так же для внутреннего пользования. Что непонятно, неясно?

Наш родимый – внутри СССР и бережем мы его пуще глаза. Другой – внешний, Варшавского договора и прочий, тот тоже пуще глаза, но все же несколько не так прикрывая веко. Видите ли, в тутошние тоталитарные времена народ весьма практичен, ибо диктаторская пирамида наверху отягощает ответственностью, за принятие решений. Это в последующие, после-перестроечные времена милой сердцу деиндустриализации, как ступени к фермерству, все лучшее – хорошим, честным людям Запада. А тогда – несколько иначе. Оборонительный ресурс всегда конечен, потому самое новое, свежее – прежде всего себе. К тому же, когда оно тут, за

«железным занавесом», все как-то надежней, что не уплывет в чертежах к добрым дядькам промышляющим на ниве разведки. А потому...

Все правильно, самая накрученная техника противоздушной обороны поначалу размещается в границах Союза. Дабы в случае большой, и весьма вероятной временами, заварухи иметь против воздушно-стратосферных агрессоров некоторые козыри. Вот пронесутся Б-52 с Б-1 и прочая нечисть над лесами-полями Польши и Чехословакии, умело уклоняясь от всяческих хорошо изученных ракетных комплексов поставляемых СССР по льготным ценам всем режимам заявившим о приверженности социализму, а тут, после границы, уже на подлете к распростертой цели Минска, или там Смоленска, по ним «бах!» – весело отработал новейший, плохо освоенный ЦРУ, комплекс С-200. А потому, вот вторичная причина, по которой на территории СССР требуется иметь еще и третий полигон, то бишь, учебный центр ЗРВ. Ибо в этой «учебке» будут проводить стрельбы настоящими ракетами воины дружественных социалистических стран. И даже не социалистических, но тоже дружественных – арабских.

И кстати, кроме всего прочего, где маленьким государствам Варшавского договора популять ракетами вволю? Там на каждом километре деревня. К тому же, вылетевшая из какой-нибудь Германской Демократической Республики головная часть может, чего доброго, спикировать куда-нибудь

в Федеративную Германию. И что тогда? Двинуть танки навстречу, одновременно прикидывая, в какой последовательности произвести обмен ядерными ударами? В плане, сразу всю серию, или растянуть удовольствие часа на два?

Ну что ж, лучше уж пожертвовать часть родной Российской Федерации для маленьких социалистических братьев. Тут тоже можно найти вполне эдакий Казахстан – чем Астраханская область хуже, собственно?

* * *

...Нет, не пришествия,
Христа ведь еще нет —
Он не родился, ну, а Зевс —
Божок игрушечный, всё занят ерундой,
Любовницы, нектар – вино богов,
Никак ему до смертных не добраться,
Не подсобить. Все некогда,
И Гера достает,
Уж развелись бы что ли? Так нельзя!
О горе с вами боги, и надежд
На вас уж нет, уж третий день стоим,
А вам – до лампочки... Придется полагаться
На местных, на начальство, что стоит
Вот тут же, рядом, под стрелой врага...

33. Аргументация

– Ты что, Коля, офонарел? – попытался усмехнуться Логачев.

– Считай, что офонарел, – кивнул Забияка, бросая под ноги недокуренные «Прилуки». – Ладно, торчим тут на виду. Не для курилки сей разговор. Пошли в кабину, там побеседуем в спокойствии.

– Ты что всерьез что ли? – снова спросил командир инструкторской группы дивизиона С-125, когда офицеры зашли в кабину УНК и задраили за собой дверь на большущий рычаг-рукоятку.

– А то нет, Витя.

– Но ведь под суд же? Трибунал, в смысле?

– Трибунал?! – по-настоящему артистично удивился командир «двухсотки». – Фигня-то какая, Виктор! Ты прикинь, что на нас настоящие бомбочки могут сыпанут.

– Тем более, Коля. Как же...

– Ты военный или как, Виктор Степанович? Ты для чего в армию шел?

– Ну...

– Ага, знаю. Хотел, наверное, как твой папа, быстренько дослужиться до пенсии, а там...

– Да где ж у нас быстренько-то получится, Николай? У нас же нет Крайнего Севера, ничего такого. Везде год за год.

– Но зато в покое, без метелей, мошк*и* и сырости. Тоже неплохое дело.

– Можно подумать, майор Забияка, ты сам готовился к настоящей войне.

– Не, не готовился, Витя. Ей богу не готовился. Если только так, краешком сознания. Мол, думал, там, горячие точки, то, сё...

– Ага, мы тут большая геополитическая держава. У нас по всей планете свои галицийские интересы.

– Точно, Витя. Не в то мы времечко угодили служить, ой, не в то. В СССР-е родиться-то успели, а вот служить никак.

– Да, уж развалился как-то до нашей активной жизненной фазы.

– Уж развалили, развалили. Помянем минуткой молчания, – закивал Забияка. – Но уж в следующий раз, сейчас не до того. Короче, Виктор Степанович, угодили мы с тобой в нехороший исторический период. В настоящую войну. Конечно, можно и отсидеться, чего там?

– Так, Коля, придержи «коньки». Я знаю, ты мастер убеждать. Теории МЛТ и прочее... Сами чего-то слыхивали. Но ты ведь предлагаешь сейчас совсем не войну, так?

– Естественно, Витя. Война против нас уже и так ведется. Я предлагаю не увиливать, а нанести ответный удар. Хоть один-то мы можем?

– Стоп! – вскинул руку Логачев. – Опять тему выкручиваешь. Война, как я понимаю, это когда приказ сверху. Ко-

гда родимое командование пришлет указание – «Дан приказ ему на запад» – а мы уж...

– Ну, дождешься от них...

– Погодь! Погодь, Николай Васильевич. Я говорю о нормальной войне. Есть такое словосочетание, а? Но ведь ты-то предлагаешь натуральную партизанщину, так? Понимаю, это в Крыму может и модно, но как-то... Хотя бы располагались мы ближе к катакомбам, что ли.

– Зачем нам катакомбы, Виктор? Мы что с тобой – специалисты-подрывники? У нас дело куда тоньше. Охранять небо! Из катакомб твоих никак такое не получится. Партизанщина, говоришь? Это вообще-то слово правильное. Не бандитизм все-таки. Так вот, по поводу. Что мы с тобой теряем-то? Постой, постой! Ну... Допустим, скромную пенсию. Это в перспективе, вообще-то. Ибо ты помнишь истории с несколькими общими знакомыми, когда ближе к пенсии по всякому выгнать пытались, лишь бы казну «ридной Батькивщины» охранить от оплаты двадцати годков служивого. И как бы нас с тобой, за сильно российский говор, тоже не турнули досрочно. Пока терпят, но как доблесть НАТО замельтешит по Крыму на законном основании, тогда может и придет время нас пнуть сапогом. Но... Да, погодь, погодь, Витя. Дай мысль доведу до пристани. Это я все о перспективах, кои могли проглядываться ранее, до сегодняшнего вторжения иноземцев. Сейчас-то перспективы вовсе другие вырисовываются. Вот, допустим, оккупировали нас тут втихую.

Ну, как сейчас. Спрашивается, если здесь чужие танки...

– А что, уже танки?

– Да не перебивай, Витя. Мне что тут с нашей крымской глуши виден весь полуостров? Совсем даже невиден. Может, где-то и танки уже есть. Кто собственно им мешает, если транспортники садятся за так? Короче, мысль! Если тут вокруг будет чужая армия – на хрена мы с тобой? Усек, нет? Идем дальше. Вариант «два». Вот это «чужацке» войско пришло, вдруг раз, и так же волшебным образом ушло. И...

– В смысле, Коля? Что-то я...

– Сейчас врубишься, горе ты мое недальнобойное! Вот ушли они. И тут начались разборки. Это сейчас пресса-СМИ наши пришиблены и растеряны. Что будет потом? Начнут копать. И вот скажут: «А где, понимаешь, „ховалысь“ наши доблестные воины, когда тут распоряжались чужие?» Чем будем крыть, дорогой мой капитан? «Приказа не получили»? Смешись! Тебе скажут: «А разве у вас не имелось собственных глаз и ушей с мозгами?». И будут правы, между прочим. И что мы будем бляеть? И вот тогда, «дружэ мий», еще будет очень хорошо, что выпрут меня и тебя только лишь без пенсии, а не посадят в кутузку, ибо в верхах сидящие, те всегда отвернутся, или в «роднэсэнкы» Штаты сбегут – у них «грошей» хватит – а вот мы будем отдуваться. Уж в форме точно, в населенные пункты, соваться будут только мазохисты. Дело даже не в том, что стыдно станет погоном сверкать, так ведь просто побьют пребольно какие-нибудь молодчики.

И будут, опять же, по-своему, правы. Такие, брат, дела. Ну что, убедил – нет? Согласен сбивать «барражёра»?

* * *

...Обычно тем, кто хлеб солдатский ест,
Иль кашу, ну а может быть оливки
По боле верят, нежели нектар
Без меры пьющим, даже на Олимпе.
Так вот, поскольку веры нет
В богов, или точнее,
Она немного пошатнулась вниз,
Избыточный запас ушел сюда,
На землю грешную.
И вот, они стоят, щиты сомкнули
Ждут
Команды, взмаха,
Может быть, гудения
Трубы – нам не дано понять
Век микрофонов. Пройденный этап
Тот век. И *он* стоит,
Вот, правда, под щитом,
Что свита держит,
Все-таки стратег,
Куда же денешься?...

34. Опасное Чёрное море

Однако времена щедрого на полигоны пространства прошли. Даже большой семнадцатимиллионноквадратокилометровой (39 букв) России стало не сладко после отделения Казахстана, теперь требовалось изобретать не только замену Приозерску, но в перспективе и Байконуру. Как-то пронзающий будущее «новым мышлением» Миша Горбачев не заметил эдаких мелочей – скромный шалун-плутишка, долларовый побегун. Ну, а что говорить о несчастной, в тридцать раз меньшей по площади Самостийности? Ей-то где ракетами пулять? Или может отказаться от всего дальнобойного и пользоваться только всяческие «Шилки»? В условиях, когда истребитель-бомбардировщик может даже простую бомбу забросить километров на двадцать вдаль, данное решение будет идиотизмом переплывающим многое прочее. В частности отказ от атомного статуса и закрытие исправных блоков Чернобыльской АЭС. Так что место требовалось найти.

Единственным слабо заселенным пространством оказалось Чёрное море. Азовское не подошло – оно слишком маленькое, и к тому же там, рядом покуда располагается Россия. Не хватало еще нервировать умно оставшегося атомным соседа периодически залетающими на его территорию стабилизаторами и ускорителями. А Чёрное море широко. К тому

же там есть подаренный дядькой Никитой Крымский полуостров. С него, по идее, можно пулять почти в любую сторону. Но конечно, никак не стоит мешать мировому судоходству, везущему в Украину полные трюмы инвестиций. Так что отметим лишь некоторые секторы предназначенные для уничтожения целей. Видите, какие мы умные? Большой глупый СССР не додумался создать «учебный центр» прямо в курортном климате, не любил он людей, намеренно засылал подальше, во всяческую экзотику тайги и пустынь. А мы вот, демократическая держава, готовящаяся к вступлению в милую сердцу Европу, мы даже военнотружущих людей любим и уважаем. Пусть стреляют своими ракетами в синее море. Дельфинов-афалин от этого не убудет, и к тому же в больших глубинах, куда падут сброшенные ускорители и разорванные в клочья боевые части, расположена сероводородная зона – совершенно необитаемое пространство даже для рыб.

Тем не менее, оказалось, что советские маршалы были не совсем без мозгов. Однажды случилась катастрофа. Причем если в былые времена цензуры прессы и закрытости города Читы для иностранцев, случай с детским садиком остался локальным, быстро забытым инцидентом, то здесь ЧП тут же вышло на мировой уровень. Видите ли, как-то ни разу не случалось, чтобы над Казахстаном летали израильтяне. Наверное, даже МОСАД не планировал там разведывательно-диверсионные операции. А здесь, средь бела дня, чуть ли не посреди Чёрного моря, мирный аэрофлотовский рейс, ле-

тящий из Израиля, подвергся атаке тяжелой ракеты «двухсотого» комплекса. Тут был даже не какой-то капиталистический Б-52 с восемью моторами. Лайнер мгновенно потерял все свойства летающей машины и спикировал вниз, в тот самый сероводородный слой, начинающийся в ста пятидесяти метрах ниже уровня моря. Не выжил никто, ибо чудеса в реальном мире крайне редкое дело.

* * *

...Но все же, кое-кто, может решить,
Что в граде стрел не нужно находиться
Полковнику, тем паче генералу,
А маршалу уж вовсе незачем.
Однако мы уже тут говорили,
Воздушного командного поста
Здесь нет, а надо видеть всё
Поле боя – главную арену,
И дать команду вовремя, дабы
Опередить противника в секундах.
И он стоит, прищутив глаз в пространство,
Под стрелами врагов...
Кто это был? Вздохните облегченно —
История, соврав по мелочам
Или по-крупному, нам все же сохранила
Его фамилию —
Он звался Мильтиад...

35. Бунтари

– Значит так, братцы кролики, у нас тут нет времени устраивать проверки друг друга кровью, – майор Забияка прокашлялся. – Мы прикинули, сделали первичный отбор достойных на посвящение в задуманное. Если кто после нашего разговора побежит куда-то строчить рапортишку, или там, не мудрствуя лукаво, сразу позвонит куда следует – это останется исключительно на его совести. Потом ему же с этим жить-доживать и дослуживать. С другой стороны, без любого из сидящих тут ничего сделать и не получится, так что если кто свалит в сторону, то опять же, взятки гладки и затея сорвалась в самом зародыше. Тем не менее, обсудим состоявшуюся возможность вне вероятности выкидыша. Подождите с вопросами, ребята, давайте я договорю, объясню ситуацию.

– Как все уже догадались, на нашу милую Украину совершено вооруженное нападение. Средства массовой информации ничего толком не лепечут, похоже всю эту хваленая независимая пресса заткнулась в тряпочку. Думаю, методы наши, и наверное не слишком сложные. Все же можно предположить, что нападение совершено коалицией стран. Никакой официальной войны, понятное дело, не объявлялось, так что зачитать полный список не получится. Однако то, что на нас напали вовсе не «москалики», устроившие тут когда-то

«голодомор» и прочее – это и козе понятно. Ладно, не будем о политических моментах, это долго, и мы вообще тут техники, а не какие-то бездельники – политологи-культурологи. Тем не менее, и в любимом дем-правительстве и в штабах армии не собираются, похоже, предпринимать против агрессии абсолютно ничего. Кому-то может такое приятно наблюдать? Мне нет!

– И что рапорт дадим по команде? – спросил командир группы инструкторов технического дивизиона С-200 майор Родионов.

– Ой, не смейся, Александр Николаевич, – натянуто хохотнул Забияка. – Может, еще сочиним коллективное послание президенту нашему доблестному? – Теперь таким же манером хохотнули все присутствующие. – Короче! Никто нам не поможет, «не бог, не царь и не герой». Надо делать что-то самим.

– И что же мы можем совершить, Николай Васильевич? – сощурился Родионов. – Ты что забылся, что мы тут не нормальная войсковая часть, стоящая на дежурстве? Ты в курсе, сколько у нас изделий твоего комплекса?

– Конечно в курсе, Александр Николаевич, еще как в курсе. И кстати о войсковых частях. Ты, дорогой мой Николаевич, знаешь, что творится на боевых порядках действующих частей ПВО?

– А что там особенного творится? – насторожился Родионов. Его светлый чуб при этом вздыбился.

– Я, кстати, случайно узнал. С-300 около Севастополя в натуральном смысле оккупирован.

– Кем оккупирован-то? – спросил Родионов с некой явно чувствующейся неуверенностью.

– Скорее всего, империалистами, как я понимаю. Но в точности сказать не могу, а выяснять у нас нет никакого времени. Никто не гарантирует, что к нам самим в ближайшие часы не явятся какие-то оккупационные начальники. Что по-дождем, или, может, сами вызовем?

– Ладно, допустим, высшая власть решила сдать страну врагам, – сказал старший инструктор приемной системы кабины К-2 Землянский. – В конце концов, как сказано у Стругацких: «За серыми всегда приходят чёрные». Но что мы можем сделать в самом-то деле. Поднимем над позицией красный стяг?

– Вот как раз нет, Антон Сергеевич! – невесело огрызнулся майор Забияка, ибо старший лейтенант Землянский был его непосредственным подчиненным, и «подсидки» снизу он не ожидал. – Нам надо действовать как раз в тайне от всех. Нужно привести дивизионы в готовность и ударить по агрессору.

– Во-во, так я и думал, – кивнул старший лейтенант. – Неплохо было бы, если бы у нас и в самом деле в распоряжении имелся настоящий дивизион. Но у нас даже не кадрированный. Всего-то три пусковых. И кстати, сколько у нас там и правда-то ракет?

– У вас, на «двухсотке» – два изделия, – доложил Родино с четкой интонацией всезнающего инженера.

– Вот, две штуки, – констатировал Землянский. – Мне даже думалось, что больше. Что же мы сделаем? Расход даже по нормальной цели, с поддержкой ЦУ сверху и так далее, как раз две штуки. Ну, допустим, повезет – собьем мы один истребитель-бомбардировщик и...

– Вообще-то, наша прямая обязанность как ПВО-шников, Антон, как раз и заключается в этом самом «сбитии» этих самых истребителей-бомбардировщиков, – зло прокомментировал Забияка. – Даже если бы один сбили, то и тогда окупили наше старинное железо. Кроме того, в случае бомбардировщиков, считается возможный ущерб.

– Ну, вот еще, пан майор! Вы что же тут «носители» ожидаете? Если б носители, то с них бы все и началось. Разнесли бы уже...

– Ладно, Антон Сергеевич, хватит умничать – нету на это времени! – рубанул Забияка. – Тут нас в любой момент могут...

– Нет уж, дайте доскажу, Николай Васильевич, – повысил тон «старлей». – У нас тут неформальное собрание, как я понял, и надо многое взвесить. Так вот, про бомбардировщик, то я так, для иллюстрации. Ну а если свалим только какой-нибудь истребитель? Что толку-то? Вон их сколько...

– Ты все, Антон? – вперился в него Забияка. – А теперь слушай сюда. Я предлагаю завалить «барражёр». Ходит тут

один над Азовским морем, «П-восемнадцать» наблюдала его утром.

Все сидящие в кабинете вскинули головы на командира инструкторской группы С-200.

* * *

...Что было после? Знает каждый школьник,
Иль может, знал когда-то, а теперь
Не каждый, только медалист,
И тот не дутый денежным мешком.
Был бой – минуты – не часы
И фланговый напор
Отжал пехоту персов вглубь,
По центру – обратный был прорыв,
Здесь азиаты вклинились в нутро.
Однако, как уже мы говорили,
Они были наемники, за деньги
И призы любили воевать,
Когда же центр зажали,
И с двух сторон вонзили по копьё —
Приз как-то померк в голове солдат,
Точней сменился более насущным
Вопросом, постоянно
Отодвигаемым в конец главы...

36. Роковой промах

Привычки – штуки живучие. Рушатся государства, а они, привычки, живут. Так же и тут. Трупы пассажиров еще не объелись рыбами – что кстати естественно, вспоминая о сероводороде, – а министерство обороны демократической Самостийности попыталось, по примеру СССР, отмежеваться от трагедии. «Мы здесь, понимаете, ни причем. Ну, упал лайнер. Мало ли от чего они падают? Может, то террористы палестинские? Все ж в деле замешан Израиль, а не что-то спокойное. Да, у нас проводились ученья с плановыми стрельбами. Но ракетки у нас маленькие, малюсенькие – С-300, да С-125. Им никак в эдакие дали не добить. Так что исключено». Правда, на другой день всплыло, что в деле применялся и «двухсотый» тоже. Тут, для знающих, все стало на свои места. Конечно, после все свалили на «плохую советскую технику». У нас всегда валят на технику. В 41-м когда драпали от Гитлера, тоже были виноваты «устаревшие и несовершенные» советские танки. Враг вообще тогда имел «подавляюще превосходство в количестве и качестве». Ту брехню до сей поры не развеяли, слишком она въелась в мозги за десятилетия. А здесь-то нужно было соврать совсем-то чуть-чуть, главное в период полной гласности не пустить к микрофону настоящих специалистов, что вообще-то в условиях демократии и рынка задача отработанная. Конечно для солид-

ности, парочка марионеточных генералов в мундирах что-то там проблеяла с экранной плоскости, а глупые молодые журналюги им потыкали, покивали. На том и кончилось. А для либералистической прессы не существует большей радости, чем воткнуть шпилечку в былую мощь Союза, и так сказать косвенно восхвалить милый сердцу Запад.

Однако для любого ПВО-шника ясно, что времена полностью автономных боевых роботов еще не наступили, и значит, в данном случае имела место целая икебана причин приведших к печали последствий. Был ли ведущий стрельбу расчет полностью некомпетентен, сказать не получается. То, что его наказали под горячую руку, к сути дела отношения не имеет. Да, некоторая степень некомпетентности со стороны операторов обнаруживалась. Причем, проявилась она не только на уровне какого-то капитана, и даже командира дивизиона в чине где-то подполковника, но и на уровне автоматизированного КП, в коем должны были находиться, да и находились вообще-то, дядьки в званиях куда более высоких. По сути, боевой расчет и иже с ним проводил стрельбу в условиях неясной дальности до мишени. Видите ли, радиолокатор подсвета цели (РПЦ) в С-200 трудит свои клистроны без пауз, так что эманации его излучения идут в пространство непрерывно. Для определения дальности используется, так называемый, режим ФКМ. Тогда сигнал начинает изменяться в сложной последовательности скачков фазы. Однако основной режим работы все же МХИ – куда более

простое монохромное излучение. Наведение в этом режиме в некотором смысле надежнее. По крайней мере, начисто отсутствует момент перехода с того самого всегда начального МХИ в ФКМ, когда командир дивизиона командует: «Определить дальность до цели!». В этот самый миг и возможен срыв наведения. Это очень рискованно. В бою, само собой. Ну, а на полигоне? Здесь свои нюансы. Главное, в проводимых раз в два года реальных пусках, это угодить в цель. В таком случае оценка уже положительна. Вся прочая дребедень, это всего-то повышение балла дивизиону. Например, за сковыриванье с неба цели в режиме определения дальности добавляют несколько сотых балла. Извините, но такие тонкости могут волновать только при смотринах танцев на льду. Настоящий командир ракетного комплекса никогда не рискнет военной судьбой расчета ради этих несчастных сотых. Пропустить цель на полигоне – это позорище на всю офицерскую карьеру.

Получается, во всем виноваты неумные инструкции по стрельбе? А подать сюда, на плаху, палача с топориком, а теперь и этих институтских академиков! Извините, но они тоже не виноваты. Они разработали наставление по стрельбе для ведения боя. Или им требовалось делать двойную бухгалтерию? То есть, одно наставление для воздушной войны с империализмом, а другое для полигоновской показухи? Так что ли? Но где же тогда «учиться военному делу настоящим образом»? В конце-концов потом, когда внезапно подскочит

к границам «Большое копье», как в запарке разобраться, по какой методике колотить эти самые Б-1, о тридцати шести бое-головах?

Так что виновных как бы и нет? Да, их вообще-то официально, как бы не существует, но, по сути, они наличествуют. Все бы стало простительно, если б данный полигоновский «двухсотый» бился с мишенями в полной автономности, как в предполагаемом ядерном побоище, где после подрыва подлетевших первыми «Минитменов» с «Титанами» все командные пункты уже парят в стратосфере в виде мелкозернистой стружки, а отдельные, отсеченные от кабелей и «релеек», героические зрдн ведут свою последнюю войну со второй волной ядерных носителей, готовясь в партизаны, ибо совсем не ожидают ракетного пополнения на свои выхолостившиеся ПУ. Однако налицо другой случай. Видите ли, С-200 повышает боевую выучку не в одиночку. Цель и так почти дымится в микроволновке от плотной грозди локационных лучей ведущих ее сопровождение.

«Двухсотый» промазал, не зная того, ибо его ракета все еще летит и наводится, хотя уфиндюлила гораздо далее реальной цели. Зато за дело взялся его розовощекий племян – С-300. «Цель уничтожена! Расход столько-то!» уже ушло с «трехсотки» вверх, а в индикаторах К-2 шикарный «лапоть» мишени, и славное изделие 5В28 все еще движется куда-то в далеко море. Конечно, на общее дело наложила руку еще и всегдашняя нерешительность низов. Просто по ча-

сам, без индикаторов видно, что ракета идет в самонаведении гораздо более, чем предусмотрено в плане выделенной полигону акватории. Так плюньте на заснувшие и ни черта не понимающие на КП верха, коим черным по белому, только в артикуляционном оформлении, доложился «трехсотый»: теперь надо сложить два и два, точнее вычесть из единицы один, и узнать, что мишени в небе уже не наличествует. Конечно, бывает всякое, как в Чите. Но ведь все едино. Уж более минуты пронеслось; 5В28 рубит километр каждую секунду, ясно, что она уж далеко проскочила и мишень, и все с ней связанное. Не требуется быть всеведущим – чуют за двести км рейс с израильтянами, дабы сообразить – что-то не так. «Господа генералы и ниже сидящие капитаны пуска! Обращаемся к вам из будущего телепатическим способом! Срочно вырубите антенну и добейтесь срыва сопровождения!» Не слышат, посиживают, вперяясь в электронно-лучевые трубки, ждут, когда под генеральской фуражкой продаются все клапаны и нейрон с нейроном заговорит. А наведение – любо-дорого ощущать – «лапоть» ТУ-154, еще тот «лапоть». Как с ним в радиолокационном отражении даже сравнивать какую-то мишень «ЛА-жку». Правда, здесь пользовались не «ЛА», а тоже «ТУ», только «243». Но боевому роботу 5В28, почти восемь когда-тошних тонн на ПУ, все едино, он спокойно вершит свою работу. По своей генетической привычке он валится на цель сверху, из стратосферного разряжения. Наверное, никто из пилотов рейса № 1812 – о пас-

сажирах и речи нет – совсем ничего не заметил...

Конечно, кое-кого пожурили, или даже втихую сместили на менее ответственную должность. Но сие без комментариев, да никто их вообще-то и не просил. И конечно с тех пор С-200 более боевыми ракетами не стрелял. Пусть расчеты имитационной аппаратурой обходятся. И вообще, что толку от тех стрельб с устаревшей техники? Мы большая демократическая держава, нас вот-вот в НАТО примут. А в блоке северо-атлантистов свои стандарты вооружений. Может, по случаю вступления, нам подарят пару-тройку «Пэтриотов»? Конечно, до сего момента ничего столь дорогого из богатой Америки не поступало, но мало ли? Мы ведь так их слушаемся, так любим.

* * *

...Быть иль не быть? – Вот истинная правда,
Да и другой уж не было, когда
Град стрел исчез, поскольку все смешалось,
А копыя кончились, и стала их длина,
К тому ж, излишней —
В ход пошел кинжал.
Рука крестьянская к нему как-то привычней.
Особенно у пастухов, они ведь
Режут скот, и каждую обедню
Распарывают овна иль свинью.

Короче, персов строй, точнее то,
Что сохраняется после удара
Фаланги в лоб другой,
Внезапно развернулся по оси...

37. Бунт

– А потом? – спросил майор Родионов, и спросил явно то, что волновало остальных.

– А что потом-то? – удивился Забияка. – Бежать что ли? Еще чего! Мы с вами, ребята, на своей земле, не в Афгане каком-нибудь. Логачев прикроет нас в ближней зоне поражения. Так, Витя? Только опять же, что там твои пятнадцать километров...

– Семнадцать с половиной, – поправил капитан Логачев.

– Ну, семнадцать, конечно же с половиной, извиняюсь, «Стрела-десять» ты моя. В общем, тебе опять же надо не высываться до срока. Хранить полнейшее радиомолчание. А уж если мы, я надеюсь свалим... И даже если не свалим «Авакс», тогда займешься теми, кто прискочит по нашу душу.

– Это в плане с неба, – прокомментировал Родионов, – а если с земли?

– Послушай, Саша, вот вечно ты все несколько обсе...шь. Опять же повторюсь для тугоумных. Некуда нам сматываться. Не хватало еще от всякой милиции бегать, или там, от «миротворцев» ООН-овских. Мы на своей земле. И вообще, ты, Александр Николаевич, во время боя станешь у нас самой свободной птицей. Ведь ракеты дополнительные нам никто подвозить не обещался. Так что со своими людьми и

займешься обороной внешнего периметра от наземного противника.

– Да, но чем же я буду...

– Мы выдадим тебе из боеприпасов все, что есть. И опять же сам понимаешь, против роты, да и взвода какого-нибудь спецназа, мы все едино не выстоим – скрутят они нас в бараний рог.

– Ладно, с нами ясно, – сказал Родионов. – Погибать так с музыкой. Как на счет семей? Ты-то хитрец, своих давно отправил.

– Саша, только не записывай меня в «нострадамусы», – поморщился Забияка. – Если б я таковым был, то тогда бы сбежал отсюда еще в девяностых.

– А я бы наверно прихлопнул Горбачева, – подал задумчивый голос Землянский.

– Каким образом? – удивился Забияка. – Ты ж в те времена еще под стол ходил?

– Это неважно, – вмешался Логачев. – Главное, что молодежь хоть мечтает в правильном направлении.

– Опять мы отвлеклись, – констатировал Забияка. – Чертова интеллигентская привычка – много рассуждать. Наследие СССР, между прочим. Вот так тогда на кухнях все и проговорили. Ты спросил на счет семей, Александр Николаевич? Сейчас конечно не угадаешь, где оно, что произойдет. Можно ошибиться, как вот та давняя английская семья, умудрившаяся переехать по далее от грядущей ядерной вой-

ны, и смело окопавшаяся на Фолклендских островах, как раз за месяц до островной войны.

– И правда, интеллигенты, – просуммировал Родионов.

– Так вот, – встряхнулся Забияка, – не смотря на то, что угадать сейчас не получится, здесь, вблизи позиций, может стать очень жарко. Вероятность попасть под... может даже и бомбу... гораздо больше. Так что надо их отправлять и срочно.

– Это насторожит остальных, – прикинул Землянский. – Выдаст нас с потрохами.

– Но ведь рискованно оставлять как есть? – покосился на старлея Родионов.

– Да, рискованно. Но завалить план в самом начале вообще глупо.

– Тебе легко рассуждать, – почти со злобой глянул на него Логачев, – у тебя детишек нет.

– Не цепляйтесь с старшему лейтенанту! – притушил назревающую ссору Забияка. – Нашли повод. Тут все в куче – плюсы и минусы. Скажите спасибо, что Антон с нами. У него детей нет, значит, нет и повода воевать за будущее. Это нам, семейным, надо заботиться о грядущем своих чад, правильно? – он обвел взглядом помещение. – Короче, с политическими пристрастиями все ясно-понятно, тут нечего рядиться. Это когда в будущем в тюрьму к «миротворцам» угодим, тогда и на рассуждаемся вволю. Сейчас надо дело делать. На счет семей... Думаю, здесь индивидуальное решение каждо-

го. И естественно, правду своим говорить нельзя. Действительно будет обидно попасть под суд, или там еще куда, не успев ничего сделать. Теперь вот что... Самое главное, надежное.

– Но мы вроде технологию боевой работы наметили? – не понял Логачев.

– Это мы с тобой наедине наметили, Витя. Другие не в курсе, – Забияка обвел взглядом присутствующих. – Но я позже поясню, как будет работать железо с нашей помощью. В конце-концов, дело для нас привычное, пусть и не в натуральной войне накатанное. Но еще до этого надо обеспечить плацдарм для работы. Я имею в виду, вывести из игры всех стукачей и прочих, способных нам помешать.

– С трудом это представляю, – сказал начальник П-18 Гильманов.

– Да, будут трудности, – майор Забияка вытер внезапно проступивший на лбу пот. – Нас довольно мало, но надо постараться сделать все практически одновременно. Не стрелять же всех наших любителей европейского выбора в самом-то деле? Иначе пока мы будем вязать одного, солдатики разнесут слух, и второго-третьего таким же Макаром повязать не удастся.

– У меня эврика! Думаю, надо собрать совещание. Или там собрание, – выдал свежую мысль Логачев.

– Точно, поскольку мы будем там единственные загодя вооруженные, то...

– Да, но на собрании они тоже окажутся в куче, – возразил Родионов. – Вы ж не будете палить в толпу в самом-то деле? Будет большая драка.

– Но другой возможности я вообще не представляю, – пожал плечами Забияка.

– Пожалуй, предварительно надо будет обратиться к присутствующим с призывом, – подсказал Гильманов. – А наши пусть сядут поближе к ненадежным товарищам. Вот тут мы их и...

– Да, примерно в таком духе. Главное чтобы никто не успел сбежать. Причем делать все это надо прямо сегодня. У нас нет времени на мазюканье, – подвел итог Забияка. – Кто там нынче дежурный по части? Карпов? Надо переговорить с ним в закутке. Он, по идее, свой, так что вооружимся без проблем.

– Хотелось бы верить в эдакое счастье, – задумчиво потеребил фуражку Александр Родионов.

* * *

...Фаланги больше не было —
Толпа, точнее две толпы,
Только одна другую
Теснила, а теперь
Уж била по спине. А конница?

Отдельные бойцы уже давно освободили поле,
Но окромя того,
К преследованью годные войска
Насколько же использованы могут
Быть – в отступлении.
Да, был еще момент,
Где Мильтиад явил предосторожность
Отменную. Он не позволил войску
Бессмысленной, безумною толпой,
Ведомой жаждой крови и убийства
Преследовать врага до кораблей...

38. Общага

С некоторой точки зрения, вполне допустимо, что во времена почившего в бесславье СССР, конкретно данную фазу операции удалось бы провести вообще без шума-пыли. Речь сейчас не о том, что тогда подобная акция чужестранцев внутри страны оказалась бы просто-напросто невозможной, речь о самой фазе загрузки. В давние времена стало бы достаточно автобусов с открытыми дверцами и громкоговорителя: «Товарищи студенты! Всем проживающим требуется срочно сесть в транспорт для отправки на... „митинг, по случаю прибытия в город Генерального секретаря КПСС“, „для срочной вакцинации – в городе эпидемия“, „для участия в массовой – снимается фильм о современной молодежи“, „все приглашены на бесплатный концерт с участием группы „Самоцветы““ и т. д. (нужное подчеркнуть)». Естественно, имелся бы некий процент уклонившихся от мероприятия, и закупорившихся в номерах. Но более половины проживающих, все едино, угодили бы в автобусы, а уж потом их можно было бы везти хоть к черту на кулички. Ну а сейчас приходилось осуществлять настоящую «зачистку». И ведь мало того, что это оказалось не в меру шумно – во всех смыслах, – но даже «зачистка» всей последовательности этажей тоже не гарантировала стопроцентный сбор. Кого-то из проживающий просто не числилось на месте, а кто-то

особо мудрый успел сигануть в окно.

И вообще, тут, наверное, и не требовалось иметь большие продвинутые мозги. Ведь к общежитию подружили не только какие-то некомфортабельные автобусы «ЛАЗ». Тут имелись явно военные джипы, а кроме них – настоящие, камуфлированные боевые машины. Так что призыв о концерте «На-На» сейчас все равно бы не прокатил, вот о вакцинации, в связи с навалившейся на город холерой, или вторжением инопланетян, подошел бы очень к месту.

Конечно, обеспокоенная бабушка-вахтер внизу, увидев ввалившихся в холл автоматчиков, мужественно поинтересовалась: «Что такое?». Никто ее не слушал, а когда она попыталась обратить на себя внимание выходом из остекленной будки, десятый из проскакивающих мимо военных, не останавливаясь, совершил быстрое движение прикладом. Данная бабушка родилась и выросла при тоталитарном Союзе, где она была надежно отгорожена от практической составляющей теории Дарвина – в зрелом возрасте ее никто никогда не бил. Сейчас простая природная механика выживания сильнейшего мгновенно превратила ее в свободно падающий, уже по законам Ньютона, манекен. Остекленная будка, так же несла в себе дешевую прелесть онтологии времени, когда война и мир были отделены друг от дружки так же прочно, как явь от видений, потому стекла были не бронированы. Брошенный в них манекен старушки сокрушил всю конструкцию. Совершенно некрасивый, не хрустальный

звон плохо протертого стекла марки «четверка», тем не менее, создал аккомпанировку грохоту многочисленной парности солдатских полуботинок.

«Зачистку» начали с этажа номер «два», но не с ближних, а с дальних относительно входа комнат. В составе ворвавшейся группы наличествовал по крайней мере один человек в штатском. Это и был «корректировщик» – один из тех турок, которые внедрились в страну под видом рабочих. Вернее, в процессе честного выполнения обязанностей рабочего по ремонту гостиницы «Атлас», он еще и изучал город Дونهцк, в плане нахождения первостепенных для атаки целей. В данном общежитии он уже бывал, ибо с некоторыми из проживающих тут девиц он не единожды распивал спиртные напитки, а с одной, после большой пьянки, ему даже удалось забесплатно переспать. Так же он был шапочно знаком и с возлежащей в груди стекол бабушкой: в былые времена он мило с ней расшаркивался и совал в подарок дешевую коробочку конфет. Теперь конфеты для входа не требовались, и потому бабушка его не интересовала. Он деловито показывал облаченному в каску сержанту вправо-лево и объяснял что-то на своем родном языке. Турецкий в этой старой постройке использовался впервые в истории.

Не все из проживающих сидели по комнатам, кое-кто перемещался по коридорам по всяческим бытовым нуждам. Более того, некоторые, услышав шум тяжелых машин внизу, выглянули из окон и открыли в удивлении рты; теперь

они же высунулись в двери, посмотреть, что же делается внутри. Передовые солдаты быстро достигли оконечности коридоров, то есть, обозначили фланги начавшейся операции: замершие посреди, или у стенок этих же коридоров девицы их вроде бы пока не интересовали. Ими занялась следующая боевая группа. Совершенно не знающие русского, а уж тем паче украинского языка солдаты начали просто выталкивать девушек ко входу. Тут их перехватывала очередная группа. Здесь их уже обязательно крепко ухватывали за руки, или за что получится, и волокли к дверям. Там происходила эстафетная передача в лапы следующих специалистов. Те, уже ни на секунду не отпуская пленниц, ибо вокруг была улица, тащили их к автобусам. Все происходило достаточно продуманно и главное – быстро. Так быстро, что поначалу ошарашенные жительницы «общаги» даже не поняли что к чему: не было ни душераздирающих визгов, ни серьезного физического сопротивления. Все это началось, когда турки стали врываться в комнаты. Некоторые помещения оказались, естественно, закрыты изнутри, ибо времена ожидаемого когда-то коммунизма – мира без замков и ключиков – так и не наступили. Тогда солдаты наваливались плечом, или производили удар тяжелым полуботинком. Любого из действий вполне хватало, ибо ни двери, ни дешевые замки, ни тем более щеколды никак не планировались в качестве отпора настоящим империалистическим агрессорам.

Некоторых девушек выбитые двери заставляли за поглоще-

нием чая с пряниками, а кое-кого даже развалившимися в безделье на койках. Большинство из них вовсе не ожидало гостей, а лето было привычно жарким, так что вполне часто попадались особы в нижнем белье. Вот они то, в момент, когда их прямо в неглиже, поволокли по ступенькам, как раз и начали визжать по-настоящему. Что касается физическо-го сопротивления, то в основном оно только сместило обла-ченных для серьезного боя громил. Правда, с молодыми де-вушками все же не обходились как с давешней вахтершей, то есть при случае колотили только руками, никоим образом не прикладами. Кстати, из-за разбитой старушечьей «будки» возникли некоторые сложности. Ведь кое-какие из жертв не успели обуться даже во что-нибудь, а некоторые потеряли та-почки в процессе ускоренного спуска по ступенькам. Теперь они резали ноги в усыпанном стеклами холле. Тем не менее, со вторым этажом турецкая команда покончила достаточно быстро.

Всяческие мелкие сюрпризы, в целом не явившиеся по-мехой для операции, начались на третьем. Вначале солдаты попали в комнату, в коей уже в течение пары часов проис-ходила интенсивное поглощение спиртного, но главное, тут находилось несколько парней. Окно этой комнаты вы-ходило на противоположную от входа сторону, а музыка-со-проводилка грохотала здесь «на полную», так что появле-ние мужчин в камуфляже и со стволами наперевес оказалось полнейшей неожиданностью. Быстрее всех среагировал са-

мый старший из присутствующих. «Спецназ!», – гаркнул он со знанием дела, после чего перепрыгнул через ногу так нежно обнимаемой им секунду тому девицы, к распахнутому окну. «Мне никак нельзя, ребятки, я на условке», – пояснил он не столь громко, явно в качестве извинения, и тут же сиганул в это самое окно. Один из двух ворвавшихся, отработав автоматически, пальнул вдогонку, но похоже не успел зацепить беглеца, зато в доме напротив посыпались стекла и штукатурка. Между прочим, данный гуляка оказался одним из немногих, кому удалось запросто уйти из зоны облавы, но как свидетель чего-либо он все же никогда и нигде не фигурировал.

Натуральная стрельба над столом, с бутылочками и закусью, произвела на остальных попросту шоковое воздействие. Только один из гостей женской общаги служил в армии, но и там ему удалось стрельнуть из автомата только пять раз, и в общей сложности, пятнадцать патронов. Так что солдаты спокойно вытолкали наличных девиц к двери, где ими привычно занялась команда «два», а пятерых все еще пляющих глаза в удивлении юношей они весьма простыми жестами заставили лечь, после чего опрокинули на них стол с недоедками и недопитками, и, пнув пару раз ближнего, отправились проводить половую селекцию далее.

В паре комнат пятого этажа кое-кто, из наблюдающих за улицей и прислушивающийся к шумам внутри, решился на возведение баррикад. Но мгновенное переключение с мир-

ной студенческой привольности на серьезное сопротивление врагу – вещь практически невозможная. Никто из дамочек не догадался даже опрокинуть на дверь, например, шкаф – и дело не в том, что от этого тоже не случилось бы никакого толку – просто, в шкафу наличествовало так много модных шмоток: с точки зрения женской психологии, пожертвовать всем этим было никак нельзя. Ну, а баррикады из стульев и тумбочек оказались ничуть не лучше старинных, много раз покрашенных вместе с дверями, щеколд тоталитарного времени. В общем, всего через двадцать две минуты спустившиеся вниз сержанты доложили подполковнику командующему операцией о ее успешном окончании. Им пришлось солидно напрягать гортань. Дело в том, что из автобусов уже всюю сыпались русские ругательства – до студенток Донецкого технического университета наконец дошло, что с ними творится что-то из ряда вон выходящее.

Кстати, вокруг уже появились зеваки, и из соседних домов вообще высунулось до сотни любопытных лиц. Командир операции хлопнул по плечу ближайшего подчиненного, хохотнул, и бодро вскочил в раскрашенный подобно жирафу «Хаммер». Затем он дал отмашку. На выезде из арки, какой-то, плохо осведомленный о уже свершившейся перекройке мира в войну, водитель, только мгновение назад припарковавший своё лимонное «Дэо» чуть ли не поперек дороги, попытался о чем-то спорить с как раз выруливающий на эту же дорогу БТР-80. То было очень неумное, и как ока-

залось, смертельно опасное дело. Ибо вначале большое колесо четырнадцатитонной машины просто отжало его нецарапанную доселе игрушку в сторону, а потом сверху пальнул короткую связку пуль тяжелый КПВТ. Это проявил свое эго сидящий наверху стрелок-пулеметчик: видимо ему очень хотелось помочь водителю бронетранспортера хотя бы чем-нибудь.

* * *

...Он опасался, знаете чего?
Той конницы, оттянутой назад.
Достаточно пошевелиться вновь,
Чтоб разнести преследующих в щепки,
Ведь здесь, внизу, долина Марафона
Росла в длину, а так же ширину.
Однако и уйти тем кораблям,
Что азиатов принесли на берег,
Он не хотел позволить. Искушал
Его должно быть Марс или Афина,
Похоже все же женщина, поскольку
У греков Марс не значился в богах...

39. Телефон, телеграф и...

Потасовку подобного плана надо снимать на видео. Эффект конечно будет не сравним с драками в Верховной Раде, однако тоже интересно. Может успешно применяться пост-модернистами-реформаторами в плане показа окончательного разложения армии. Бойцам-первогодкам будет весьма приятно полюбоваться, как «гансы-офицеры» чистят друг другу хари, и колотятся стульями. Николай Забияка во все не зря опасался именно данного этапа офицерского бунта. Оказывается действительно, в любой революции самое сложное – разобраться со своими. С другими потом легче – нападаем сплоченной кагалой. А вот разборка в собственных рядах... Здесь надо иметь воистину основополагающую объединительную идею, и мозги умеющие отстраняться от частностей, и полностью, до последней клеточки подчиненные железной воле. Может быть даже особую мораль, ибо через обычное сентиментальное сюсюканье разборка с теми, кто рядом, сразу воспринимается как эквивалент предательства. То есть, круговая порука дело такое – в обе стороны тянет.

Опасаясь срыва, или локальных проколов в этом первичном этапе, майор Забияка сотворил своеобразную подстраховку. Все революционеры ведают, что главным всегда является контроль связи – «телефон, телеграф, вокзал», как говаривал позабытый потомками пионеров дедушка Влади-

мир Ильич. Слава, отвергнутому тем же дедушкой, богу, в плане связи, кое-какие внешние, по отношению к полигону, и даже внутренние обстоятельства способствовали планам бунтаря Забияки. Во внешнем мире, в привязке ко времени, уж не первые сутки, а пространственном континууме, по крайней мере, как предполагал Забияка, в пределах Крымского полуострова, начисто отсутствовала спутнико-мобильная связь. Давали перебои и обычные телефонные линии, а в плане отдельных направлений – междугородние сообщения. Возможно и международные тоже, однако проверить такое не получалось: несмотря на свалившееся с неба благоденствие глобализации никто из офицеров полигона до сей поры не завел дружков-приятелей в Нью-Йорке, Чикаго, или в иных-прочих веселых местах планеты. Да и Министерство Обороны, надо же, до сих пор не выписывало офицерам путевок на Гавайские острова. Или может, просто никто туда не хотел и не писал соответствующих рапортов? Кстати, в плане местных военнослужащих такое вполне допустимо, они ведь и так служили в Крыму – чего еще надо-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.